

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

433' 99

**СОЦІОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ
СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА:
МЕТОДОЛОГІЯ, ТЕОРІЯ, МЕТОДИ**

**SOCIOLOGICAL STUDIES
OF CONTEMPORARY SOCIETY:
METHODOLOGY, THEORY, METHODS**

**ISSN 0453-7998 Вісник Харківського
університету. Соціологічні дослідження
сучасного суспільства: методологія,
теорія, методи. 1999. № 433.**

V.N. Karazin Kharkiv National University

00316316

6

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

433' 99

Заснований в 1983 р.

**СОЦІОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ СУЧАСНОГО
СУСПІЛЬСТВА: МЕТОДОЛОГІЯ, ТЕОРІЯ, МЕТОДИ**

**SOCIOLOGICAL STUDIES OF CONTEMPORARY
SOCIETY: METHODOLOGY, THEORY, METHODS**

ББК 60.5
В-36

Вісник Харківського державного університету. "Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи". – 1999. – №433. – 185 с.

Вестник Харьковского государственного университета. "Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы". – 1999. – №433. – 185 с.

Visnyk of Kharkiv State University. "Sociological Studies of Contemporary Society: Methodology, Theory, Methods". – 1999. – #433. – 185 p.

Друкується згідно з рішенням Вченої ради Харківського держуніверситету. Протокол № 4 від 29 квітня 1999 р.

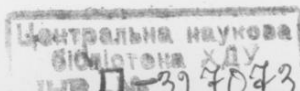
Редакційна колегія:

Д-р соціолог. н. проф. **В.С.Бакіров** (відповідальний редактор), д-р екон. н. проф. **Є.М.Воробйов**, д-р філос. н. проф. **М.І.Сазонов**, д-р соціол. н. проф. **В.О.Соболев**, д-р філос. н. проф. **В.В.Шкода**, д-р філос. наук, проф. **О.О.Якуба**, канд. філос. наук, доцент **В.М.Ніколаєвський** (відповідальний секретар).

Адреса редакційної колегії:

310002, Харків, вул. Мироносицька, 1, соціологічний факультет ХДУ
Тел.: 45-73-72, 45-75-55, 45-73-68; e-mail: sociology@univer.kharkov.ua

© Харківський державний
університет
1999

ЗМІСТ

Куценко О.Д. СОЦІОЛОГІЯ: ТРАНСФОРМАЦІЯ ЯК ВІДПОВІДЬ НА ГЛИБИННІ ЗМІНИ СУЧАСНОГО СУСПІЛЬСТВА	7
Афонін Е.А. УКРАЇНА-ЄВРОПА-СВІТ: ШЛЯХОМ КОЕВОЛЮЦІЇ	13
Сокур'янська Л.Г. СОЦІАЛЬНЕ САМОВИЗНАЧЕННЯ МОЛОДИ ЯК ПРЕДМЕТ СОЦІОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ	17
Лисиця Н.М. ФУНКЦІЇ СОЦІАЛЬНОГО ІНСТИТУТА РЕКЛАМИ	22
Бакіров В.С., Кізілов О.І., Навроцький О.І., Ніколаєвський В.М., Філінська Л.В. ПРИВАТИЗАЦІЙНІ ПРОЦЕСИ В УКРАЇНІ: ДОСВІД АНАЛІЗУ СОЦІАЛЬНОГО ВПЛИВУ	28
Хижняк Л.М. ОБРАЗ ПРИВАБЛИВОЇ ТРУДОВОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ В СПРИЙНЯТТІ РІЗНИХ СОЦІАЛЬНИХ ГРУП	38
Думко Ф.К. НАСИЛЬСТВО В СІМ'І	42
Рущенко І.П. ЗЛОЧИН І ЗЛОЧИННІСТЬ (МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАУВАЖЕННЯ)	48
Халтобін В.О. ГРОМАДСЬКА ДУМКА В СТРУКТУРІ СОЦІАЛЬНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ	56
Саппа М.М. ВИКОРИСТАННЯ ЯДЕРНОЇ ЕНЕРГІЇ: ПРОЦЕС ІНСТИТУЦІАЛІЗАЦІЇ	59
Ніколаєвська А.М. ПРО ВИКОРИСТАННЯ ТЕСТОВИХ МЕТОДИК У СОЦІОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ	67
Лантух А.П. РЕЛІГІЙНИЙ МАРГІНАЛІЗМ ЯК ОДИН З РІВНІВ ВИЯВЛЕННЯ МАРГІНАЛЬНОСТІ В СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ	71
Іваківа О.Б. ТРАНСФОРМАЦІЯ СОЦІАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ В СУЧАСНОМУ УКРАЇНСЬКОМУ СУСПІЛЬСТВІ	76
Євдокімова І.А. ОСНОВНІ ПІДХОДИ ДО РИЗИКУ В СУЧАСНІЙ НАУЦІ: ДО РОЗРОБКИ СОЦІОЛОГІЧНОЇ КОНЦЕПЦІЇ РИЗИКУ	79
Кабачна О.В. ДО ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМИ КОМУНІКАЦІЙНОГО КОНФЛІКТУ	83
Кононов О.О. ДЕЯКІ АСПЕКТИ СПІВВІДНОШЕННЯ РАЦІОНАЛЬНОГО ТА ІРРАЦІОНАЛЬНОГО В КОНЦЕПЦІЇ ПОСТІНДУСТРІАЛЬНОГО СУСПІЛЬСТВА	88
Мусяєздов О.О. ПОВСЯКДЕННІСТЬ ЯК СОЦІОЛОГІЧНА ПРОБЛЕМА	91
Сорока Ю.Г. ДИСКУРС "ВЛАДИ" В ПОДАННІ МІСЦЕВОГО ТЕЛЕБАЧЕННЯ	95
Ковальчук О.П., Рябінська Н.С. ДОСВІД ВИКОРИСТАННЯ КОНТЕНТ-АНАЛІЗУ У ВИВЧЕННІ ГАЗЕТНИХ ПУБЛІКАЦІЙ НАПЕРЕДОДНІ ПРЕЗИДЕНТСЬКИХ ВИБОРІВ	98

Кірієнко У.В. ВИБОРЧА СИСТЕМА УКРАЇНИ: ІНСТИТУЦІОНАЛЬНІ ТА ПОЛІТИЧНІ ЕФЕКТИ	101
Зарічкова М.В. СОЦІОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ РИНКОВОЇ ТРАНСФОРМАЦІЇ ЕКОНОМІКИ В УКРАЇНІ	106
Чернявська О.В. СОЦІАЛЬНА НАПРУЖЕНОСТЬ ЯК СУСПІЛЬНА РЕАЦІЯ НА СОЦІАЛЬНІ ЗМІНИ: АНАЛІЗ ДЕЯКИХ ТЕНДЕНЦІЙ	109
Балабанова Н.В. СОЦІАЛЬНИЙ ДІАЛОГ І СОЦІАЛЬНА ПОЛІТИКА ДЕРЖАВИ	115
Шейко Р.В. "СОЦІАЛЬНИЙ СТАТУС": ДО ПИТАННЯ ЩОДО ПОНЯТТЯ	120
Чернецька Т.М. ПРОБЛЕМИ РОЗВИТКУ СЕРЕДНІХ КЛАСІВ В УКРАЇНІ	124
Шмачко В.Б. НЕЗАЙНЯТА МОЛОДЬ НА РИНКУ ПРАЦІ	127
Болотова В.О. ПРОФЕСІЙНА ІДЕНТИФІКАЦІЯ ОСОБИСТОСТІ ЯК МЕХАНІЗМ СОЦІАЛІЗАЦІЇ В ГАЛУЗІ ПРАЦІ	130
Бондаренко О.Б. "КЛАС ПРОФЕСІОНАЛІВ" В УКРАЇНІ: ТЕНДЕНЦІЇ СТАНОВЛЕННЯ	134
Грицьов С.А. СОЦІОКУЛЬТУРНІ МОДИФІКАЦІЇ РОЛІ ВЧИТЕЛЯ	138
Ляшенко Н.О. ОСОБЛИВОСТІ ПРОФЕСІЙНОЇ ОРІЕНТАЦІЇ КУРСАНТІВ УНІВЕРСИТЕТУ ВНУТРІШНІХ СПРАВ	141
Максимова Н.Л. МЕТОДОЛОГІЧНІ АСПЕКТИ ВИВЧЕННЯ ПРОФЕСІЙНОЇ КУЛЬТУРИ	146
Дивульський Д.Є. ЦІНІСНО-МОТИВАЦІЙНА СФЕРА СВІДОМОСТІ СУЧАСНОГО УКРАЇНСЬКОГО ПІДПРИЄМЦЯ (ЗА МАТЕРІАЛАМИ СОЦІОЛОГІЧНОГО ДОСЛІДЖЕННЯ)	151
Марковська Г.О. СОЦІОКУЛЬТУРНА ЗУМОВЛЕНІСТЬ ПРИЙНЯТТЯ ЗЛОЧИННОГО ВИБОРУ МОЛОДДЮ	155
Гордєєва Н.О. СІМ'Я ПЕРЕХІДНОГО ПЕРІОДУ (СОЦІАЛЬНІ ЗМІНИ І ФУНКЦІЇ СУЧАСНОЇ СІМ'Ї)	157
Слоан П. УКРАЇНА ОЧАМИ АМЕРИКАНСЬКОГО СОЦІОЛОГА	162
Шеффер М. ВІДКРИТЕ СУСПІЛЬСТВО: МОДЕЛЬ СОЦІАЛЬНОЇ ПОЛІТИКИ ДЛЯ УКРАЇНИ	167
ПЕРШІ ПУБЛІКАЦІЇ:	
Юдочкін С.В. ПОЯСНЕННЯ ТА РОЗУМІННЯ В СОЦІОЛОГІЇ	171
Панюта В.І. СУЧАСНИЙ СУСПІЛЬНИЙ РОЗВИТОК І ЦІННОСТІ МАСОВОЇ КУЛЬТУРИ	175
СОДЕРЖАННЯ	179
CONTENTS	181

Этот выпуск "Вестника Харьковского государственного университета" посвящается юбилею Елены Александровны Якубы – доктора философских наук, профессора, заведующей кафедрой социологии, члена правления Социологической ассоциации Украины, бессменного руководителя ее Харьковского отделения, академика Международной академии высшей школы (г. Москва).

Вся творческая жизнь Елены Александровны связана с Харьковским государственным университетом, в стенах которого она плодотворно работает вот уже более 40 лет. Здесь она училась в аспирантуре, работала преподавателем, доцентом, профессором. В нынешнем, юбилейном для Елены Александровны году Ученый совет ХГУ присвоил ей почетное звание "Заслуженный профессор Харьковского государственного университета".

Научная и педагогическая общественность страны знает Е.А.Якубу как самоотверженного и бескомпромиссного борца за становление и развитие отечественной социологии. Целеустремленность и настойчивость Елены Александровны, ее талант ученого и организатора, служение делу социологического образования и науки снискали ей огромное уважение и любовь коллег и учеников. Усилиями этой обаятельной и чрезвычайно деятельной женщины создана и плодотворно работает харьковская школа социологов, занимающая одно из ведущих мест в отечественной социологической науке и практике. У истоков этой школы стояла социологическая лаборатория ХГУ, созданная еще в 1963 году. Ее бессменным научным руководителем вот уже более 35 лет является Е.А.Якуба. К личной заслуге Елены Александровны, несомненно, можно отнести создание в 1980 г. кафедры социологии, что позволило начать подготовку в Харьковском университете специалистов-социологов. Благодаря усилиям Е.А.Якубы в 1990 г. в ХГУ был открыт первый в Украине социологический факультет, где она и сегодня успешно трудится, воспитывая новые поколения профессиональных социологов. Многочисленные ученики Е.А.Якубы, среди которых около 40 кандидатов и 12 докторов наук, бесконечно благодарны ей за те замечательные уроки высочайшего профессионализма, нравственной активности, гражданственности, которые она не устает преподавать им, несмотря на драматизм современной социальной ситуации.

Несомненный педагогический талант Е.А.Якубы и ее талант ученого, исследователя сложных социальных процессов прекрасно дополняют друг друга. В Украине и за ее пределами хорошо известны результаты научного поиска Елены Александровны. Ее работы по социологии морали и права, социальной активности, общественного мнения, социальной структуры, по проблемам образования и воспитания пользуются заслуженным признанием научной общественности. Оригинальная философско-социологическая интерпретация взаимодействия морали и права была представлена Е.А.Якубой в результате осуществленного ею в 60-е годы фундаментального исследования права и нравственности как регуляторов общественных отношений.

Широкое признание в социологических кругах получила разработанная Е.А.Якубой теория социальной активности личности. Неоспорим ее вклад в развитие социологии образования и воспитания, в совершенствование деятельности высшей школы. Вышедшие при ее непосредственном участии монографии и многие другие публикации объединены единым замыслом. В них высшая школа рассматривается как социальный инсти-

тут, важнейшей функцией которого является формирование профессионала и интеллекта. Главное же значение исследований Е.А.Якубы по проблемам образования и воспитания – их практическая направленность. Достаточно упомянуть одну из предложенных ею социальных технологий – систему “Стажер”, которая была внедрена в ряде вузов Украины.

Сегодня исследовательский интерес Е.А.Якубы главным образом сосредоточен вокруг проблемы структурных изменений современного украинского общества. Результаты ее эмпирических исследований в этой области нашли отражение в опубликованной в 1997 году коллективной монографии “Изменения социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации”, главным редактором и одним из авторов которой является профессор Якуба Е.А. Впереди – новые исследования социальной структуры, которые Елена Александровна планирует осуществить совместно с российскими коллегами.

Постоянное стремление Е.А.Якубы популяризировать достижения социологической науки, внедрять результаты эмпирических исследований в социальную практику находит свое выражение в ее деятельности в качестве члена правления Социологической ассоциации Украины. С этой целью по ее инициативе и под ее непосредственным руководством проводятся многочисленные международные научные конференции. Особой популярностью у научной общественности Украины и стран ближнего зарубежья пользуются “Харьковские социологические чтения”, ставшие традиционной формой научной коммуникации социологов-профессионалов.

Активная творческая деятельность Е.А.Якубы по развитию отечественной социологии была отмечена в 1998 году присвоением ей звания “Почетный член Социологической ассоциации Украины”.

Среди многочисленных талантов Елены Александровны, пожалуй, самым замечательным является ее человеческий талант, подлинная интеллигентность в сочетании с настоящими бойцовскими качествами. Все, кому приходилось общаться с Еленой Александровной, отмечают ее бесконечную доброжелательность, толерантность, уважение к личности, готовность помочь и многие другие качества, которые сегодня столь дефицитны и на которые она так щедра.

Пусть же счастье и творческая удача всегда сопутствуют Вам, дорогая Елена Александровна, пусть сбудутся все Ваши желания, профессиональные и человеческие планы! А мы, Ваши благодарные ученики, низко кланяемся Вам, дорогой наш Человек и Учитель, за все, что Вы делаете и еще сделаете для социологической науки, для всех нас!

Редколегія “Віснику ХДУ”,
викладачі та співробітники
соціологічного факультету ХДУ

СОЦИОЛОГИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛУБИННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Судьба социологии, как и всех социальных наук, неразрывно связана с современным обществом, взрывной, напряженный характер истории которого не смягчается с процессом его "старения". Возникнув как объективная необходимость внести рациональность в социальный конфликт, социология на протяжении примерно полуторовековой своей истории неумолимо "взрывается" внутренними конфликтами, саморефлексирует по поводу собственного влияния на динамику общества. Периоды радикального внутреннего недовольства сменяются периодами конструктивистских действий и переносом наследия на новый, обогащенный свежими либо забытыми идеями, виток. В этом смысле судьба социологии в ряду иных наук уникальна. Ничто так не изменчиво в окружающем нас мире, как общество, и эта изменчивость предопределяет непохожесть судьбы социальных наук.

Глубокий кризис в мировой социологии, разразившийся в 60-70 годы, стимулировавший распространение концепций рефлексивной, гуманистической, моральной социологии (Ч.Р.Миллс, А.Гоулднер, Н.Бирнбаум, А.Турэн и др.), в 90-е годы XX века сменяется периодом пересмотра глубинных оснований науки, ее реконструкции как ответ на вызовы современности. Прошедший в июле 1998 года XIV Всемирный конгресс социологов стал своего рода "смотром", мобилизацией достигнутого перед выходом на орбиту новых перспектив.

Социальный мир не просто фиксируется в исследовательской работе, но и создается когнитивной причастностью социолога к нему. Социологи примеряют к себе теорию деятельности, однако получают неоднозначные результаты. Согласно одной перспективе, представленной прежде всего М.Арчер [1], Э.Гидденсом [2], отчасти – Дж.Александром [3], роль социальных наук и социологов преувеличена. Новый современный порядок конструируют личности с помощью индивидуальных акторов и групповых агентов. Не какие-либо тенденции системы или ориентированные на изменения сообщества, классы, движения, а повседневное поведение обычных людей, часто далеких от реформистских намерений, играет первую скрипку в создании композиции нового порядка. И роль социального ученого в таком контексте близка, скорее, образу чернорабочего, "копающегося" в морфогенезе мира повседневных действий, и в силу такой роли выступающего единственным гарантом моральности своей деятельности [1, с. 15].

Согласно другой, конструктивистской перспективе, представленной И.Уоллерстейном [4; 5; 6] и А.Турэном [7], социальные науки должны взять на себя коллективное бремя конструирования нового плюралистического универсума, а социологи могут быть представлены как "новый интеллектуальный класс", способный взять под защиту демократические процессы от случайностей и насилия политиков. Данный вывод развивает идеи рефлексивной социологии о роли социального ученого как агента социальных изменений. По Гоулднеру, роль социолога – преодолевать сковывающие людей формы и значения, ранее созданные ими, творить новые, чтобы вырваться из рутины институционализированных структур [8, с. 263]. С возникновением постиндустриального общества существенно увеличились возможности самодеятельности, расширился диапазон возможностей и вариантов выбора. В такой ситуации "самопроизводящиеся общества" [7] нуждаются в новом интеллектуальном классе, социальных ученых, распознающих неоднозначные образы плюралистического универсума и освещающих альтернативные формы в существующей рациональности [4, с. 20].

Современные дебаты отражают процесс активной трансформации, которую переживают не только современные общества, но и современная социология. Рождение социологии в XIX веке было связано с поиском социальных реформ в индустриальном обществе. Современную трансформацию П.Штомпка определил как "природный эксперимент, в который вмещаются политические решения" [9]. Мощное возрождение социологии на рубеже тысячелетий возможно в случае признания настоятельной необходимости воспринять и понять новые культурные требования, новых социальных акторов и движения, институциональные процессы трансформации социальных конфликтов и культурных новаций в новые институты и мотивации. Радикальная оппозиция, проявившаяся в последнее десятилетие в современном мире между нео-либерализмом и идеологией глобального обличения всех аспектов социальной жизни, имеет существенное общее – распространение идей беспомощности перед глобализацией экономики и насилием политики. Вызовом такой оппозиции, подобно веку назад в оппозиции между либерализмом и коммунизмом, может стать роль социальных ученых, способных создать интеллектуальные условия, которые делают возможным формирование новых акторов, новых движений, дебатов и конфликтов в публичном пространстве.

Вызовы "поздней современности" (А.Гидденс) отразились в ведущих нотах современной трансформации мировой социологии. В области теории ярко обозначилась переориентация *с системно-центрированной на акторо-центрированную перспективу*. Убедительным свидетельством этому являются работы таких авторитетных в мировой социологии исследователей, как Дж.Александр, А.Турен, Д.Левин, М.Арчер, Х.Джоас. Настоящая переориентация социальных наук оппозиционна позитивизму, идеям общества Конта либо Дюркгейма, однако открыта всем тем интерпретациям, которые требуют превосходства культурных ценностей над социальными нормами [7, с. 10]. Традиционно утверждалось, что социальные взаимодействия могут быть поняты и оценены с точки зрения социальной системы, ее законов, потребностей и институтов. В качестве лидирующего предлагается иное (хотя и не новое) *определение социологии как понимания и интерпретации акторов* [7]. Данная переориентация связана с потребностью и попыткой заполнить брешь между инструментальной рациональностью и культурной идентичностью, осознанием *опасности* устранения акторов от социальной жизни, стремления положиться лишь на экономическую рациональность и технологическую инновацию, принять монополию интеллектуалов и политических лидеров. Кроме того, в данной переориентации находит отражение и качественное изменение западных обществ в последние десятилетия, которые в своем стремлении к солидарности все больше проявляют себя как общности. Значительные усилия прикладываются в направлении пересмотра теории рациональности, теории действия как одних из наиболее влиятельных в современной социологии на основе больших допущений волюнтаризма, субъективной свободы (Д.Левин [10]). П.Штомпка формулирует действие как атрибутивное понятие, новое качество, возникающее от слияния структур (их обстоятельств) и агентов (их способностей). Агентно-структурная реальность во внутренне присущем ей единстве существует в различных перестановках, разнообразных "смесях" агентных и структурных составляющих и организует, конституирует социальные события. Таким образом, именно *социальные события*, а не "индивидуальные действия" или "социальные факты", рассматриваются как исходный продукт, реальные компоненты, из которых строится современное общество [11, с. 273-274]. Лишь в течение относительно небольшого периода времени социальное поведение интерпретировалось в терминах потребностей и необходимости социальной жизни, а акторы определялись их статусами и ролями. Такая идентификация требований акторов с потребностями общества, концепция человеческого существования как социальных животных явились не естественным результатом исторического процесса. Это стало следствием замещения механической солидарности на органическую, обществом общности, статуса на контракт, предписания на достижение или холизма на индивидуализм. Это корреспондировалось с процессом модернизации в западных обществах, который был основан не только на рациональности, но также

на острой оппозиции между категориями рациональности и не-рациональности и на допущении, что рациональные категории будут способны повести социальную трансформацию, аккумулировать ресурсы и освободить социальную жизнь от традиционных, иррациональных и консервативных сил. Этот, так называемый, западный тип модернизации определил себя в оппозиции между высшими и низшими категориями, между будущим и прошлым, рациональным и иррациональным. Такая философия истории привела к позитивистскому взгляду на общество и к понижению значимости акторов, созданию препятствий изменениям и расцвету различных форм ложного сознания. В противоположность этому современная трансформация социологии глубоко связана с усилиями перекомбинировать факторы, которые доселе были в оппозиции.

Переориентация на акторо-центрированную перспективу отражается и в новой актуализации и пересмотре темы "общества и общности" (Ф.Теннис). Специфика любого общества – в некоторых трансцендентных принципах, на которых оно базируется: мир Бога, основополагающие мифы, законы, естественное движение к прогрессу. Однако трансцендентные принципы также тесно связаны с общностью, их невозможно отделить от общностной интеграции. Более того, главным различием между общностью и обществом является то, что общество стало принципом регуляции социального поведения, тогда как современные процессы секуляризации и рационализации отделяют социальные феномены от абсолютных принципов, а общий интерес или социальные ценности выступают как основополагающие принципы вида гражданской религии [7, с. 1]. Наблюдаемое в современном мире распространение так называемых "пост-материалистических" ценностей, таких как самоактуализация, качество жизни, гармония с природой, мир и человеческое достоинство (Р.Инглехарт [12]), вызывает концентрацию вокруг них "общностей ценностей", повсеместно возникающих в современном обществе. Притягательные цели, которые данные общности, новые социальные движения преследуют, так же как и социальное сопротивление, с которым они конфронтируют, в конце концов стимулируют интенсивное моральное сплочение. Тема "одинокой толпы" (Ф.Теннис и Д.Ризмэн) получает свое разрешение в попытке институционального дизайна через смешение полярных концептов "общества" и "общности", рассмотрение последних как взаимодополняющих принципов (Ф.Сэлзник, Дж.Кохен, Х.Джоас).

Трансформация современной социологии выражается и в проявлении сильных тенденций мультидисциплинарности и мультикультурализма. В последние десятилетия мы наблюдаем постепенную утрату дистанционности традиционных категорий экономики, политической науки, социологии, истории, антропологии. Данный процесс разворачивается в направлениях специфических проблемных полей, особых методологий, конкурирующих гносеологий и приводит к громадным функциональным совпадениям общественных дисциплин [6, с. 17]. На такой почве возникает холистический образ социальной науки как неразделенного знания об обществе.

Помимо тенденции сближения в рамках социальных наук изменения в обществах поздней современности выразились и в активном процессе сглаживания "трех культур": науки, литературы и искусства (Ч.П.Сноу), утверждении единства человеческой культуры, в которой литература, наука и искусство функционально и проблемно подобны. Диатропная картина мира призывает к отказу от методологической жесткости в использовании только рациональной логики. Уже несколько лет назад французский математик И.Юкленд продемонстрировал, что методологические подходы обсуждения Ирландских саг и те, которые находятся на острие современной математики, являются подобными. Спор, более чем на полвека разделивший не только логиков и методологов науки, но также и обществоведов на две научные школы, приобретает контуры возможного разрешения. Вместе с тем правила построения теории в равной степени имеют силу для всех эмпирических наук, имеют ли они дело с объектами природы или с человеческими деяниями. И там и тут господствуют принципы обоснованного вывода и верификации, теоретические идеалы единства, простоты, универсальности и точности [13]. Развитие современных общественных

наук происходило в период, когда научная логика была связана в основном с логикой естественных наук. В ситуации, напоминающей монополистический империализм, методы последних часто объяснялись единственно научными. Оставшись в своей борьбе против этого догматизма без помощи и опоры, исследователи человеческих проблем вынуждены были развивать свое собственное понимание того, какой, по их мнению, должна быть методология общественных наук.

Если социальные науки действительно направлены на объяснение социальной реальности, то их научные конструкции должны включать в себя ссылку на субъективно значащее действие, т.е. на значение, которое действие имеет для действующего. Это, по-видимому, и есть то, что Макс Вебер подразумевал под своим знаменитым постулатом о субъективной интерпретации. Данный постулат может быть понят в том смысле, что все научные объяснения социального мира могут и в определенном смысле должны ссылаться на субъективное значение действий людей, предопределяемых ими событий, из которых берет начало социальная реальность. Вместе с тем общественные науки объективны в том смысле, что их утверждения подлежат контролируемой верификации.

Принцип различия между естественными и общественными науками не следует искать в различной логической закономерности, управляющей каждой из этих отраслей знания. Но это не означает признание того, что социальные науки, в том числе социология должны отказаться от специфических схем, которые они используют для изучения социальной реальности. Феноменологическая философия подготовила почву для исследования проблемы, как вообще возможно научное знание и каковы его логические и методологические предпосылки. Не являются ли методологические проблемы социальных либо естественных наук лишь частным случаем более общей, до сих пор неизученной проблемы происхождения знания?

Вместе с тем, дифференциация продолжает оставаться одним из существенных признаков мира и знания [6, с. 49]. Проявляющейся характеристикой современной структуры знания является его выпуклость, фактическое доминирование, требование протяжения универсального знания, допущения *не* возможных теоретических вариаций, в которых конституируется истина. Что является предпочтительным выходом из кризиса знания: гомогенность или гетерогенность? Современный мир знания в качестве ответа предлагает реальность *не* возможного консенсуса: консенсуса дальнейшей дифференциации и универсализации.

Социология сформировалась как продукт продолжающейся с XVII века дифференциации знания. Когда Макиавелли, или Спиноза, или Монтескье писали свои книги, они не называли себя социологами. Тогда не существовала даже жесткая дистанция между концептами "философ" и "ученый". Фундамент дистанции сложился позже, с развитием университетской системы знания к концу XVIII века и на основе выкристаллизованной картезианской антиномии между человеком и природой. Только в XIX в. появилась дополнительная концептуальная категория социальных наук – как третья школа между наукой и философией. Мир поздней современности бросил вызов картезианской схеме построения знания. Предполагается, что специфическое в социальном мире можно увидеть, выйдя за пределы социологии, социальных наук. Не случайно лейтмотивом на XIV Всемирном Конгрессе социологов звучал призыв заглянуть в "общий угол" всех школ знания. Это – вопрос гносеологии, который способен потянуть за собой институциональную реконструкцию социологии в грядущем веке.

После 1945 года начался процесс *универсализации и интернационализации* социологии, который приобрел в последнее десятилетие значительную интенсивность и конгруэнтен процессу глобализации в мировой динамике. Свидетельством этому факту является широчайшее географическое представительство социологов, преобладание в результатах эмпирических исследований сравнительных методологий с использованием баз данных большого числа стран. Вместе с тем, по мнению М.Догана [13], универсализацию социологии сегодня необходимо рассматривать не как факт, а как начальный процесс, в

котором борьба между универсализмом и партикуляризмом проявляется более остро, чем ранее. И если ученые-естественники универсальны, то социальные ученые – контекстуальны. Расхождения обществ по таким содержательным параметрам, как класс vs каста, равенство vs иерархия, прогресс vs спад, социализм vs либерализм, т.п., не позволяют создать общую социологическую теорию, разделяемую большинством социологов. В данной связи необходим пересмотр концепта релевантности/нерелевантности социального знания. А путь универсализации социологии открыт в направлении сравнительных исследований через адаптацию компаративных методов на почве национальных школ [13].

Когда в XIX веке были сконструированы социальные науки усилиями ученых прежде всего пяти странах (Великобритания, Франция, Италия, Германия, США), естественно, что социология преимущественно концентрировалась на эмпирической реальности этих стран, более широко – "Запада". Были созданы специальные концепции, определяющие существенные различия между Западом и "другими" в терминах антиномий: – статус и контракт (Майен), – военное и индустриальное общество (Спенсер), – механическая и органическая солидарность (Дюркгейм), – традиционная и рационально-легальная легитимация (Вебер), – модель ценностей Парсонса. Трансформация мира после 1945 года подорвала социальные основания этих конструктов XIX – первой половины XX века. Политические изменения в не-Западном мире, протяжение социальных наук во все уголки Земли поставили фундаментальный вопрос о различии между Западом и "другими". Но еще более важным стал вопрос об антиномиях и о том, насколько хорошо они определяют современность. Вполне возможно, что дистанция между Западным и не-Западным является не более чем трюизмом. В контексте данных размышлений сегодня значительная активность социологов направлена на поиск универсалий, а также каких-то иных концептуальных терминов для интерпретации эмпирической реальности.

Процессы универсализации и интернационализации социологии неоднозначны с точки зрения равенства/иерархии социологических школ. Очень остро стоят проблемы бинаризации знания на западное vs не-западное, "нового колониализма в социальных науках" (М.Доган), "имитационного развития", местной фабрикация знания как наиболее разрушительного следствия процесса универсализации (М.Новак).

Сильные различия в экономических фундаментах научных структур в разных частях мира создают значительные уклоны социологии в сторону богатых стран [6, с. 3-4]. Так, школы в Северной Америке, а также – в Западной Европе и Японии имеют значительно более сильную финансовую поддержку, что отражается на количестве и качестве исследований, выпускаемой социологической продукции, возможности расширять социологическое образование, начиная со старших классов средних школ. Научные школы из "благоприятных" стран получают своеобразную ренту в форме более высокой репутации и более широкого распространения их точек зрения. Такая ситуация еще более затрудняет возможность услышать голоса социологов из менее богатых стран. Наряду с этим, ярко проявляется партикуляризм в социологических исследованиях, в интерпретации результатов, за которыми стоят прежде всего гносеологические причины. Чтобы не стимулировать новые неравенства, интернационализация социологии не должна осуществляться спонтанно. Определенную поддержку этому могут дать усилия по преодолению барьеров коммуникации в социологическом мире. Дж.Александр предлагает рассматривать мультикультурализм как новую моду в любых гражданских объединениях, в том числе и социологических [14]. Причем, следуя за А.Туреном, можно полагать, что мультикультурализм способен проявляться в трех идеальных типах: через ассимиляцию, через гифенацию (буквально – "написание через дефис") и через собственно мультикультурализм как идентификацию себя с другими с признанием различий. Мультикультурализм становится одним из методологических принципов развития современной социологии.

Итак, трансформация современного общества не оставила в стороне социологию и социальные науки в целом. И, возможно, отслеживая изменения в социологии, мы глубже сможем понять столь бурные и неоднозначные процессы изменения современного обще-

ства, а позиция "наблюдателя" эффективно трансформируется в позицию "дизайнера", либо "конструктора" социальной реальности, дополняющую и корректирующую действия социальных акторов. Показательна в этом смысле заключительная фраза основного доклада, который был сделан на Конгрессе социологов в Монреале теперь уже бывшим президентом МСА И.Уоллерстейном: "Убежден, что картина социологии (если такой термин продолжит существование) и более фундаментально – социальной науки – будет радикально трансформирована в последующие 50 лет, и мы будем переоценивать наше наследие в более широком контексте и на новых гносеологических посылах" [6, с.41].

Литература:

1. Archer M.S. The Dubious Guarantees of Social Science. *International Sociology*, Vol. 13:1, 1998. – P. 17.
2. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
3. Alexander J.C. and Colomy P. (eds). *Differential Theory and Social Change: Historical and Comparative Approaches*. New York: Columbia Univ. Press, 1988.
4. Wallerstein I. Possible Rationality. *International Sociology*, Vol. 13: 1, 1998. – P.19-21.
5. Wallerstein I. Social Science and Contemporary Society: The Vanishing Guarantees of Rationality. *International Sociology*, Vol. 11: 1, 1996. – P. 7-25.
6. Wallerstein I. *Letters from the President 1994-1998*. Published by ISA, 1998. – P.59.
7. Touraine A. *Sociology: from systems to actors*. Lecture was presented at Session 2 of Symposium VI, ISA Congress in Montreal, 1998. – P.10.
8. Танчер В.В. Алвин Гоулднер: Обновление и критика в американской социологии. // Современная американская социология. Под ред. В.И.Добренькова. Изд-во МГУ, 1994. – С. 251-264.
9. Sztompka P. The Vicissitudes of the Moral Bond in Rapidly Changing Society. The paper prepared for Symp.1, Session 2, ISA, Congress of Sociology, 1998.
10. Levine Г. N. Putting Voluntarism Back into a Voluntaristic Theory of Action. Paper prepared for RC 16, Session 13, ISA, Congress of Sociology, 1998.
11. Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press and Univer. Of Chicago Press, 1991.
12. Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton Univ. Press, 1990.
13. Шюц А. Формирование понятий и теорий в общественных науках. // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И.Добренькова. М.: МГУ, 1994. – С. 481-496.
14. Dogan M. Limits of Sociological Universalization. Paper was presented at Session 6 of Symposium I, ISA Congress in Montreal, 1988.
15. Alexander J.C. "Formal and Substantive Voluntarism in the Work of Talcott Parsons: A Theoretical and Ideological Reinterpretation". In: *American Sociological Review*, 1978, 43:177.

УКРАЇНА-ЄВРОПА-СВІТ: ШЛЯХОМ КОЕВОЛЮЦІЇ

Вміщений у статті матеріал представляє по суті тези доповіді, зробленої автором 15 листопада 1996 року в м.Мінську на круглому столі, присвяченому темі "Білорусь - Україна - Польща: національні інтереси і регіональна безпека". Круглий стіл проводився за трьох сторонньою ініціативою і участю недержавних громадських об'єднань – Атлантичних рад Білорусі, України та Польщі.

Тези доповіді подано у тому ж вигляді, як вони були подані на той час.

З усіх відомих людству криз найбільш гострою і тяжкою за своїми історичними наслідками здається нам поширена на терені країн трансформації (Східної Європи і особливо країн колишнього СРСР) ідентифікаційна криза. Адже, без ідентифікації у координатах історичного часу і геополітичного простору, поза стійкого продуктивного зв'язку між філософською думкою, суспільною наукою та соціальною практикою стає принципово неможливим визначення й політичне вираження життєво важливих інтересів країн і народів.

Криза смислу суспільного розвитку, втрата історичних чи соціокультурних факторів і критеріїв ідентифікації та самоідентичності становиться не абстрактною (або частковою) проблемою. Вона вже переходить у сферу регіональної та глобальної безпеки. Мова йде не стільки про пошук національної ідеї як такої, скільки про смислоутворюючу, яка гармонізує комплекс проблем окремої країни-соціуму та загальноцивілізаційних тенденцій розвитку світового співтовариства в цілому. Визначення екзистенціального смислу суспільного розвитку, як свідчить гіркий досвід кризи початку 30-х років у Європі, навряд чи правомірно зводити виключно до пошуку загальнонаціональної доктрини. Будь-яка фетишизація у цілепокладанні неодмінно спороджуватиме ескалацію протиріччя (конфлікту) між вільним самовизначенням країн, котрі отримали потужні стимули до саморозвитку, та реальним середовищем, що дедалі глобалізується через посилення в світі холістських процесів.

Сучасні світові процеси і тенденції актуалізують проблему пошуку принципово нової парадигми політики, спроможної подолати вади однобічно "лінійного" способу мислення і дії, який є цілком придатним у добу сталого суспільного розвитку, однак залишається мало-ефективним у розв'язанні чисельних національних, релігійних та інших соціальних конфліктів і тим більш безсилим у запобігання глобальної (системної) кризи.

Місце України в системі європейської колективної безпеки.

Від дня утворення на терені колишнього СРСР незалежної української держави динаміка соціальних процесів і змін в ній (особливо її відносин з Росією) складають предмет постійної уваги з боку європейського і світового співтовариства, що майже не потребує спеціального доведення. Характерно при цьому досить швидке зростання міжнародного авторитету України, чому сприяє її добровільна відмова від ядерної зброї та закономірно обраний нею статус "позаблокової" і "європейської" країни.

Щоправда, здійснюваний Україною рух до європейських структур постійно балансується з її участю у справах СНД. Не буде помилковим зазначити також і те, що двовекторну

Афонін Едуард Андрійович – доктор соціологічних наук, завідувачий відділом Секретаріату Верховної Ради України, президент Українського товариства сприяння соціальним інноваціям (т./факс: (044) 226-21-45, e-mail: afonin@rada.kiev.ua).

домінанту зовнішньополітичної активності країни доповнює третій (поки що менш осмислений і виражений) вектор її власних, національних інтересів. У визначеному контексті правомірно вбачати формування досить стійкого і взаємопов'язаного геополітичного трикутника: Західна Європа (передовсім країни-члени НАТО) – Україна (разом з країнами Чорноморського басейну) – Східна Європа (Російська Федерація разом з Білорусією). Ця схема стає більш прозорою, якщо висвітлювати її економічно-енергетичний аспект. В цілому ж є достатньо підстав вже сьогодні розглядати Україну не просто як географічний (з позначкою у м.Рахові Івано-Франківської області) центр Європи, а до того ж і як європейський геополітичний і економічний центр тяжіння. Головними аргументами такого бачення ролі і місця України виступатимуть її соціокультурні характеристики, що лежать в основі розподілу суспільної праці, економічного і політичного життя країни.

З цієї (культурологічної) точки зору найбільш яскравим, на наш погляд, є свідчення Миколи Реріха, який ідентифікував Україну через її культуру, розвиток якої лежить на осі "Північ – Південь". Зокрема він писав, скандинавська культура, яка винизана скарбами Візантії, дала Київ. Можливо саме тому повернені з давньої української історії у сьогодення нинішні державні символи-кольори України – жовтий і блакитний – є такими схожими на державні кольори Швеції. З різних економічних чи політичних мотивів спалахує час від часу неприхований інтерес України до країн Близького Сходу. Невипадковою в цьому контексті здається й зовнішньополітична активність України та визнаний її авторитет серед країн Чорноморського басейну. Є й інші свідчення правомірності реріхівського ствердження щодо України, її "північно-східних" зовнішньополітичних пріоритетів. Зупинимось лише на одному, яке має науково-природниче експериментальне походження.

Так, здійснена автором 1992 року спроба математичної формалізації інтегральних соціокультурних характеристик України виявила результат, який перевищив всі можливі очікування. Експериментально встановлено, зокрема, що "живій тканині" українського суспільства притаманні в цілому властивості об'єктів, детально описані Леонардо да Вінчі у понятті "золотий перетин", а математиками – у числовому ряді Фібоначчі. Саме цей, зовні прихований вимір культурологічного феномену тільки й може адекватно пояснити "безкровний" характер розвитку України під час системних трансформаційних змін. Саме ця обставина обумовлює "толерантну поведінку" населення і водночас ніби "надихає" українських політиків на оптимальні (найменш жертвовні) кроки у нинішніх складних і майбутніх непередбачуваних внутрішньо- і зовнішньополітичних умовах. Чи не є, зрештою, яскравим доказом зазначеного те, що навіть такий складний і гострий політичний процес як розподіл (і перерозподіл) влад відбувся в Україні більш зважено, ніж це мало місце в інших країнах-республ'ках колишнього СРСР.

Очевидно все це робить Україну привабливою для європейської і світової політики. Нинішня її офіційно визначена як "багатовекторна" чи "двосторонніх відносин" зовнішня політика (очевидно, що малоорієнтована на свої власні національні інтереси) – дедалі все більш чітко і свідомо обирається міжнародною дипломатією у якості точки оперття, перетворюючи людей і територію України у своєрідний "опорний пункт" в Європі. Саме в Україні, європейська і світова дипломатія отримує додаткові, до того ж доволі ефективні можливості опосередкового впливу на іншого. Згадаймо хоча б приклад з о.Зміїним у Чорному морі, що став інструментом для здійснення румунською дипломатією намірів щодо вступу цієї країни у НАТО. Не менш красномовними є приклади так званого загострення проблеми розподілу Чорноморського флоту і статусу м. Севастополя, котрі фактично є погано прихованим посиленням Росією тиску на Україну у відповідь на неприйнятну для себе позицію України щодо питання поширення НАТО на Схід.

Посилення цілісності європейської та світової політики.

Дедалі більш гучною стає проблематика, що пов'язана із довічними питаннями війни і миру, які наприкінці ХХ століття наука і побутова свідомість цілком солідарно сприймають через досить абстрактне поняття "колективна безпека". Однак не такими вже й безхмарними стають відносини між інтелектуалами і політиками.

В останні десятиліття (після сплеску непередбачених масових соціальних протестів у Франції 1968 і США 1975 років) і особливо під час трансформації в країнах Центральної та Східної Європи з'явилося чимало новацій в галузі соціальних наук. Справедливо було б зазначити, що ці новації стали можливими завдяки переходу фундаментальної науки до вивчення принципово нового типу об'єктів – так званих "відкритих" систем або систем, що самоорганізуються і саморозвиваються. До такого класу об'єктів цілком правомірно віднести суспільство "перехідної доби" і людство "на зламі епох" Здійснювані в контексті зазначених підходів результати досліджень суспільної поведінки радикально змінюють пануючі в колах політиків і в політиці механістичні ("лінійні") уявлення про соціальну природу.

Так, до загальних якостей "відкритих" систем (дисипативних структур – за І.Пригожи-ним) синергетика відносить: когерентність цілого і частки; "порядок через флуктуації", коли малі причини породжують великі сліdstва; здібність запам'ятовувати вихідні умови формування; одночасне існування детерміністських і стохастичних зв'язків; нерівноважність як вихідний стан; незворотність процесів. Всі ці основні прояви навіть на побутовому рівні свідомості добре діагностуються в поведінці українського суспільства. Точніше ж, за даними здійснюваного автором разом із фірмою "Соціс-Геллап" соціологічного моніторингу, Україна набула властивостей "відкритої системи" ще від 1994 року. Сьогодні не безпідставно було б зазначити про "відкритий" характер поведінки Росії, очевидно, так само, як і багатьох інших країн-республік колишнього СРСР. Щоправда, за багатьма прогнозами, Росія (з 1996 р.) і Україна (з 1997 р.) вже мали б розпочати вихід з економічної кризи. Водночас це засвідчувало б про "оздоровлення" суспільних систем, послаблення дії характерних для "відкритих" соціальних систем залежностей і повернення до звичного для традиційного управління "нормального" суспільного стану.

Корекція, що її зазнає попередній прогноз відносно початку економічної стабілізації на терені колишнього СРСР, пояснюється, на нашу думку, тенденцією щодо глобалізації (поширення соціальної кризи на інші регіони Європи і світу). Такий висновок здається цілком можливим, якщо взяти до уваги наступне.

Останніми роками в науковій літературі з'являються експертні свідчення того, що економіка багатьох країн Європи, Південно-східної Азії та Північної Америки та інших зазнає негативних тенденцій. При цьому діапазон оцінок коливається від засвідчення фактів про "уповільнення темпів подальшого економічного зростання" або "симптоматику послаблення світової валютної системи" до концептуальних обґрунтувань "неминучості глобальної економічної і фінансової катастрофи, що загрожує загибеллю цивілізації".

Обґрунтовуючи найближчу негативну перспективу розвитку світової фінансової системи, зокрема, відомий американський економіст і автор багатьох оригінальних стратегічних ідей і проектів (в тому числі такого оборонного проекту як СОІ) Л.Ларуш на початку 1995 року зазначав, що у сучасних умовах крах фінансової системи є неминучий. Станеться він на наступному тижні або через кілька місяців, через рік або трохи пізніше історично не дуже суттєво, але він станеться. Існуюча фінансова система приречена і якщо не створити контрструктури альтернативної економічної системи, не ввести її у дію, ми зможемо стати свідками зникнення трьох чвертин населення планети протягом життя одного покоління.

З огляду на ретельну обґрунтованість вищезазначених досліджень, очевидно не слід відкидати чи недооцінювати висловлене Л.Ларушем. Отже, залишається одне з двох: очікувати катастрофічного скорочення населення Землі, що за своїми наслідками дорівнює глобальній (цивілізаційній) катастрофі, або свідомого утворення співтовариством глобальної альтернативної економіки і фінансової системи подібно до тої, яка була в СРСР. У всякому разі і перший, і другий сценарії – це події надзвичайні, вони потребують нестандартної, конструктивної дії суб'єктів світової політики щодо запобігання глобальної катастрофи.

Здається це питання залишається відкритим. Що ж стоїть за фундаментальним протиріччям: інтелектуали пропонують, а практики-політики – не приймають? Чи залишатимуться непереборними протиріччя між традицією та новацією, які й надалі виконуватимуть і Меч,

і Лемех? Якою мірою була неминуча Балканська війна, інші чисельні локальні і регіональні конфлікти на Землі? Чи залишатиметься непоборною стихія перехідної доби суспільного розвитку, яка дедалі прочніше відтворює людству новий "Ноев ковчег", зіштовхуючи його кожного разу на більш хитку грань виживання!

Замість висновків.

Парадоксально, але відповіді на поставлені запитання лежать на поверхні і криються у формулі, висловленої головами держав Росії і Китаю у їх спільній декларації від квітня 1996 року. Провідна думка цього документу полягає у "багатополюсності світу", що йде на зміну існуючому "двополюсному" (тимчасово "однополюсному") світу.

Практично ця ж думка проглядається у чисельних західних експертних оцінках 1995-1996 років. Відповідно до цих оцінок у світі ближчим часом очікується формування щонайменше п'яти стійких рівнозначних (рівноцінних) економічних зон. І хоча при цьому не досить чітко і однозначно називаються експертами серед лідерів економічного розвитку конкретні країни-персоналії, особливо у Європейській та Азіатській частинах планети. Проте досить чіткою формулюється думка щодо поліцентричності майбутнього світового порядку.

Щоправда це майбутнє, за думкою англійського історика Тойнбі, має настати після "виклику історії", який переживатиме людство перш, ніж відбуватиметься новий етап його подальшого політичного, економічного і соціального зростання.

Київ-Мінськ-Київ, листопад 1996 р.

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Одним из феноменов нынешнего этапа социокультурной трансформации в Украине является становление социальной субъектности как качества, присущего как тем или иным социальным группам, так и личности. Данное обстоятельство, на наш взгляд, актуализирует проблему социального самоопределения человека, в том числе и прежде всего молодого, придает ей специфический, детерминированный новыми социально-экономическими условиями характер.

В любом обществе, на любом конкретно-историческом этапе его развития процесс и результат социального самоопределения молодежи содержат некое противоречие, обусловленное двойственной ролью данной социально-демографической группы в социокультурной трансформации. Речь идет о двух взаимообусловленных процессах, главным субъектом которых является молодое поколение. Это, с одной стороны, социализация как процесс интериоризации молодежи основных норм и ценностей того или иного общества, социальной группы и т.д. С другой, это процесс, названный болгарским социологом П.Митевым "ювентизацией" общества, под которой подразумевается специфический вид социального творчества, порожденного новым отношением молодежи к системе ценностей конкретного социума, в том числе социально-политических.

Противоречие, о котором было сказано выше, заключается в конфликте между принятой в обществе системой ценностей и теми изменениями, которые вносит в нее каждое новое поколение. Однако именно это противоречие и является источником развития общества, детерминантой социального прогресса. Банальность данного утверждения не вызывает сомнений. Мы позволили себе привести его лишь для того, чтобы показать, что представляет собой данное противоречие сегодня.

Совершенно очевидно, что в современных условиях и социализация, и ювентизация как специфические формы взаимодействия молодежи и общества наполняются новым содержанием, существенно отличающиеся от того, что было десять и даже пять лет тому назад.

Маргинальное состояние украинского общества, которое прежде всего характеризуется ослаблением (а то и полным исчезновением) устоявшихся норм поведения, а также системы общепринятых ценностей, т.е. аномией, детерминирует значительные изменения такого многофункционального социального феномена, как социализация. При этом трансформируются не только основные социализирующие агенты (семья, система образования, средства массовой информации и т.д.), но и механизмы социализации, в том числе, важнейший из них – идентификация.

Содержание идентификации, в первую очередь, предопределяется господствующими в обществе социально-экономическими отношениями, уровнем их стабильности, интегрированностью субъектов этих отношений, а также наличием или отсутствием единой общепринятой системы ценностей.

В условиях трансформирующегося украинского социума идет активный процесс размывания традиционных групп общества, в том числе социально-профессиональных, становление новых форм межгрупповой интеграции. Нестабильное положение в экономической и политической сферах постсоветских обществ коренным образом видоизменяет представления об их социальной направленности. Классовая и групповая идентификация, культивировавшаяся в сознании людей на протяжении многих десятилетий, начинает вы-

тесняться индивидуальной, внутригрупповой, корпоративной. Все это, несомненно, драматизирует процесс самоидентификации личности, существенно осложняет ее социализацию.

Подвижность социального статуса различных общественных слоев, исчезновение традиционных механизмов регуляции их поведения, фактически полное отсутствие форм и методов социальной организации, характерных для этих групп, препятствуют успешному развитию идентификационных процессов. Молодой человек оказывается вне круга ранее существовавших социальных стереотипов, норм и представлений, привычных для предыдущих поколений. Современная социоструктурная и стратификационная трансформация, прервавшаяся "связью времен", т.е. отношений межпоколенной преемственности, обуславливают, на наш взгляд, невозможность использования идентификационных стратегий, столь распространенных в недалеком советском прошлом, когда социальная мобильность индивида была предопределена, в том числе, такими факторами, как социальное происхождение, национальная принадлежность, наличие "руки" во властных структурах, высшее образование (увы, достаточно часто формальное), наконец, высокий профессионализм. Перечисленные нами детерминанты социального успеха в его социалистической интерпретации и сегодня во многом предопределяют продвижение человека по социальной лестнице. Однако практически все они наполняются новым содержанием, вследствие чего значимость одних повышается (например, высокий профессионализм, особенно в престижных сегодня сферах деятельности, а также высшее образование (правда, в том случае, если оно обеспечивает необходимый уровень профессионализма все в тех же престижных сферах: экономике, юриспруденции и т.п.), других — понижается (например, социальное происхождение). Все это не может не затрагивать процесс социализации индивида, поскольку имеет самое непосредственное отношение к деятельности социализирующих агентов (семьи, системы образования и др.). Социализация как и ресоциализация значительно усложняются.

В то же время снятие господствовавших ранее идеологических клише, отказ от унификации форм идентичности, динамичность социальной ситуации способствует становлению субъектности отдельных индивидов и групп, их самостоятельности в определении своей социальной роли, места в новой, формирующейся системе социальной иерархии, в выборе жизненной концепции.

Для обозначения описанного выше социального феномена более правомерным, на наш взгляд, представляется использование такого понятия, как социальное самоопределение. В современной отечественной социологической и социально-психологической литературе понятия самоидентификация и самоопределение зачастую употребляются как тождественные, последнее воспринимается как перевод на русский язык первого. Однако, по нашему мнению, категория "самоопределение" по своему содержанию более широкое понятие, чем самоидентификация, ибо последнее отражает процесс и результат прежде всего эмоционального отождествления индивида с другим человеком или группой. Понятие же "самоопределение", включая в свое содержание, в том числе, степень эмоционального отождествления субъекта с тем или иным объектом (т.е. самоидентификацию), преимущественно описывает феномены рационального, осмысленного выбора индивидом своего места в системе общественных отношений, реально складывающейся социальной иерархии.

С нашей точки зрения, именно категория самоопределения характеризует такой социальный феномен, как ювентизация общества. Означая процесс и результат самостоятельного поиска личностью главных жизненных ориентиров (прежде всего системы ценностей и ценностных ориентаций), понятие "самоопределение" в первую очередь отражает меру субъектности индивида (или социальной группы) как его готовности, возможности и способности к самостоятельной и ответственной деятельности в экономической, политической, идеологической, образовательной, семейной и других сферах общественной жизни. При этом под готовностью мы понимаем психологическую установку личности (или социальной группы) на активную деятельность в той или иной сфере; под возможностью — политико-идеологические и социально-экономические параметры конкретного обще-

ства, способствующие или, напротив, препятствующие развитию свободы и самостоятельности личности (или социальной группы) в определении собственной жизненной стратегии; под способностью — знания, умения и навыки, ценностные ориентации и убеждения самого индивида, позволяющее ему реализовать эту стратегию.

Понимая под социальным самоопределением личности (или социальной группы) ее способность создавать собственную жизнь, главной движущей силой этого процесса мы считаем не столько непосредственное влияние среды (хотя, несомненно, социальное воздействие на личностное самоопределение огромно), сколько ценностные ориентации индивида, цели и задачи, которые он перед собой ставит. Только в том случае, когда поиск личностью (или группой) своего места в социуме детерминируется названными выше факторами, мы можем говорить о феномене самоопределения. В то же время именно в процессе самоопределения формируется устойчивая система норм, ценностей и качеств личности (социальной группы), предопределяющая ее направленность, в том числе и прежде всего такое качество, как субъектность. Говоря о личности или о социальной группе как о субъектах общественных отношений, важно отметить, что субъектность приобретает смысл только в тех случаях, когда деятельность данной личности или группы затрагивает интересы других людей и общностей. При этом существенным признаком субъектности выступает возможность действовать по своей воле, самостоятельно в соответствии с собственными установками, а не по чьим-то указаниям, предписаниям. Плюс по всему предполагается, что существует некоторое множество допустимых действий, из которых субъекты выбирают наиболее подходящие варианты. Т.е. субъектность — это реализация возможности самостоятельно управлять своей деятельностью, планировать ее, создавать для себя благоприятные условия, при необходимости кардинально менять свою деятельность.

Субъектность как предпосылка, условие и результат процесса личностного (или группового) самоопределения прежде всего проявляется, как подчеркивалось выше, в ситуации выбора. Как важнейший момент жизненного пути человека, его биографии, предопределяющий ее дальнейшее развитие, тот или иной жизненный выбор (будь-то выбор профессии, брачного партнера, места жительства и т.д.) прежде всего отражает основные жизненные ценности индивида или группы. Именно ценностные ориентации, по мнению социологов, исследующих проблемы самоопределения, необходимо рассматривать как основные компоненты механизма, осуществляющего внутреннюю регуляцию такой разновидности социального поведения, как выбор.

В то же время именно ценностные структуры детерминируют серьезные трудности социального, в том числе, профессионального самоопределения, ибо зачастую содержат в себе исходные моменты формирования противоречивой, несогласованной жизненной перспективы. В условиях стабильного развития социума источником этих противоречий является конфликт между ценностями массового и индивидуального сознания. В тоталитарном обществе, не располагая необходимой степенью свободы для проявления собственных оценок и отношения к общепринятым нормам и ценностям, личность (или группа) как пассивный объект социализации вынуждена делать тот или иной выбор на основе декларируемых обществом или группой, но не интериоризированных ею ценностей. При этом достаточно часто этот конфликт и обусловленное ним противоречие, как свидетельствует, например, наше советское прошлое, не осознается личностью. Более того, она признает доминирующую в обществе систему ценностей своей, ибо именно эта система предопределяет ее поведение.

Демократическое общество, не устраняя конфликт между стереотипами массового и индивидуального сознания, предоставляет личности (или группе) более широкие возможности для самостоятельного выбора жизненной стратегии, а также средств ее реализации, способствует становлению субъектности личности, ее подлинному самоопределению. Противоречие, как подчеркивалось выше, не исчезает (оно никогда и не может исчерпать себя, ибо в противном случае общество утратит основной источник развития, социального про-

гресса), но предопределяет иной, по сравнению с тоталитарным обществом, личностный тип поведения.

Современное украинское общество (уже как будто не тоталитарное, но еще далеко не демократическое), переживая коренную ломку социокультурных стереотипов, пока не может предложить молодому человеку сколь-нибудь устоявшейся общепринятой системы ценностей. Складывается достаточно парадоксальная ситуация. Отсутствие такой системы (даже на уровне декларируемых ценностей), с одной стороны, существенно усложняет процесс социализации молодежи, с другой, помогает избежать ей того кризиса идентичности, в том числе ценностного кризиса, который переживает старшее поколение.

Общественная трансформация активизирует проявления разнонаправленных тенденций, в том числе определяющих процесс социального самоопределения украинской молодежи. Кардинальные социально-экономические преобразования, прежде всего изменения в формах собственности, с одной стороны, представляют современному молодому человеку большую свободу в действиях, более широкие возможности реализации своего личностного потенциала по сравнению с молодежью 60-х или 80-х годов. С другой стороны, эти же преобразования способствуют социальному отчуждению личности, что прежде всего проявляется в таких феноменах, как безработица, массовое обнищание, моральная деградация, правовой беспредел, тяжелый экономический и политический кризис.

В условиях Украины и других постсоветских стран, когда новые общественные отношения (по традиции назовем их капиталистическими) еще не получили достаточного развития, естественно, пока еще не могли оформиться свойственные этим отношениям устойчивые социальные группы. Характеризуя современную ситуацию в российском обществе, которая мало чем отличается от ситуаций других стран СНГ, академик Т.И.Заславская пишет: "Система стратификации теряет былую жесткость и однозначность: размываются границы между группами и слоями, возникает множество промежуточных, маргинальных, трудно идентифицируемых групп" [1, с. 7]. И если эти группы сложно идентифицировать даже ученым, исследующим социальную структуру, то что говорить о человеке, только вступающем в самостоятельную жизнь.

Поэтому сегодня, как мы полагаем, социальное самоопределение молодежи представляет собой процесс, в котором прежде всего происходит определение жизненной стратегии. Мобильность в поисках себя как качество, столь характерное для современной молодежи, предопределяется как возрастными особенностями данной социально-демографической группы, так и реальной социальной практикой. Динамичность социальных процессов не дает возможности молодому человеку, планируя свою жизнь, артикулировать конкретные временные вехи реализации тех или иных поставленных перед собой целей. Эти цели, как правило, носят лишь стратегический характер (получить хорошую (читай престижную) профессию, не уточняя, какую именно; создать семью, но только тогда, когда, для этого будут условия, прежде всего материальные и т.д.).

В связи с этим особый исследовательский интерес представляет не столько анализ того или иного социального выбора молодым человеком, например, конкретной профессии, сколько изучение того, каким образом он думает достичь жизненного успеха. Именно поэтому важно исследовать жизненные концепции, установки молодежи как важнейшие внутренние детерминанты ее социального самоопределения.

Представляется правомерным выделение следующих типов жизненных установок, предопределяющих тот или иной тип социального поведения молодого человека. Первый тип – это установка на активную жизненную позицию (в методике социологического исследования эта установка может иметь такую эмпирическую интерпретацию: "Я сам(а) буду пытаться изменить свою жизнь к лучшему"); второй тип мы назвали инфантильным ("Надеюсь, что мне помогут родные и друзья"); третий получил название "социальное иждивенчество" ("Сам(а) ничего не могу изменить, нужны перемены в обществе"); наконец, четвертый – "социальная апатия" ("Что-либо менять бесполезно, пусть все идет, как идет"). Концепции жизни молодежи в значительной мере детерминируются ее социальным

опытом, местом в структуре общественных отношений. Это обстоятельство предопределяет необходимость анализа жизненных установок различных статусных групп: учащейся молодежи (школьников, учащихся ПТУ и техникумов, студентов вузов); работающей молодежи (рабочих, служащих, специалистов с высшим образованием, руководителей, предпринимателей); безработной молодежи.

Концепции жизни различных групп молодежи не в последнюю очередь будут коррелировать с их социальным самочувствием, доминирующим настроением. Необходимость обращения к анализу настроений, преобладающих в молодежной среде, обусловлена, в том числе, огромной ролью эмоциональной сферы в мировосприятии молодого поколения, в его поведении. Нет сомнения в том, что стратегия жизни человека во многом зависит от того, насколько оптимистично или, напротив, пессимистично воспринимает он окружающую его реальность, будущее общества, в котором живет, и свое собственное будущее; испытывает ли он страх перед будущим или смотрит в завтрашний день спокойно и уверенно. Наконец, как мы уже подчеркивали, невозможно изучать процессы социального самоопределения молодежи без осмысления ее ценностных ориентаций, поскольку последние выступают одновременно и предпосылкой, и следствием данного социального феномена.

Представляется, что использование названных выше показателей в методике социологического исследования дает возможность проанализировать основные типы жизненных стратегий молодежи, ее социального самоопределения. В этом мы убедились, осуществляя социологическое исследование проблем жизнедеятельности молодежи г. Харькова, результаты которого мы планируем представить в следующих публикациях.

Литература:

1. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. - 1997. - №2. - С. 5-21.

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА РЕКЛАМЫ

Известно, что растущая диверсификация массовой коммуникации обоснована чаще всего специфичностью функций, которые способствуют адаптации к окружающей социальной среде. Одной из наиболее гибких и популярных разновидностей массовой коммуникации является реклама, которая в современных условиях приобрела статус социального института. Социальный институт рекламы, как показывает его анализ, может быть источником социально управляемых эмоций и одной из составляющих человеческого опыта, связанного с текущей социальной практикой и социальными изменениями. Реклама демонстрирует свою значимость, выполняя посредническую роль между группой ее создателей и массовым потребителем. Восприятие мира современными индивидами, массовыми потребителями рекламы, во многом конструируется посредством рекламы. Последней принадлежит ряд функций, реализуемых явно или латентно: коммуникативная, регулятивная, социализации. Рассмотрим каждую из них.

Коммуникативная функция в качестве явной заключается в передаче информации, опосредованной рекламоносителями, в формировании положительного или отрицательного символизма конкретного продукта. Информация, передаваемая рекламой, многоступенчата и вполне подходит под типологию, предложенную Р.Акоффом и Ф.Эмери, т.е. это 1) информация – сообщение, 2) инструкция – сообщение, 3) мотивация – сообщение [1]. Многоуровневость подачи информации в рекламе обязательна, т.к. сама реклама иерархична, состоит из этапов, составляющих ее жизненный цикл.

Коммуникативная функция проявляется в следующих случаях:

1) реклама информирует о полифункциональности продукта, способствует возникновению новых сторон старых потребностей, раздвигая границы потребностей, сформировавшихся ранее (зубная паста, предотвращающая кариес, теперь потребляется не только с целью ухода за зубами, но и в профилактических целях против возникновения кариеса, шампунь фирмы "Head and Shoulders" покупают не только с целью ухода за волосами, но и в профилактических целях против перхоти);

2) реклама указывает на моральное устаревание товара (все примеры так называемой "рекламы от противного" – реклама моющих средств, которые не могут дать такого эффекта как рекламируемые новые);

3) реклама способствует сегрегации или сегментации потребителя, как бы указывая "социальный адрес" своего потенциального потребителя.

Процесс выполнения социальным институтом рекламы *регулятивной функции* идет по двум направлениям, которые условно могут быть названы: 1) первичная регуляция и 2) вторичная регуляция. Так называемая первичная регуляция проявляется как интерпретация полученной рекламной информации. Реклама доводит до сегментированного потребителя сведения о вновь созданном продукте, предлагая определенную модель поведения по отношению к продукту, изменяя при этом диапазон норм поведения. Сторонники символического интеракционизма признают, что индивиды есть активные создатели своего собственного поведения, они интерпретируют, оценивают и планируют свои собственные действия [2]. Георг Зиммель называет людей "атомами" общества. "Люди, – утверждает он, – смотрят друг на друга, завидуют, обмениваются письмами, обедают вместе, одеваются друг для друга – таким образом выстраивается серия отношений, которая может быть краткая во времени или постоянная, осознанная или неосознанная и все это соединяет людей вместе как атомы в обществе" [3]. Прежде чем принять определенное решение

относительно полученной информации, человеку свойственно самоидентифицировать себя в системе тех ролей, которые предлагает реклама. Процесс самоидентификации происходит параллельно с имплицитной коммуникацией с самим собой. Человек, согласно теории Дж. Мида, взаимодействует социально сам с собой, принимая роли других людей, которые щедро предлагает ему реклама, оценивает себя, оценивает предлагаемый рекламой образ, и, самоидентифицируя себя, принимает решение сразу или строит планы по выполнению целей, которые созрели в результате общения с рекламой, формируя мир желаемый, основанный на новых потребностях и намерениях. Как этот мир образуется, можно увидеть только принимая роли других людей, на которых индивид стремится быть похожим, или, наблюдая за ролями тех, которые на него похожи. Нормы поведения предлагаются на фоне значимости, полезности, целеполагания рекламируемого продукта. Реклама в данной ситуации выступает регулятором норм, которые сама же и предлагает как новые и должные. Те из них, которые приживаются в обществе, переходят из понятия деонтических представлений в понятия нормативные. Большинство современных социологов не видят различия между двумя понятиями, воспринимая их как синонимичные. Однако есть и другие мнения. Так Бобнева М.И. справедливо, как нам кажется, различает эти два понятия по двум причинам: 1) эти два понятия могут не совпадать в особой социальной и культурной ситуации; 2) возможно своеобразное "отчуждение" нормативного от носителей деонтических представлений и опредмечивание его. "Институционализированные в сводах, кодексах, правилах, представления о "должном", выступающие как системы нормативных средств регуляции поведения, сами по себе еще не являются собственно "должными". Они становятся таковыми лишь обретая своих носителей" [4]. Поскольку социальные нормы, предписываемые рекламой, основаны на законодательных актах, регламентирующих рекламную деятельность, то мы можем предположить, что они направлены на обеспечение эталонного поведения, на стабилизацию, упорядочивание, интеграцию отношений. Первичная регуляция социального института рекламы проходит два этапа: интерпретация полученного рекламного сообщения, активизация на практике рационального выбора. В процессе обдумывания полученной информации (то есть интерпретации) включается оценка на основании предпочтений, таких как: 1) вознаграждение, социальное одобрение, 2) выгода, 3) осознание безразличия к полученной информации. Именно этот этап интересен социологу, так как на протяжении этого периода происходит принятие решения, постановка цели, или формирование интереса, мотива, потребности, ценностной ориентации. В случае, если все перечисленные ступени пройдены, наступает второй этап, когда реципиент рекламной информации предпринимает определенные действия, показывающие, как реклама регулирует поведение потребителей.

Практика становления капиталистической социально-экономической системы оправдала использование рекламы как в переходный период, так и в период сложившихся экономических рыночных отношений, в которых "королевой бала" стала конкуренция, а способность выживать — ее постоянной спутницей. Способность выживать предполагает гибкость восприятия рекламной информации, которой заполнен рынок символической продукции; умение выбирать доступное, действительно необходимое или почувствовать явный или косвенный обман, имплицитно заложенный в рекламном сообщении рекламодателем для получения личной прибыли. В основе подобного обмана может быть: неточность информации, явное преувеличение, например, качества рекламируемого продукта, его функций. Латентная регуляция со стороны рекламы интенсивно проявляется при обострении аномии в обществе. Согласно теории социальной аномии асоциальное поведение ощущимо возникает в обществе, в котором превозносятся символы успеха (основной двигательный тезис рекламы), якобы общие для населения в целом, в то время как социальная структура такого общества имеет рыхлые нормативные стандарты поведения, ослабленные убеждения. Подобная социальная структура ограничивает или полностью устраняет доступ к законным средствам завладения этими символами успеха для значительной части населения [5]. В рамках данной теории реклама может быть охарактеризована следующим

образом: цели, которые прямо или косвенно ставит реклама перед потребителем, способствуют формированию целого спектра моделей поведения со стороны потребителя, повторяющих те, которые были предложены Р.Мертоном.

Таблица 1

Цель, которую ставит реклама	Условия	Средства потребителя рекламы	Модель поведения
1 цель	признается, одобряется, доступна	легитимные средства имеются	конформизм
2 цель	признается, одобряется, но недоступна	легитимных средств не имеется	инновации
3 цель	отрицается, осуждается, но доступна	легитимные средства имеются	ритуализм
4 цель	отказ от целей	легитимных средств не имеется	отступничество (депрессия, случаи суицида, увеличение преступности)

В латентной форме регулятивная функция проявляется тогда, когда:

1) реклама расширяет диапазоны возможностей и достижения целей потребителей (купивший машину под влиянием рекламы получает большую степень "свободы" в передвижения... он может экономить время, посвятив себя другим интересным для него и полезным ему занятиям; имея автомобиль он может быстро выполнить массу дел, на которые раньше ему требовалось много времени);

2) реклама ограничивает выбор и действия своего потребителя, который попадает в зависимость от производителя рекламируемого продукта и от рекламодателя, подающего информацию о продукте;

3) реклама расширяет сферу контроля потребителя над окружающим миром, тем самым способствуя адаптации (приобретая новую стиральную машину, потребитель в состоянии контролировать процессы, связанные не только со стиркой белья, но и глажением последнего и т.д.);

4) реклама мотивирует и обуславливает выбор, способствуя снижению энтропии, добавляя упорядоченность в процесс покупки, выбора, формируя выбор;

5) реклама способствует взаимозаменяемости ценностей из разных аспектов повседневной жизни (реклама продуктов известными личностями);

6) реклама способствует профессиональной миграции;

7) реклама способствует возникновению состояния диссонанса в поведении потребителя.

Теория когнитивного диссонанса, предполагает, как известно, две гипотезы.

1) Существование диссонанса, являясь психологически дискомфортным, заставляет человека пытаться уменьшить диссонанс и добиться консонанса.

2) Когда существует диссонанс, человек, помимо того, что он пытается его уменьшить, активно избегает ситуаций и информации, которые ведут к возрастанию его [6].

Причиной возникновения диссонанса в рекламной деятельности могут быть как новые события, так и новая информация. Такие внешние факторы вызывают или временный диссонанс, который рассматривается как проходящее явление, или приводят к постоянному диссонансу.

Человек, желающий купить новую стиральную машину "Indesit", может под влиянием рекламы приобрести новую потребность, которая служит источником диссонанса, так

как отсутствие средств не позволяет реализовать эти потребности. В связи с этим его линия поведения может развиваться по-разному, вызывая диссонанс. При возникновении диссонанса под влиянием рекламы: 1) потребитель просто изменяет свои действия, изменив представление о своем последующем поведении. Решение "купить" может меняться на решение "воздержаться от покупки", или на решение "отказаться от покупки"; 2) потребитель рекламы может устранить диссонанс. Заняв денег, которых не хватает, он покупает стиральную машину под влиянием рекламы, устраняя диссонанс. Встретившись с непреодолимыми трудностями в попытке устранить диссонанс, он может столкнуться с ситуацией, когда диссонанс из состояния временного превратится в состояние постоянное, устойчивое. В случае социальной рекламы возникновение диссонанса равнозначно возможно так же, как и в случае коммерческой рекламы. Человек, приветствующий социальную рекламу, как бесплатную форму коммуникации ("Русский проект", брачные объявления и т.д.), основанную на активизации лучших человеческих чувств, может отторгать ее из-за примитивизма формы подачи информации, несоответствия усвоенным культурным стандартам.

Можно констатировать два основных способа устранения диссонанса, вызванного рекламой: 1) нахождение способа устранения трудностей, вызывающих диссонанс, путем изменения поведения; 2) нахождение способа устранения диссонанса путем игнорирования информации, предлагаемой рекламой. В случае с коммерческой рекламой это обращение к новым дополнительным заработкам, к займу и т.д. Социальная реклама может смягчить ранее устоявшиеся предубеждения, что приведет к консонансу. Аудитория потребителей рекламы, испытывающая диссонанс, может быть типологизирована следующим образом: 1) потребители, способные игнорировать информацию и не переживающие диссонанс; 2) потребители, которым легче умалить достоинства источника информации, вызывающей диссонанс, чем изменить свое мнение и соответственно поведение; 3) потребители, составляющие различные группы, для них реклама несет информацию, которая есть источник диссонанса для одних, для других — источник консонанса. Часто причиной возникновения диссонанса может быть так называемое содержательное ядро рекламной информации, характеризующееся некоторыми отклонениями от нормы как на уровне "глубинной структуры", т.е. смысла, так и на уровне "поверхностной структуры", т.е. формы подачи рекламной информации, что приводит:

1) к логическому несоответствию:

"Шью пальто из кожи заказчика" (Теленеделя, 1996)

Подобные рекламные объявления, вызвав сначала улыбку, приводят к диссонансу, а затем и к игнорированию подобной информации;

2) к несоответствию культурным образцам:

а) "Ты готов к отдыху с пейджером от "Link Telecom" (Бизнес, 1996);

ORIENT WATCH from Japan. Созидая новое, устремляемся в будущее. (Коммерсант Daily, 1996).

Не знающему английский язык вряд ли что скажет название компании и слово пейджер. Употребление в рекламе, рассчитанной на массового потребителя, несегментированного на основе признака "образование" иностранного слова, непонятного многим, приводит к диссонансу;

б) "Казнить нельзя помиловать" (Теленеделя, 1996);

"Для нашего народу — снижение цен к новому году" (Коммерсант Daily, 1996).

Намеренные ошибки в рекламе — прием общепринятый и признанный, и работающий за рубежом, вызывает диссонанс у украинского потребителя. Потребитель рекламы в обмен на свое внимание к рекламируемому продукту (что может расцениваться как вариант социального обмена) предпочитает видеть хороший грамотный текст, маленькое произведение искусств. В том случае, когда намеренные ошибки используют как способ привлечения внимания потребителя, то неграмотность как прием воспринимается с недоверием и, соответственно, недоверие переносится на рекламируемый продукт. Внимание к рекламе

должно привлекать описание преимуществ рекламируемого. Тогда возникает необходимость в рациональности самого обмена, что способствует формированию чувства доверия у потребителя рекламы.

3) к неприятию рекламы "от противного":

"Ложное срабатывание сигнализации может оказаться опаснее угонщика. Пять часов утра. Как Вы считаете, что думают о Вас соседи, о Вас и Вашей машине, разбуженные ревом сирены восьмой раз за ночь" (Рекламный мир, 1996)

Такая реклама, являясь самой популярной и действенной за рубежом, вызывает диссонанс у украинского потребителя. Результаты этого "если не..." – взрывающийся дом, умирающие люди и т.д. всего лишь привлекают внимание, но не вызывают потребности, приводящей к консонансу. Создается отрицательно ориентированное впечатление у потребителя такой рекламы. "Управление впечатлениями, – как писал Э.Гоффман, – должно отталкиваться от "положительного образа" [7].

4) к несоответствиям с прошлым опытом.

Прошлый опыт, приведший к разочарованию по отношению к рекламируемому и сформировавший негативное отношение к рекламе, может быть причиной диссонанса. Подобные ситуации являются результатом недобросовестной рекламы, передающей информацию о непроверенных фактах, недоброкачественных продуктах, рекламирующей заведомо неисполнимое, эксплицитно воспринимаемое как ложный аргумент:

"Можно ли женщин навсегда освободить от сковородки?"

Да, если Вы подарите ей фритюрницу фирмы "Bosch" с качеством на всю жизнь (Бизнес, 1996).

Функция социализации, если она выполняется, может быть рассмотрена как показатель эффективности рекламы. Социализацией принято считать "процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе" [5].

Роль общения в социализации личности исследована достаточно тщательно.. Однако отмечается недостаточность изученности: а) вопросов влияния различных видов и средств общения на социализацию личности; б) генезиса системы коммуникативных потребностей личности [8]. Реклама акцентирует взаимосвязь между индивидами и окружающей их социальной средой, при этом оказывает настолько серьезное влияние на их взгляды и поведение, что нередко способствует их модификации. Возможность такого влияния содержательной стороны передаваемой информации отмечалась коммуниктивистами, сторонниками контекстуализма (Марианте Джорджуди и Ральфом Росноу) в статье "Появление контекстуализма" [9] при анализе последними интереса к контекстуальным аспектам коммуникативных процессов.

Способностью влиять на наши ценности обладают только те, кто в нашем представлении является авторитетом, как для нас, так и для тех, кто составляет наше окружение. Как принято считать, для того, чтобы стать авторитетом "личность или организация должны представить "легитимацию" или доказательства того, что ее совету нужно следовать или отдать предпочтение" [10]. Основами "легитимаций" могут быть традиции, которые частично представлены в рекламе, безусловно, выступающие уже сами по себе приемами для создания успешной рекламы, рассчитывающей на то, что аудитория потребителей всегда с уважением относится к истории, к прошлому, особенно, если реклама основана на так называемом "положительном прошлом". Альтернативой традиционалистской легитимации выступает харизматическая легитимация. Потребность поиска образца харизматического влияния наблюдается среди потребителей, так как они уверены, что это обеспечит им гарантии безошибочности выбора ценностей. Особенно подверженными такому харизматическому влиянию становятся потребители в период глубоких социальных изменений, которое и переживает сейчас украинское общество. Реклама, как мы можем наблюдать, пытается использовать харизму. Бесчисленное множество людей попадают под влияние харизмы популярных личностей, рекламирующих те или иные продукты. Однако, это лишь

один из приемов, вызывающих доверие к рекламе. Другими, используемыми рекламой приемами с целью вызвать доверие потребителей, являются ссылки на большинство, на разнообразие мнений, на авторитеты в области рекламируемого, на мнения случайных прохожих. Лингвистическим приемом, вызывающим доверие, может считаться демонстрация искренности при помощи стилистических средств. "Лингвистические выражения, эксплицитно соотносимые с моментами опыта, — факты, нормы, интенции и т.д. констатируют мир, в котором и совершается социальное действие" [11].

Реклама способствует формированию "демонстративного потребления", о котором писал Т.Веблен, и эта функция рекламы может быть названа латентной функцией. "Только в том случае, когда мы рассматриваем потребление товаров в смысле очень далеком от его наивного значения (т.е. далеком от явной функции), мы можем обнаружить в нем некий иной побудительный мотив, который неизменно приводит к накоплению" [12]. Демонстративное потребление символизирует "финансовую силу" и "завоевание", поддержание высокого социального статуса. Люди под влиянием рекламы, пытающейся установить определенные стандарты поведения на основе заведомой сегрегации потребителя, чей "социальный адрес" указывается в рекламе, покупают рекламируемые продукты не столько потому, что они превосходят по качеству другие продукты, рекламируемые или не рекламируемые, но именно потому, что они дорогие.

К латентным функциям, способствующим социализации, может быть отнесена и функция формирования стереотипов, создания ситуации "культурного запаздывания", когда перемены материальной жизни общества, отраженные в рекламе, опережают трансформацию нематериальной культуры (обычаев, убеждений и т.д.)

Устойчивость и целостность социального института рекламы в современном обществе дает основание для изучения механизмов его воздействия на всю совокупность социальных процессов, повседневного влияния на различные стороны жизни, в которых обобщенным потребителем выступает многоликая аудитория рекламы. Такие задачи выполнимы только в ходе непрерывного изучения всего спектра функций в трактовке Р.Мертон. Эти функции заслуживают внимания, так как обогащаются специфическими особенностями, которые придает им сложный феномен рекламы. Явное и латентное проявление функций рекламы заставляет задуматься о необходимости более тщательного отбора тех, кто рекламу создает. Это связано с тем, что форма рекламы может определять переход функции от коммуникативной к регулятивной и, наконец, к функции социализации. Реализация последних двух функций является окончательной целью рекламы и показателем ее эффективности.

Литература:

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. — М.: Советское радио, 1974. — 265 с.
2. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. — М.: МУ и БУ, 1996. — С. 213-222.
3. Zimmel G. The Sociology of George Zimmel. New York, The Three Press, 1950. — P. 1-80.
4. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляции поведения. — М.: Наука, 1978. — 311 с.
5. Энциклопедический социологический словарь / Под общей редакцией Осипова Г.В. — М.: ИСПИ РАН, 1995. — 939 с.
6. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология (тексты). — М.: Издательство Московского университета, 1984. — С. 97-110.
7. Goffman E. The Presentation of Self In Everyday Life. New York. Anchor Books, 1959. — 255 p.
8. Сафронова Е.В. Роль общения в социализации личности. — М.: АКД, 1987. — 19 с.
9. Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: концепции, проблемы, прогнозы. — М.: МГУ, 1995. — 271 с.
10. Бауман З. Мыслить социологически. — М.: Аспект пресс, 1996. — 254 с.
11. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная теоретическая социология. — Санкт-Петербург.: Ольга, 1996. — С. 239-255.
12. Webblen T. The Theory of Leisure Class. New York, 1975.

ПРИВАТИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Процессы приватизации промышленных предприятий, других хозяйственных объектов и их реструктуризации нельзя рассматривать в отрыве от трансформирующейся социокультурной среды посттоталитарного общества. Деятельность по перестройке принципов и форм функционирования предприятий ведомственной социальной сферы, муниципальных служб требует тщательного учета общественного мнения, настроений людей, социального самочувствия, экономических и политических ориентаций, состояния трудовой этики, учета не только чисто экономических, но также социальных и политических последствий этой деятельности.

Поэтому социологическое исследование и фокусированные групповые дискуссии, проведенные авторами в рамках проекта "Анализ социального воздействия реструктуризации приватизированных предприятий в Украине"¹ имели одной из задач оценку степени трансформации социально-экономического, политического и правового сознания харьковчан в связи с реформами, проводимыми в стране.

Фокусированные групповые дискуссии, проведенные с представителями различных категорий городского населения и социологический опрос показали, что в массовом сознании харьковчан произошли и продолжают происходить глубокие изменения социально-экономических и политических ориентаций. Несмотря на весьма тяжелое материальное положение подавляющего большинства семей, несмотря на то, что основная масса харьковчан остро переживает снижение своего места в социальной иерархии, в массовом сознании, хотя и не безоговорочно, утвердились рыночные принципы и ценности. Эти процессы мы отслеживали с помощью индикаторов, позволяющих фиксировать изменения, происходящие в различных структурах массового сознания. Так, с помощью вопроса "Какой путь развития экономики Украины Вы бы поддержали?" фиксировалось изменение идеологической компоненты массового сознания. Зафиксированная динамика распределения ответов на этот вопрос достаточно противоречива (см. рис. 1). Наблюдается некоторое снижение доли сторонников рыночной экономики и рост доли приверженцев "смешанной" экономики, предполагающей сосуществование государственного и рыночного секторов экономики и активное воздействие государственных органов на финансово-экономические процессы. Доля "антирыночников" от года к году колеблется, имеет определенные всплески, но принципиально не растет. Это позволяет нам сделать вывод о том, что в

Бакиров Виль Савбанович – доктор соціологічних наук, професор, завідувач кафедри прикладної соціології, ректор Харківського держуніверситету (т.: 43-61-96);

Кізілов Олександр Іванович – кандидат соціологічних наук, завідувач кафедри методики і техніки соціологічних досліджень Харківського держуніверситету (т.: 45-75-55, факс: 14-14-08, e-mail: kai@nord.vostok.net)

Навроцький Олексій Ігоревич – кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології, проректор Харківського держуніверситету (т.: 45-72-60, 45-31-36);

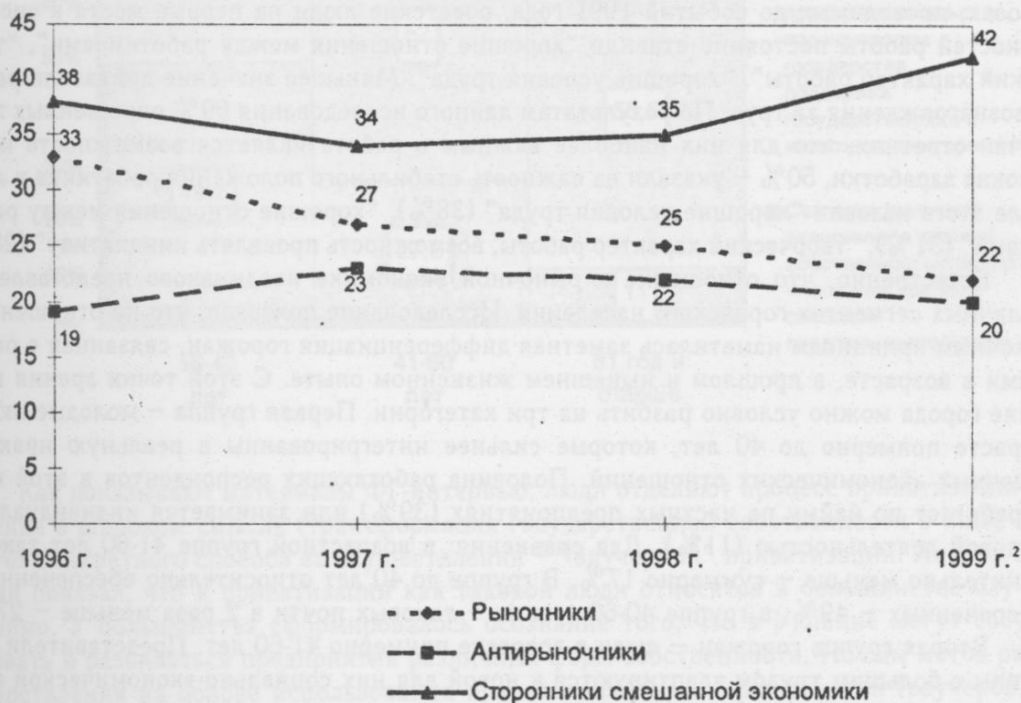
Ніколаєвський Валерій Миколайович – кандидат філософських наук, доцент кафедри прикладної соціології, декан соціологічного факультету Харківського держуніверситету (т.: 45-73-68, факс: 14-14-08, e-mail: sociology@univer.kharkov.ua);

Філінська Лариса Володимирівна – кандидат філософських наук, доцент кафедри соціології праці та управління, заступник декана соціологічного факультету Харківського держуніверситету (т.: 45-73-72, факс: 14-14-08, e-mail: sociology@univer.kharkov.ua)

массовом сознании борются две основные тенденции. Первая из них связана с либерально рыночными ориентациями, вторая предполагает развитие рынка под контролем государства. Однако и в том, и в другом случаях большинство опрошенных не предполагают возврата к принципам планоно регулируемой экономики.

Рисунок 1

**Тенденции изменения социально-экономических ориентаций
взрослого населения г. Харькова (1996-1999 гг.)
"Какой путь развития экономики Украины Вы бы поддержали?"
(в % к числу опрошенных)**

"Рыночники" – создание рыночной экономики с частной собственностью (в том числе и на землю) и свободой предпринимательства

"Антирыночники" – ликвидация всех элементов рынка, запрещение частной собственности и предпринимательства, восстановление прежней хозяйственной системы

"Сторонники смешанной экономики" – развитие предпринимательства под контролем государства, поддержка государственного и колхозного сектора

Об этом свидетельствуют и другие индикаторы. Так, 65% согласны с суждением "Мне безразлично, насколько разбогатеет нанявший меня предприниматель, если я у него буду хорошо зарабатывать". Лишь 11% не приемлют это. Всего треть респондентов предпочла бы работать на государственном предприятии. Немалая часть харьковчан считает, что частные предприятия способны улучшить положение с коммунальными услугами.

¹ Данный проект был реализован исследователями Восточноукраинского Фонда социальных исследований и социологического факультета Харьковского госуниверситета при тесном сотрудничестве с исследовательской фирмой MORI (Великобритания) и финансовой поддержке программы EU TACIS в 1996-98 гг. Он включал три массовых опроса взрослого населения (старше 18 лет) г. Харькова: октябрь 1996 г. (n=1500), октябрь 1997 г. (n=800), май 1998 г. (n=800). Кроме массовых опросов в июле 1996 г. и августе 1997 г. было проведено 18 фокусированных групповых интервью.

² Опрос был проведен в марте 1999 г. (n = 800 чел.)

Одним из главных симптомов растущей готовности людей жить по правилам рыночной экономики является состояние трудовой этики. Две трети харьковчан считают для себя наиболее приемлемой ситуацию, когда человек много зарабатывает, но и много работает. Лишь 18% предпочитают работать не слишком напряженно, удовлетворяясь средним заработком. Исследование показало, что основная масса опрошенных свободна от патерналистских ориентаций, преодолевает синдром "государственно-зависимого работника". Всего 15% считают, что необходимо полагаться на помощь со стороны государства или предприятия, организации, тогда как 89% полагают, что рассчитывать необходимо на себя самого, свои собственные силы.

Произошла и определенная реструктуризация ценностей трудовой деятельности. В опросах, проводимых до событий 1991 года, советские люди на первые места в системе ценностей работы постоянно ставили "хорошие отношения между работниками", "творческий характер работы", "хорошие условия труда". Меньшее значение придавали размеру вознаграждения за труд. По результатам данного исследования 69% опрошенных харьковчан ответили, что для них наиболее важным в работе является возможность иметь высокие заработки, 50% – указали на важность стабильного положения работника и лишь после этого назвали "хорошие условия труда" (38%), "хорошие отношения между работниками" (31%), "творческий характер работы, возможность проявлять инициативу" (28%).

Естественно, что отношение к рыночной экономике неодинаково представлено в различных сегментах городского населения. Исследование показало, что по отношению к рыночным принципам наметилась заметная дифференциация горожан, связанная с различиями в возрасте, в прошлом и нынешнем жизненном опыте. С этой точки зрения население города можно условно разбить на три категории. Первая группа – молодые люди в возрасте примерно до 40 лет, которые сильнее интегрированы в реальную практику рыночных экономических отношений. Половина работающих респондентов в этой группе работает по найму на частных предприятиях (39%) или занимается индивидуальной трудовой деятельностью (11%). Для сравнения: в возрастной группе 41-60 лет таковых значительно меньше – суммарно 17%. В группе до 40 лет относительно обеспеченных и обеспеченных – 49%, в группе 40-60-летних – таковых почти в 2 раза меньше – 27%.

Вторая группа горожан – люди в возрасте примерно 41-60 лет. Представители этой группы с большим трудом адаптируются к новой для них социально-экономической ситуации.

Третья группа – пожилые (старше 60 лет) люди, которые в основной массе не могут адаптироваться к нынешним социально-экономическим условиям и находятся в наиболее трудном материальном положении.

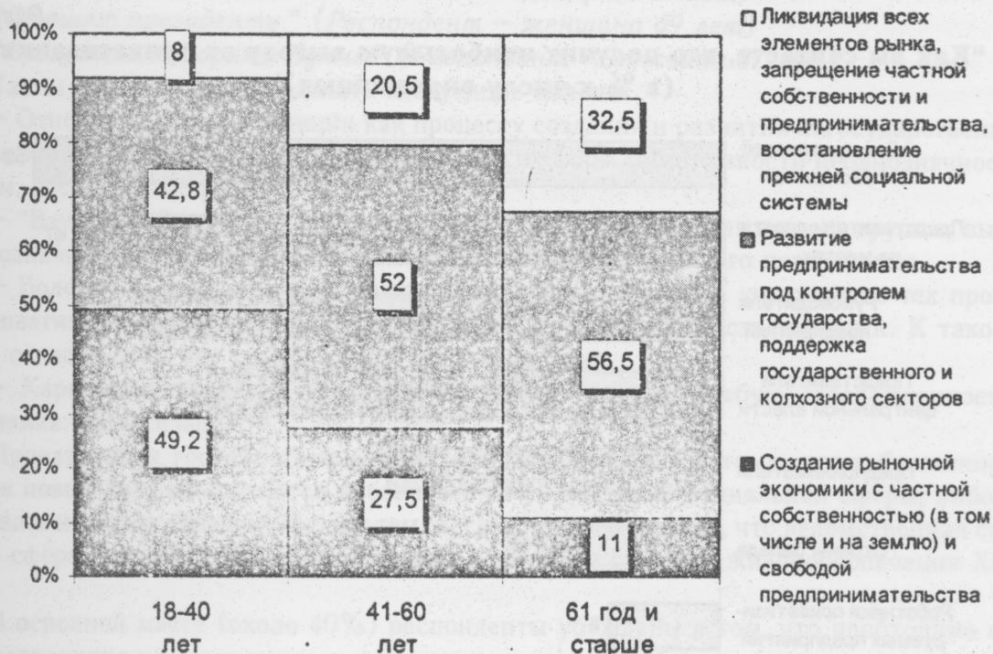
Социально-экономические ориентации в этих группах респондентов заметно отличаются (см. рис. 2).

Как видно из рисунка, в первой группе преобладают респонденты, позитивно относящиеся к рыночной экономике и в явном меньшинстве находятся ее решительные противники. В третьей группе – наоборот, и, наконец, во второй группе отношение к рыночной экономике более – менее амбивалентное. Но даже среди людей старшего возраста, настроенных наиболее консервативно, лишь треть – решительные противники рынка.

Обозначенные тенденции сохранили свой характер, несмотря на противоречивые процессы в экономике, произошедшие за последние полгода (кризис "17 августа" в России и его последствия для Украины). Более того, можно говорить об усилении расхождения этих позиций. Молодежь все больше интегрируется в новую экономическую реальность, представителей старшего поколения эта новая реальность выталкивает на обочину жизни и детерминирует соответствующие социально-экономические ориентации. В данном случае мы можем уже говорить о явно выраженных поколенческих различиях.

Хорошей иллюстрацией тезиса о кардинальных изменениях массового сознания может служить отношение людей к экономическим преобразованиям в сфере собственности, т.е. к приватизации.

**Сторонники и противники рыночной экономики
(в % к численности возрастной группы)**

Как показывают материалы ФГ-интервью, люди отделяют процесс приватизации как явление в широком смысле (трансформация государственной собственности в иные формы) от конкретного способа ее осуществления – «ваучерной» приватизации. Анализ суждений показал, что к приватизации как таковой люди относятся в большинстве случаев терпимо. У большинства сформировалось осознание того, что в Украине могут сосуществовать и развиваться предприятия различных форм собственности. Но сам метод разгосударствления на основе использования приватизационных сертификатов (ваучеров) ни в одной группе не встретил однозначной поддержки.

Показательна в этом отношении дискуссия в группе предпринимателей. Поддерживая расширение негосударственного сектора экономики, предприниматели не проявили никакого интереса к использованию собственных приватизационных сертификатов. Многие из них не предполагали (и не предполагают) ими воспользоваться и скептически относятся¹ к возможностям инвестиционных фондов и доверительных обществ принести вкладчикам хотя бы мизерные дивиденды.

Более жесткие оценки в отношении «ваучерной» приватизации прозвучали в группе работников социальной сферы. «*Ваучеры – это инсценировка раздела недвижимости*», – говорила одна из участниц дискуссии (учитель школы, женщина, 44 года). По мнению другой участницы (работник Совета ветеранов, женщина, 56 лет): «*Приватизационная кампания – это злой миф, созданный специально для того, чтобы у людей создавалась иллюзия того, что они стали собственниками*».

Такие же оценки звучали и в группе интеллигенции.

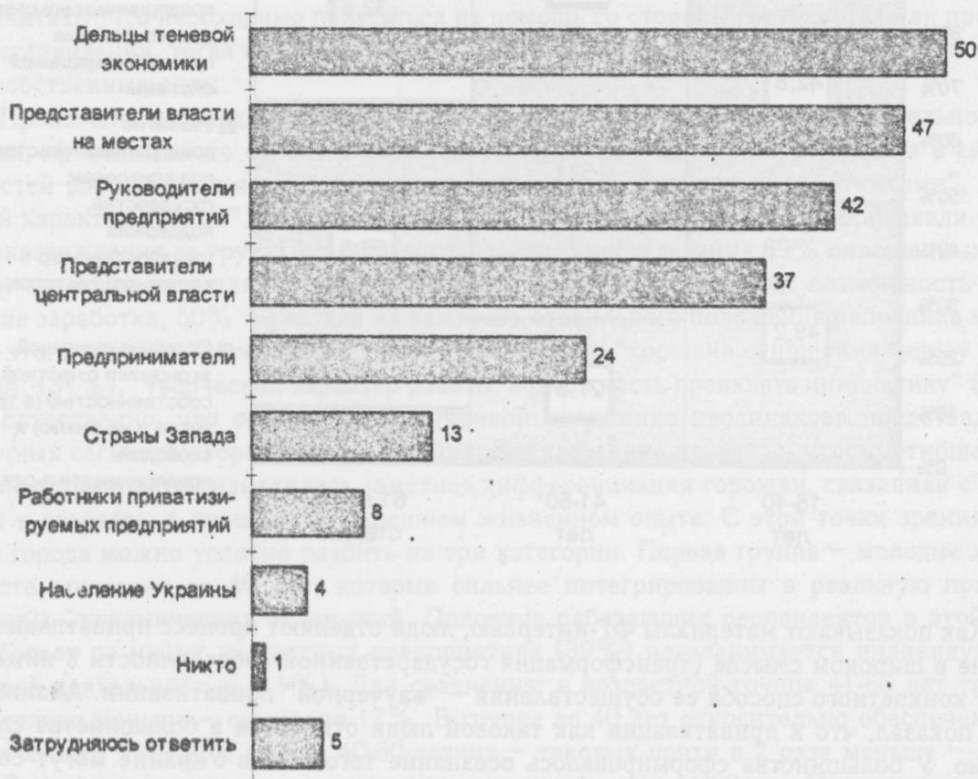
Недаром, оценивая последствия проходящей в стране «ваучерной приватизации», около 80% харьковчан считают, что она способствовала углублению пропасти между «богаты-

¹ На момент подготовки статьи к печати (май 1999 г.) в Украине еще проводятся сертификатные аукционы.

ми" и "бедными". А выгоду от нее, в первую очередь, получают дельцы теневой экономики, государственные чиновники и директорский корпус.

Рисунок 3

"Как вы считаете, кто получит наибольшую выгоду от приватизации?"
(в % к числу опрошенных)¹

Общее негативное отношение к практике приватизации подтверждается участием в ней населения. Существуют различные объективные данные об участии населения в ваучерной приватизации. Согласно информации, предоставленной Харьковским областным управлением Сбербанка Украины, на 30 июня 1998 г. в г. Харькове приватизационные сертификаты получили 72% жителей [1]. Однако же это не свидетельствует о том, что получившие ваучер использовали его в приватизации государственных предприятий и учреждений. Так, по данным нашего исследования, среди получивших:

- 25% - получили приватизационный сертификат, но пока никак его не использовали;
- 6% - получили приватизационный сертификат, но не собираются его использовать;
- 37% - получили приватизационный сертификат и продали его за наличные деньги по цене от 10 до 25 гривен.
- 32% - использовали в процессе приватизации.

Приведенные данные и суждения респондентов, высказанные в открытой форме в ходе проведения массового опроса, могут служить достаточно убедительной иллюстрацией низкой степени доверия населения к приватизации и отсутствия надежд на ощутимые "дивиденды" от участия в приватизационной программе.

¹ Опрос: октябрь 1996 г. (n = 1500)

“Ваучер – это фарс; жалею, что не продал его раньше, когда он стоил 20 гривен.” (Респондент – мужчина 65 лет)

“Оставляю на память.” (Респондент – женщина 47 лет)

“Отошлю президенту.” (Респондент – женщина 69 лет)

“Собираюсь подарить Кучме.” (Респондент – мужчина 57 лет)

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

– Отношение к приватизации как процессу создания и развития негосударственного сектора экономики, предприятий частной и других форм собственности неоднозначное, но в целом, достаточно терпимое.

– “Ваучерная” приватизация как способ разгосударствления во всех группах вызвала однозначно негативную реакцию: от раздражения до открытого негодования.

– Более положительно и с большим интересом население участвует в тех процессах приватизации, которые позволяют им стать реальными собственниками. К таковым можно отнести пока что только приватизацию квартир.

– Харьковчане в своем большинстве демонстрируют слабую осведомленность о механизмах приватизации.

Приватизация государственных предприятий приводит к тому, что в большинстве случаев новые хозяева пытаются избавиться от учреждений социальной сферы, либо использовать их иным образом. Между тем, исследование показало, что ведомственная социальная сфера являлась достаточно важным элементом системы жизнеобеспечения Харькова.

В основной массе (около 40%) респонденты убеждены в том, что необходимо обязать предприятия по-прежнему содержать ведомственные объекты социально-культурного назначения. На этом настаивали и многие участники фокусированных групповых дискуссий.

В то же время, вследствие социально-экономических трансформаций последних лет, реальное значение ведомственной социальной сферы в жизни харьковчан снизилось. В настоящее время они, в основном, пользуются лишь одной из услуг, предоставляемых ведомственной социальной сферой – медицинским обслуживанием в ведомственных поликлиниках и больницах (32% опрошенных). Вторая услуга ведомственной социальной сферы, сохранившая свою значимость – ведомственное жилье.

По разным причинам люди в большинстве своем перестали пользоваться ведомственными домами отдыха и санаториями, домами культуры, спортивными учреждениями, профтехучилищами.

Лишь незначительная часть опрошенных, отвечая на вопрос: “Что для Вас является наиболее важным в работе?”, назвала возможность пользоваться детскими садами, яслями, жильем, спортивными сооружениями, базами отдыха (9%), поставив социальные услуги, предоставляемые предприятием, на 14-е (из 16) место в иерархии значимых аспектов трудовой деятельности.

То есть, ведомственная социальная сфера, за исключением ведомственных лечебных учреждений и ведомственных жилых домов, прекращает свое функциональное существование. Оживить ее функционирование в прежнем объеме предприятия не в состоянии.

Нет средств, чтобы заплатить за свет, тепло, питание детей в детсадах, восстановление разрушающихся зданий. Однако отказываться от некоторых учреждений (детских садов, домов отдыха, спортивных комплексов) руководители предприятий не спешат, т.к. нередко используют их, по мнению участников ФГ-интервью, для личного обогащения (например, неофициально сдавать в аренду). Городские и районные власти также не могут принять на себя “груз” ведомственной социальной сферы.

Выход видится только один: предприятиям следует распорядиться теми объектами социальной сферы, которыми они все еще располагают, либо в производственных целях, либо передать их за деньги или бесплатно фирмам и частным лицам на взаимовыгодных условиях. Универсальных рецептов здесь быть не может; каждое предприятие должно принимать решение по своему усмотрению, исходя из конкретных условий.

Важно учитывать имеющийся сегодня опыт работы, например, частных школ, детских садов, ведь, несмотря на "бедность" харьковчан (около половины опрошенных относят себя к беднейшим слоям населения), в городе все более популярными становятся частные образовательные учреждения. В условиях, когда государственные школы закрываются, число учеников в классе увеличивается, сокращается количество академических часов по отдельным предметам, родители просто вынуждены учить своих детей за деньги, тем более, что качество обучения в платных школах, по мнению горожан, достаточно высокое.

Особый подход, однако, нужен в отношении ведомственного жилья и ведомственных лечебных учреждений. В первом случае целесообразно прислушаться к мнению тех почти 50% опрошенных харьковчан, которые считают необходимым либо передавать ведомственное жилье безвозмездно в собственность жильцов (33%), либо передавать его им за плату (13%), либо продавать его любому, кто согласится его купить (3%).

В то же время представляется очевидным, что передача ведомственного жилья порождает серьезную проблему: развитие неизвестных харьковчанам и непривычных для них форм совместной самостоятельной эксплуатации многоквартирных домов, в частности кондоминиумов (ассоциаций совладельцев многоквартирных домов). Программы создания и развития кондоминиумов начаты в Украине, в том числе и в Харькове при помощи РАРКО. Сохранение и развитие таких программ, расширение сферы охвата ими владельцев приватизированных квартир (находившихся как в муниципальном, так и в ведомственной жилком фонде) – важное направление реструктуризации жилой сферы.

Что касается ведомственных медицинских учреждений, то можно предложить продажу их с аукциона негосударственным медицинским учреждениям (либо сдачу в аренду на конкурсной основе) с обязательным условием сохранения профиля и оказания бесплатных (или со скидкой) медицинских услуг работникам данного предприятия или отдельным их категориям (в первую очередь требующим социальной поддержки). Стоимость этих услуг может быть засчитана в стоимость их аренды. Возможны также различные варианты медицинского страхования работников тех предприятий, медицинские учреждения которых будут реструктурированы подобным образом. Для реструктуризации ведомственных медицинских учреждений чрезвычайно важны специальные программы технической помощи, включающие нормативно-правовое, кредитно-финансовое обеспечение, переобучение персонала и т.п.

Важно подчеркнуть, что в настоящее время система платных услуг в социальной сфере, как впрочем и в производственной, почти не развивается: непомерно высокие налоги, отсутствие льгот делает выгодным работать (и руководителям, и рядовым работникам) в "теневой сфере", минуя официальные каналы привлечения средств (плата идет непосредственно тренеру, учителю, врачу).

Приватизационные процессы как в производственной сфере, так и в сопряженной с ней ведомственной социальной сфере, порождают довольно широкий спектр настроений. Люди все более склонны признать как неизбежную, хотя и не вызывающую у них восторга, реалию – рыночный путь развития украинского постсоветского общества. Кто-то из них просто вынужден смириться с этим, как с неизбежным злом, другие – осознают экономические и социальные преимущества этого пути, третьи – не выработали определенного отношения у рыночным процессам.

Общим для сознания представителей различных профессиональных и социально-демографических групп – участников групповых дискуссий, является состояние тревоги и растерянности. Люди осознают необходимость рыночных преобразований на фоне психологической и эмоциональной "усталости", всеобщего разочарования ходом и результатами экономических реформ.

Вот лишь некоторые из характерных высказываний участников групповых дискуссий:

Женщина, 41 год, предприниматель: "...Мне не нравится наше государство, потому что за этот период (с 1991 года – авт.) не сделана экономическая ре-

форма для того, чтобы человек сам для себя мог продолжать работать, мог создавать свое дело... Никто не защищен, независимо от того, состоятельный он человек или нет".

Мужчина, старше 60 лет, пенсионер: "...Да ничего хорошего мы не видим. Сейчас люди из-за такого положения теряют веру. Неверие ни во что, понимаете!?"

Анализ суждений о происходящих процессах в экономике показал, что харьковчане свои оценки выстраивают на основании опыта, полученного в той сфере экономической реальности, в которую они реально вовлечены. Естественно, эта экономическая реальность достаточно различается у пенсионеров и предпринимателей, рабочих и интеллигенции.

С этой точки зрения наибольший интерес представляет мнение рабочих государственных и акционированных (бывших государственных, перешедших в собственность трудовых коллективов) предприятий и учреждений, которое мы зафиксировали путем проведения интервью в фокусных группах.

У работников этих предприятий и учреждений отношение к рыночным реформам в большей мере, чем у других, связано с изменением их предприятиями форм собственности – акционированием, приватизацией и т.д. Являясь свидетелями и участниками этих процессов, рабочие в своем большинстве пришли к заключению: акционирование не меняет социальную иерархию на производстве и в обществе. Вертикаль "начальники-рядовые работники" стала более значимой, социальная дистанция между группами работников (а теперь и совладельцев) одного предприятия резко возросла. Помимо существовавших ранее различий в положении этих групп, назывались новые черты, которые свидетельствуют о полном бесправии рядовых акционеров в решении главных вопросов развития своего предприятия. Администрация получила явные преимущества. Причем, она извлекает выгоду даже в случае крайне неэффективного управления производственно-экономическими процессами: за счет присвоения части имущества, присвоения доходов от отдельных выгодных производств, использования труда подчиненных на других объектах и т.п.

Таким образом, выбранный вариант приватизации государственного сектора в большинстве случаев не приводит к появлению эффективных собственников, способных оживить деятельность предприятий, особенно крупных.

Нет интереса к повышению эффективности деятельности своего предприятия и у рядовых работников. Отчетливо осознавая двусмысленность своего положения формального собственника, работники этих предприятий не связывают с их деятельностью надежды на свое материальное благополучие. Половина (50%) утверждают, что их предприятие не станет или не стало более эффективным; 61% полагают, что их доходы не увеличились и не увеличатся; 69% (в том числе 47% руководителей) уверены, что они не оказывают и не будут оказывать влияния на решения предприятия; а 57% говорят, что они стали/станут менее уверенными в стабильности своей работы.

Даже на относительно благополучных предприятиях процесс приватизации породил множество вопросов. "Как провести собрание акционеров ОАО "Турбоатом", которых насчитывается 17 тысяч человек?" – задает вопрос председатель наблюдательного совета ОАО "Турбоатом". Волнует его также и то, как воспользуются своим правом акционеры, большинство из которых "просто не знают, что делать с выдаваемыми свидетельствами на акции" [2]. Возникают и другие проблемы, прежде всего в сфере корпоративного управления приватизированными предприятиями. Таким образом, ни рядовые акционеры, ни руководители акционерных обществ по сути не представляют, как эффективно управлять собственностью в современных условиях.

Совокупность фактов, полученных в ходе проведенного исследования, позволяет нам сделать довольно неожиданный вывод, суть которого состоит в том, что в постсоветском Харькове, в этом мощном индустриальном мегаполисе, культурные изменения в сфере экономики опережают изменения институциональные. Исследователи переходных процессов в странах Восточной Европы обращают внимание на характерное для этих стран несоответствие между "институциональным строительством" и "культурным строитель-

ством". Как правило, создание новых институтов (институциональная инженерия) идет в этих странах более быстрыми темпами, чем изменение сознания, "переоценка ценностей". В сфере экономики капиталистические институты возникают раньше, чем формируется соответствующее им экономическое сознание, "дух капитализма" [3].

В нашем случае наблюдается скорее обратное соотношение. Имеются заметные, ощутимые сдвиги в экономическом сознании при отсутствии заметных позитивных институциональных изменений, прежде всего – успешной приватизации.

Опрос зафиксировал глубокое противоречие между характерным для большинства респондентов согласием с необходимостью и правомерностью рыночных реформ, с одной стороны, и резким неприятием того, как проводятся эти реформы. Подавляющее большинство харьковчан, признающих в целом необходимость рыночных реформ, не видят смысла в проводимой в Украине приватизации, в приватизации предприятий, на которых они работают. Мало кто ждет какой-либо пользы от приватизации для населения, для экономики страны. Большинство харьковчан убеждены в том, что она принесет выгоду только дельцам теневой экономики и людям при власти.

Исследование позволяет оценить также и состояние политического сознания харьковчан, их отношение к политическим процессам в стране. Общий вывод аналогичен приведенной выше оценке экономического сознания: харьковчане, хотя и незначительным большинством, являются сторонниками демократических принципов общественного устройства, но при этом достаточно скептически оценивают политические изменения, произошедшие и происходящие в обществе. Так, большинство респондентов считают безусловно необходимыми такие политические права и свободы, закрепленные в Конституции Украины, как свобода и личная неприкосновенность (96%); свобода передвижения (91%); свобода мысли и слова (91%); тайна переписки (86%); свобода объединения в политические партии (65%); право проводить собрания, митинги (59%); право на забастовку (54%).

Они в большинстве своем однозначно негативно относятся к таким чрезвычайным и недемократическим мерам преодоления кризиса, как переход на карточную систему распределения продуктов; принудительное привлечение к работе на промышленных предприятиях; приостановка деятельности профсоюзов; запрещение забастовок и других законных форм протеста; введение цензуры в средствах массовой информации; конфискация в пользу народа имущества и денег у богатых; приостановка деятельности партий и политических организаций¹. И в то же самое время харьковчане (хотя и с небольшим перевесом) склонны к неодобрительной оценке политических реформ, осуществленных в Украине после провозглашения независимости: многопартийной системе, альтернативным выборам. 25% одобряют эти реформы, 30% не одобряют. Остальные (34%) относятся к ним амбивалентно (в чем-то одобряют, в чем-то нет), либо не смогли дать определенной оценки.

Причиной несоответствия между преобладанием демократических настроений, с одной стороны, и преобладанием негативных оценок осуществленных демократических преобразований, является низкое качество последних и низкое качество возникших в результате этого политических институтов. Здесь, как и в экономической сфере, культурные изменения обогнали изменения институциональные.

Мы располагаем данными о том, что в нашем обществе не преодолена высокая степень неприятия таких политических институтов, как государственная власть и местное самоуправление (которые массовое сознание не в состоянии дифференцировать) политические партии и организации. Как свидетельствуют данные массового опроса харьковчан в марте 1999 г., от 51 до 72% жителей Харькова не доверяют в той или иной степени политическим партиям, преодолевшим 4% барьер на выборах в Верховную Раду Украины. Даже Коммунистической партии – одному из лидеров рейтингов последних месяцев – доверяют всего 23% опрошенных харьковчан.

¹ В исследовании в качестве индикатора было использовано отношение к прожективной ситуации, предполагающей использование методов авторитарного решения социальных проблем.

Следует отметить, что горожане сохраняют пока еще доверие такому важному политическому институту как выборы. Это явление мы наблюдали и ранее, в ходе реализации исследования "Анализ социального воздействия реструктуризации приватизированных предприятий в Украине" (1996-1998 гг.), наблюдаем его и сейчас: в марте 1999 г., за семь месяцев до выборов Президента Украины, более 65% взрослых харьковчан собираются участвовать в голосовании.

Особой темой является отношение харьковчан к местному самоуправлению, точнее, отсутствие у них сколько-нибудь серьезного интереса к его возможностям и социальным функциям. Из всех возможных форм участия в местном самоуправлении приемлемой (и то всего лишь для 23% респондентов) названо участие в выборах депутатов районного, городского, областного советов. Остальные формы (такие, например, как работа в домовых комитетах, в органах самоуправления микрорайона, в объединении совладельцев приватизированного жилья и др.) вызывает интерес всего лишь у 4-5 и менее процентов опрошенных. Показательно, что для 64% опрошенных харьковчан никакие формы участия в местном самоуправлении не являются приемлемыми.

Причины этого, очевидно, в том, что реальное местное самоуправление в советском обществе не существовало, не было привычной, укорененной в привычках и традициях населения формой организации общественной жизни, решения проблем той или иной территории, населенного пункта. Не носит оно реального характера и сейчас, поскольку не выросло и не сложилось в результате длительного исторического развития и на основе соответствующих традиций, а формируется на основе политической инженерии ("сверху"). При этом четко не отрегулированы полномочия и функции органов местного самоуправления, их управленческая компетентность не отграничена четко от компетенции органов государственной власти, не отрегулированы финансовые механизмы их деятельности, не выработаны особые формы, методы и стиль работы, позволяющие населению той или иной территории активно и самостоятельно решать свои социальные проблемы.

Представляется целесообразным осуществить в рамках локальной городской территории (административного района или микрорайона, или, скажем, в четырех населенных пунктах (по два больших и малых города) на Востоке и Западе Украины) пилотный проект по развитию самоуправления граждан. Это могло бы стимулировать их активное участие в благоустройстве своей жизни, включая и управление объектами социально-культурной сферы, позволило бы оценить реальные возможности различных форм местного самоуправления. Отдельные элементы такого подхода отработывались в Харькове при создании кондоминиумов. Но в данном случае речь идет о более широком подходе, предполагающем системную организацию различных форм местного самоуправления в рамках административной территории. В случае успешной реализации проекта, накопленный опыт и "ноу-хау" могут быть распространены в более широких масштабах.

Таким образом, на наш взгляд, было бы целесообразно:

1) отслеживая изменения массового сознания, реализовать на практике идею мониторинга социального воздействия реструктуризации приватизированных предприятий в Украине;

2) поставить формирующий эксперимент по развитию местного самоуправления в нескольких городах Украины (с учетом размера города и специфики региона);

3) более глубоко проанализировать (с учетом мнений экспертов) и отработать на практике эффективные механизмы передачи и функционирования социальной сферы приватизированных предприятий.

Литература:

1. Текущий архив Харьковского областного управления Сбербанка Украины.
2. Мазница А. Кто ты будешь такой?... // Зеркало недели. — №8. — 27 февраля 1999 г. — С. 8.
3. Piotr Sztompka. Looking Back: The Year 1989 as a Cultural and Civilizational Break // Communist and Post-Communist Studies. Vol. 29, № 2, 1996. — P. 119.

ОБРАЗ ПРИВАБЛИВОЇ ТРУДОВОЇ ОРГАНІЗАЦІЇ В СПРИЙНЯТТІ РІЗНИХ СОЦІАЛЬНИХ ГРУП

Якою мірою хід і результати соціально-економічних перетворень в українському суспільстві визначає людина-працівник? Якою мірою залежить від персоналу трансформація трудових організацій, їх адаптація до ринкових умов? Дослідниками акцентується увага переважно на зміні положення людини в сучасному виробництві і на вимогах, які висуваються у зв'язку з цим до неї. В той же час недостатньо, на наш погляд, вивчаються зустрічні зимоги до трудової організації з боку її персоналу (реального і потенційного). Але ж долати безсуб'єктні економічні організаційні утворення можна лише шляхом активізації людського ресурсу трудових організацій, використання його творчого потенціалу, урахування потреб та інтересів, які люди реалізують в соціально-трудовій сфері. Не випадково в рейтингах на визначення привабливості американських компаній спеціалістами поряд із суто економічними критеріями оцінюється здатність фірми "залучати, розвивати й підтримувати творчість персоналу" [1, с. 111].

Трудові спільноти продовжують привертати увагу соціологів завдяки тому, що вони впродовж тривалого часу як в індустріальному, так і в постіндустріальному суспільстві, виступають важливою одиницею соціальної інтеграції, дозволяють особистості набути статус і функції, що особливо важливо в сучасних умовах, коли, на думку П.Друкера, попередні спільноти, такі як сім'я, село, церковний прихід та інші втрачають своє значення [4]. Підвищення соціальності трудових спільнот стає особливо відчутним при зниженні їх життєздатності в умовах економічної кризи, внаслідок чого їх персонал часто втрачає не тільки засоби до існування, але й звичний спосіб життя, дезорієнтується.

Як колективне утворення, організація, у т. ч. трудова, може розглядатися на кількох рівнях: а) особистому (група, колектив, сукупність людей, які знаходяться у відповідних стосунках між собою і відповідним чином взаємодіють); б) структурному (деяка абстрактна структура, яка "знімається" з об'єднання осіб, або, навпаки, "накладається" на нього); в) нормативному (сукупність цілей, процедур, правил, норм, які визначають характер відносин і взаємодій учасників організації між собою, з зовнішнім оточенням); г) речовому (комплекс матеріальних умов й засобів, за допомогою яких здійснюється функціонування організації [2, с. 104]. Усі ці рівні пронизуються організаційними зв'язками, які упорядковують організаційні процеси, надають цілісність організації. В організаційному упорядкуванні, функціонуванні й розіттку людина одночасно виступає і суб'єктом, і об'єктом.

В межах загального переходу від універсалізму до плюралістичної картини світу урізноманітнюються організаційні форми й зв'язки людини з трудовою організацією. Наприклад, поглиблюється професійна спеціалізація і зростає роль ринкової вартості кваліфікації працівника: від ринкової вартості професіоналізму трудова винагорода починає залежати більше, ніж від положення людини в організаційній ієрархії підприємства чи установи. Поступово відбувається перехід від функціональної, ієрархічної до горизонтальної організації виробництва й трудових процесів, що змінює характер управління, ускладнює організаційні зв'язки. Зокрема, горизонтальний розподіл проявляється в широкому використанні міжфункціональних груп, групової роботи (команд) для вирішення тимчасових організаційних проблем [див.: 5].

Особливу увагу заслуговує звертання вчених до аналізу та пояснення механізмів поведінки людини в трудовій організації, пошук надійних, науково обґрунтованих систем її мотивації та контролю. Наприклад, Д.Марч та Г.Саймон, розглядаючи організацію як відкриту

систему, запропонували певні правила для досягнення організаційної рівноваги. Ці дослідники вважають, що для персоналу реальність не обмежується самою організацією, а тому слід мати на увазі такі моменти. По-перше, кожний член організації (або група) одержує від організації конкретні стимули, у відповідь на які робить той чи інший внесок в організацію. Серед стимулів – не тільки грошова винагорода, конкретні товари (послуги), але й чинники, що сприяють соціально-психологічному задоволенню особистості (наприклад, заохочення вільним часом). По-друге, кожний член організації буде й надалі робити внесок в організацію, але до того часу, поки запропоновані стимули будуть визнаватися рівноцінними або перевищуватимуть цей внесок (вимірювання цього співвідношення передбачає аналіз цінностей членів організації та міри їх реалізації). По-третє, джерелами, з яких організація бере стимули для персоналу, є внески окремих її членів (груп). Організація платоспроможна й завдяки цьому може існувати доти, доки внески персоналу будуть достатніми, щоб забезпечувати адекватні стимули для одержання цих внесків і надалі.

За нашими даними (в 1996 р. соціологами ХДУ опитано 978 мешканців м.Харкова старше 18 років; районована трьохступенева вибірка, репрезентація населення за віком, рівнем освіти, родом діяльності) близько 17% опитаних серед працездатного населення міста планують найближчим часом (протягом одного-трьох років) змінити місце роботи, у т. ч. кожний четвертий найманий працівник недержавного сектору і кожний п'ятий зайнятий підприємницькою діяльністю. Яка трудова організація є для них найбільш привабливою? Чи змінюються критерії вибору людьми трудової організації в умовах трансформації українського суспільства і в якому напрямку ці зміни проходять?

Умовно зв'язки з трудовою організацією, до встановлення яких прагне особистість, нами поділені на дві групи: а) зв'язки економічного характеру (так званий грошовий зв'язок) і б) зв'язки неекономічного характеру. Перший тип зв'язку можуть характеризувати орієнтації людей на такі ознаки трудової організації, як регулярність виплати заробітної плати, належний рівень трудової винагороди, стабільність роботи організації, право брати участь у власності організації (можливість придбання акцій); надання пільг для персоналу; хороші умови праці. Некономічні зв'язки пов'язуються нами з такими індикаторами, як престиж організації; довіра до неї з боку населення; реальна користь від її діяльності суспільству, людям; соціальні гарантії для персоналу; можливості для службового просування персоналу; надання можливостей для реалізації здібностей персоналу. Персонал сучасних трудових організацій прагне задовольняти поряд з економічними свої соціальні потреби, тому підвищується роль соціальної компетентності управлінців (раніше акцент робився на їх професійну компетентність). Під соціальною компетентністю розуміється "здатність до спілкування, співробітництва, розв'язання конфліктів, ...здатність до керівництва співробітниками" [3, с. 15].

Приваблива трудова організація, на думку опитаних, має характеризуватися такими ознаками, які нами ранговані за їх значимістю у бік її зменшення (індекс значимості змінюється від 0 до +1): регулярність виплат винагороди за працю (індекс дорівнює 0,930); високий рівень трудової винагороди (0,922); хороші умови праці (0,805); стабільна робота організації (0,677); надання персоналу соціальних гарантій, а також пільг (0,663); можливостей для самореалізації (0,551); соціальна значимість організації, реальна користь від неї людям (0,520); довіра до організації з боку населення (0,482); престиж організації (0,423); надання можливостей для службового просування персоналу (0,356); права участі персоналу у власності організації (0,312).

Основними диференціюючими факторами при оцінках окремих рис привабливої організації (окрім орієнтації на соціальні гарантії) стали вік та освіта респондентів. Рівень винагороди за працю виявився дещо більш важливим для чоловіків порівняно з жінками. При високій орієнтованості майже всіх соціальних груп на роботу в престижній організації все ж проглядається полярність в прагненнях респондентів за-оссю "розумова – фізична праця"; така орієнтація значно виражена у керівників різного рівня, студентів, яким цей аспект не байдужий (для порівняння: 12% опитаним кваліфікованим робітникам і кожному десятому безробітному зовсім не важлива престижність організації, в якій він хотів би працювати).

Соціальні гарантії й пільги, які може надати трудова організація, залишаються універсальною цінністю для людини праці. Забезпеченість ними значуща для всіх респондентів, незалежно від сектору економіки, в якому вони зайняті на момент опитування, але особливо відчують потребу мати соціальні гарантії спеціалісти гуманітарного профілю, керівники цехів та підрозділів (більше двох третин респондентів), тобто представники тих соціальних груп, трудове становище яких в наш час нестабільне, а можливості працевлаштування згідно з набутими професійними навичками досить обмежені.

Поширення економічної демократії через демократизацію власності (шляхом надання персоналу права володіти акціями організації) не зустрічає відповідної реакції з боку респондентів, теорія й практика суттєво розходяться. Цей аспект трудового життя важливий тією чи іншою мірою для 70% зайнятих підприємництвом і працюючих по найму в недержавному секторі, для керівників різного рівня (серед інших груп населення поєднання трудових і власницьких повноважень приваблює біля 40% респондентів). Цікаво, що серед працівників недержавного сектору більша й питома вага тих, хто позитивно розцінює приватизацію малих підприємств (78% відповідей порівняно з 52% в недержавному секторі), середніх (55,3% і 31% відповідно) та великих (35,8% проти 14,5%). Шляхом приватизації ті, хто вже має досвід роботи в приватному та акціонованому секторі, сподівається стати власником або співвласником трудової організації. Зайнятих в недержавному секторі відповідно до цього можна розглядати як соціальну базу приватизації.

Хоча рангування найбільш важливих рис, які повинна мати, на думку опитаних, приваблива організація, свідчить про те, що переваги віддані тим економічним зв'язкам з трудовою організацією, які допомагають респондентам вижити в сучасних умовах, однозначно стверджувати виключну роль економічної мотивації не має підстав. Узагальнено схарактеризувати структуру зв'язів між найбільш важливими для респондентів ознаками трудової організації, з якою вони хотіли б пов'язати своє трудове життя, дозволяє факторний аналіз, здійснений методом головних компонент з наступним обертанням методом кватримакс. Одержано чотири фактора, які піддаються змістовній інтерпретації і враховують 68% сумарної дисперсії.

Перший фактор з вкладом 4,01 (36,5% пояснюваної дисперсії) свідчить про загальну орієнтацію респондентів на трудову організацію з такими характеристиками (у бік зменшення навантажень): стабільні показники роботи (факторне навантаження становить 0,760), високий престиж (0,738), довіра з боку населення (0,712), регулярність виплати заробітної плати (0,372), а також наявність умов для самореалізації персоналу (0,261), хороших умов праці і реальної користі для людей і суспільства від роботи організації (0,237). При цьому престиж організації високо корелює з її реальною суспільною значимістю (коефіцієнт кореляції порівнює 0,614) і довірою до неї з боку населення (0,805). Цей фактор завдяки його утворенню більшістю виділених ознак і тісним взаємозв'язком між останніми можна вважати генеральним і назвати "орієнтація на соціально надійну трудову організацію".

До другого фактора – вклад 1,4 (12,7%) – з досить високими навантаженнями увійшли ознаки, які характеризують вимоги до трудової винагороди – високий рівень трудової винагороди (0,796) і регулярність її виплати (0,740), а також умови праці (0,573) і надання соціальних гарантій та пільг персоналу (0,500). Цей фактор відображає переважно інструментальне відношення опитаних до трудової організації, бажання вирішити за допомогою роботи в ній свої матеріальні проблеми.

Третій фактор – вклад 1,0 (9,2%) – виявляє розбіжності в перевагах респондентів: одні орієнтуються на соціальну захищеність й право мати акції організації, а другі – на самозатвердження в ній. Позитивний полюс утворюють кар'єрні міркування (0,872), а негативний – бажання взяти участь у власності організації (0,796), орієнтація на соціальні гарантії, на одержання пільг від організації (0,333), прагнення працювати в престижній організації (0,314), самореалізуватися (0,276).

Четвертий фактор з вкладом 1,0 (8,6%) теж біполярний, полюси якого можна назвати як "своєчасна винагороди" (позитивний полюс: регулярність виплат заробітної плати – 0,210) і "самозатвердження в гідних умовах" (негативний полюс: соціальна користь від

роботи організації – 0,856; самореалізація – 0,708; хороші умови праці – 0,367; довіра до організації – 0,386, надання соціальних гарантій, пільг – 0,329).

Одержані дані дозволяють стверджувати, що економічне становище і соціальна значимість організації створюють загальний фон привабливості організації для своїх потенційних членів (наявність генерального фактора), але вимоги до трудової організації з боку людей цим не обмежуються. Зв'язки економічного характеру не відіграють самостійної ролі, навіть в кризових умовах люди мріють про трудові організації, де б враховувалися не лише їх економічні потреби, але й потреби соціальні, духовні, професійні. Створення в трудових організаціях зв'язків неекономічного характеру нового типу, позбавлених ідеологічного забарвлення й примусу стає важливим завданням менеджменту персоналу в сучасних умовах.

Зробимо висновки. Урізноманітнення організаційних форм і організаційні нововведення в нашій країні відбуваються в складних умовах і супроводжуються кризою трудових організацій. Фіксуються суперечності, по-перше, між реальним станом і функціонуванням трудових організацій та їх новою роллю в економіці й суспільстві; по-друге, між традиційними управлінськими стратегіями і новими принципами економічної діяльності; по-третє, між ринковою мотивацією людей і їх неадаптованістю до ринкових умов. Змінюється сприйняття працездатним населенням трудової організації, свого місця в ній. Новий погляд на трудову організацію трактує останню більш прагматично, але в громадській свідомості навіть при виникненні значних економічних проблем у більшості працездатного населення трудова організація залишається більше ніж економічною структурою. Знання законів організації і напрямків організаційної перебудови сьогодні недостатньо для побудови (перебудови) життєздатних трудових організацій. Напрямки організаційного розвитку, організаційна поведінка мають коректуватися у відповідності до нових реальностей – змінливого зовнішнього середовища, нового визначення місії трудових організацій, нового бачення людської складової організації.

Література:

1. Абрамов И.А. Наиболее привлекательные компании США // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 1. – С. 111-119.
2. Бычков В. М. Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М.: Рос. Академия социальных наук, 1996. – 976 с.
3. Управление персоналом в условиях социальной рыночной экономики / Под науч. ред. Р.Марра, Г.Шмидта. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 480 с.
4. Drucker P. The age of social transformation // Quality digest. – Seattle, 1995. – April. – P. 34-40.
5. Morton M.S. Emerging organizational forms: Work and organization in the 21st century // European managements. – Oxiod, 1995. – Vol. 13. – P. 339-345.

НАСИЛЬСТВО В СІМ'І

Світова спільнота все більш доходить висновку, що насильство в сім'ї є невідкладною проблемою, яка потребує концентрованої уваги та спільних дій. На думку фахівців різних країн, насильство в сім'ї є гострою проблемою, яка серйозно впливає на фізичний та психологічний стан кожного члена сім'ї та ставить під загрозу здоров'я і подальше існування сім'ї.

Насильство в сім'ї, особливо в дитинстві, може бути причиною довготривалих та важких наслідків для здоров'я жертви та викликати відповідну поведінку її в подальшому житті. При цьому слід мати на увазі, що насильство в сім'ї є явищем, яке повторюється, і ефективні та своєчасно вжиті попереджувальні заходи можуть запобігти виникненню інцидентів у майбутньому.

Проведене дослідження в Одеському інституті внутрішніх справ свідчить, що проблема насильства в сім'ї є поширеним явищем та стосується всіх верств суспільства незалежно від соціального становища, розміру прибутку, статі, віку і, навіть, рівня культури та релігії.

Приймаючи до уваги сказане, зацікавлення світової спільноти до подолання зазначених негативних тенденцій, недостатнє вивчення проблеми насильства в сім'ї в умовах нашої держави, постає за необхідне визначити понятійний апарат цієї проблеми, зокрема поняття "насильство в сім'ї" та "об'єкт насильства в сім'ї".

Насильство в сім'ї – це фізичний або психологічний вплив однієї людини на другу, який порушує право громадян на особисту недоторканність (у фізичному та духовному розумінні).

Об'єктом насильства в сім'ї може бути будь-який член сім'ї. При цьому можна виділити насильство з боку батьків до своїх дітей, з боку одного з подружжя до другого та з боку дітей або внуків до своїх літніх родичів.

Таке формулювання насильства в сім'ї, на наш погляд, у широкому значенні дає цьому поняттю достатню визначеність. У той же час досвід науковців різних країн, зокрема США [1], висновки досліджень, які проводилися в Одеському інституті внутрішніх справ, слідчому ізоляторі УМВС України в Одеській області, думки учасників I Міжнародного семінару за темою "Громадська програма співробітництва по запобіганню насильству в сім'ї", проведеного Одеським інститутом внутрішніх справ [2], дають підстави вважати, що наведене формулювання потребує деталізації, а значне поширення цього явища викликає потребу визначення типології та видів насильства в сім'ї. При цьому, як показують дослідження, прояви різних видів насильства мають не тільки різні бази та різні форми впливу на конкретну індивідуальність. На наш погляд, можна погодитися з фахівцями Сполучених Штатів Америки, які мають багаторічний досвід з профілактики і боротьби з насильством в сім'ї, в різних формах його прояви і які виділяють наступні види насильства в сім'ї: емоційні образи, психологічний та економічний тиск, фізичні образи, сексуальні образи [3, с.44-45; 4, с. 48; 5, с. 1].

Які ж відмінності вони вбачають в кожному з цих видів насильства? На їх думку, запропоновані види насильства в сім'ї можуть характеризуватися наступними показниками.

Емоційні образи. Ігнорує її (жертви) почуття; насміхається над її переконаннями; щоб її покарати, не звертає уваги на її лагідність; відмовляється працювати і робити свій внесок у сімейний бюджет, забороняє виходити на роботу; маніпулює нею, використовуючи при цьому брехню; ображає її родичів та друзів для того, щоб відлучити їх від неї; відмовляється виходити з нею на люди; забороняє підтримувати стосунки з родичами та друзями; забороняє користуватися телефоном; контролює сімейний бюджет і сам приймає фінансові

рішення; принижує на людях; переслідує на роботі; погрожує, що сам піде або її вижене з дому; погрожує викрасти дітей або вчинити шкоду її родичам чи друзям; карає дітей або її не допускає до них.

Психологічний і економічний тиск. Постійно критикує жертву, скривджує (наприклад, повторює, що вона надмірно товста, дурна, дуже погана мати або коханка), свариться, кричить, непристойно висловлюється, використовує лихослів'я; погрожує (словами, без слів); домагається (приходить у гості без попередження, переслідує, перевіряє, приводить жертву до ніяковості на людях, залишається, коли просять вийти); ізолює (забороняє спілкування з друзями, родичами або іншими людьми, критикує друзів, застосовує коментарі, які містять елементи ревності і відповідні звинувачення, не бажає доглядати дітей, коли вона іде на роботу чи кудись від'їжджає); користується тактикою тиску (підганяє при прийнятті рішення, звинувачує або тисне, щоб вона відчула свою вину, часто демонструє похмуре обличчя, погрожує покарати її, якщо вона його зрадить, залишає її без фінансової допомоги, маніпулює дітьми).

Економічно тисне (не дає грошей, машину, витрачає гроші тільки на себе).

Фізичні образи. Дає ляпасу; б'є кулаком або якимось предметом; хапає; штовхає; душить; тикає пальцем; тягне за волосся; щипає; кусає; крутить руки; валтує (з використанням сили або погрози); використовує зброю; кидає предмети; зберігає зброю коло себе, щоб мати змогу злякати жертву; залякує (блокує входи, загрожує або лякає жестами, використовує перевагу в габаритах, стоїть понад жертвою, стріляє, ударяє нею об стінку, перекидає меблі); псує або знищує речі жертви, а також речі, які придбані за часів спільного життя; знущається над тваринами; обмежує (псує автомашину жертви, блокує виходи, погрожує замкнути жертву в кімнаті, протидіє в користуванні телефоном, ховає ключі від машини жертви); відмовляє в наданні допомоги, коли жертва хвора, поранена, вагітна; перешкоджає жертві при її намаганні звернутися за медичною допомогою; не дає спати вночі; відмовляється купляти продукти харчування й інші необхідні для сім'ї товари.

Сексуальні образи. Поводиться з дружиною як із сексуальним об'єктом; відмовляється від сексу і проявів ніжності; примушує роздягатися без її на це згоди; здійснює статеві зносини з особливою жорстокістю; примушує до статевих зносин без її згоди, валтує, примушує до статевих зносин після побойв; проявляє виняткову ревність і звинувачує у любовних зв'язках з кимось; примушує дивитися або виконувати порнографічні дії; стримує емоції (не приділяє уваги, не говорить комплементів, або не проявляє уваги до її почуттів).

На наш погляд, зазначений вище опис досить повно включає різні моделі поведінки та дій, які слід вважати насильницькими і образливими. Слід зауважити, що, як правило, насильство в сім'ї проявляється у вигляді комбінацій різних видів насильства. Особливу увагу при дослідженні проблеми насильства в сім'ї необхідно приділяти дітям в тих сім'ях, у яких зафіксовані факти насильства. Тут є свої особливості, які необхідно враховувати при проведенні дослідження.

Існує низка загальних ознак, які властиві переживанням та поведінці можливо не всіх, але ймовірно більшості дітей із сімей, у яких існує насильство.

Страхи. Діти з сімей, де практикується насильство, переживають почуття страху. Цей страх може проявлятися різним чином: від замкнення в собі та пасивності до насильницької поведінки. Дуже часто безпечна атмосфера будь-яких притулків або інших засобів переховування дітей від насильства в сім'ї (тимчасове перебування у родичів або в сім'ях друзів) сприяє проявленню незабутих страхів з минулого.

Зовнішні прояви поведінки. Дім, у якому вдаються до насильства, зовсім непередбачуваний, це страхітливе місце для маленької дитини, яка не може знати, коли вчиниться наступний спалах насильства та наскільки сильним він буде. Як наслідок, особливої уразливості психіки дітей та відсутність контролю над ситуацією приводять до проявів впертості у їх поведінці або до агресивних вчинків.

Неможливість висловити почуття вербально. Спостерігаючи за насильством у сім'ї, діти доходять висновку, що насильство – це засіб, яким "дорослі" вирішують свої

конфлікти та наболілі проблеми. Оскільки ніхто не вчив цих дітей, як потрібно висловлювати свої почуття, вони дуже часто не знають, що вони відчувають або зазнають та як можливо проявити свої емоції та відчуття у вербальній формі.

Залучення до боротьби батьків. Багато дітей залучаються до боротьби батьків. Вони відчайдушно бажають зупинити насильство і конфлікти, які постійно спостерігають у своїй сім'ї. Вони можуть відчувати почуття відповідальності за проблеми своїх батьків, їм спадає на думку, що саме вони – діти – є причиною розладу у сім'ї. Унаслідок того, що діти дуже глибоко залучені до конфлікту в сім'ї, їм важко відділити свою індивідуальність від особистості своїх батьків.

Захисник матері. Багато дітей із сімей, де практикується насильство, залучаються до конфлікту, намагаючись захистити свою матір від побоїв. Дитина відчуває гнів по відношенню до свого батька за те, що той завдає біль матері. Деякі діти можуть обурюватися тим, що їх матері слабо протидіють насильству та миряться з ним. У подальшому в цих дітей можуть виникнути почуття провини за те, що вони гніваються та обурюються поведінкою своїх батьків.

Розчарування. Життя у сім'ї, де практикується насильство, дуже напружене. Постійний стрес, який відчувають діти, часто приводить до того, що вони збуджені, знервовані, розчаровані, часто роздратовуються навіть при незначних труднощах.

Відсутність інформації. Багато хто з матерів не хочуть завдавати шкоди своїм дітям, намагаючись приховати від них факти насильства. Діти відчувають занепокоєність і смуток, що переживають їх матері, але не розуміють, із чим це пов'язано. Багато дітей не розуміють, чому їх ізолюють у разі необхідності, відводячи до родичів або сусідів, де вони перебувають без будь-якої інформації, не розуміють повністю ситуацію, а тому не можуть адекватно реагувати на неї.

Почуття "заслуженості" жорстокого поводження. Багато матерів, які не хочуть настроювати дітей проти своїх батьків, намагаються знайти їм виправдання. Дитина, яка бачить матір у синцях, зі слідами побоїв, але при цьому їй говорять: "Усе в порядку, дитино, тато нас дійсно любить", доходить висновку, що бути любимим означає відчувати фізичну біль. Дитина, мати якої постійно захищає її батька за завдане їм насильство, часто починає відчувати, що теж "заслугує", щоб її били.

Почуття непотрібності. Оскільки батькам доводиться віддавати багато енергії сил на розв'язання конфлікту, то в них залишається мало сил та часу на виховання і прояви любові, для піклування про своїх дітей. Унаслідок у дітей може виникнути відчуття за недбаності, що примушує їх думати, що вони не потрібні нікому, не вважаються шанованими людьми, які заслуговують на увагу і піклування.

Ізоляція. У більшості сімей, у яких використовують насильство, факт його існування не обговорюється відкрито. Дітям батьки дають зрозуміти, що не бажано обговорювати сімейну ситуацію в школі чи з друзями, це примушує дітей відчувати себе якимись особливими. Деякі діти вважають, що з ними не все в порядку, оскільки їх життя в сім'ї відрізняється від життя їхніх однолітків.

Суперечливі почуття по відношенню до батька. Діти продовжують вважати батька своєю рідною людиною незалежно від того, поведився він жорстоко з матір'ю або ні. Тому дитина може відчувати різноманітні почуття по відношенню до батька, наприклад, сумувати за ним, відчувати бажання повернутися додому, щоб піклуватися про батька і т.ін.

Характеристики дітей, які були свідками насильства в сім'ї

Діти, які були свідками сімейного насильства, зазнають відповідних до ситуації змін характері: у почуттях, поведінці, навіть у фізичних показниках, а саме:

Почуття. Відчуття фізичного, сексуального чи іншого насильства викликає в них почуття нікчемності, безсилля, провини і відповідальності за насилля, страху за себе, братів сестер і матір, гніву, смутку, приниження, прийняття насильства за норму.

Поведінка. На поведінку цих дітей впливають картини сімейних драм, яких вони не в змозі позбутися, що викликає зрозумілий неспокій, нездатність сконцентруватися, прояви насильства до інших, погану успішність, пропуски занять у школі.

Фізичні показники. Насильство в сім'ї нерідко призводить до одержання фізичних ушкоджень під час конфліктів, проявів енурезу, порушення сну, головних болів, болів у животі, відставання в розвитку. (Вплив насильства в сім'ї на дітей згідно з результатами досліджень фахівців із США дивися в таблиці, яка тут наводиться) [3, с. 44].

Загальні фактори, які впливають на насильство в сім'ї:

Соціальні моделі чоловічої і жіночої поведінки.

А. Чоловіки: агресивні, конкурентоспроможні, неперевершені.

Б. Жінки: пасивні, покірні, дбайливі, поступливі (якісно) чоловікам.

Увібрана протягом віків агресивність.

А. Тривале спостереження будь-яким членом сім'ї існуючого насильства в сім'ї закріплює в ньому, навіть за умови, що він не усвідомлює цього, модель його агресивної поведінки в подальшому, а, відтак, продовження насильства від покоління до покоління.

Б. Насильство в сім'ї (давати ляпасу дітям, насильства дорослих по відношенню один до одного, чоловіків по відношенню до жінок) існувало протягом століть.

Наркоманія та алкоголізм і насильство в сім'ї

А. Наркоманія та алкоголізм не породжують насильства в сім'ї, але сприяють йому.

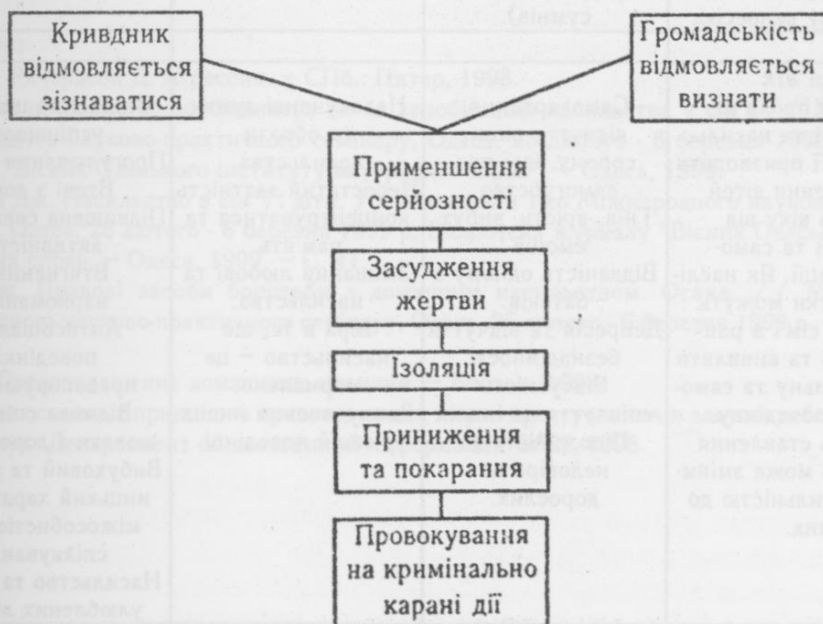
Б. У суспільстві існує тенденція виправдання поведінки людини, яка клянеться, що ніколи б не вдалася до насильства, якщо була б у тверезому стані.

В. Алкоголь знімає стримуючі механізми. Насильник може бути більш жорстоким чи більш різко висловлювати свій гнів, якщо перебуває в стані алкогольного сп'яніння.

Г. Підвищує небезпечність нанесення / отримання більш серйозних пошкоджень.

Г. Жінки-жертви можуть почати вживати наркотики чи випивати для того, щоб забути і не думати про емоційний і фізичний біль.

Зовнішні фактори, які сприяють насильству в сім'ї, та їх взаємозв'язок:

Діти жінок, що зазнають насильства: вплив насильства в сім'ї

	Емоції	Свідомість	Поведінка
Дошколята Діти в цьому віці найбільше безпорадні та вразливі і володіють в найменшому ступені когнітивними та поведінковими навиками для того, щоб впоратися із ситуацією.	Паніка, стурбованість. Стурбованість у відносинах з обома батьками. Тривога про розлучення. Емоційна подразливість.	Коротка пам'ять на події. Обмежене розуміння насильства. Тривога за порушення звичного перебігу подій. Хоче возз'єднання сім'ї.	Плаче, жаліється, спалахи подразнення, занурення в себе, пасивність. Втрата навиків розвитку (нестриманість, егоїзм). Мовчазність, безвідповідальність. Нічні жахи, порушення сну.
Школярі Діти даного віку володіють ширшим спектром когнітивних, емоційних та поведінкових навиків для того, щоб впоратися із ситуацією, що травмує їх. Вони роблять більш активні спроби протидії насильству, намагаються захистити жертву та визначити значення стресових ситуацій. Як результат, у порівнянні з дітьми молодшого віку, ці діти мають відчуття вини та сорому, двоїсте ставлення до батьків та постійну депресію.	Депресія, сумний настрій. Стурбованість, відчуття провини та сорому. Відчуває відповідальність та безпорадність. Стурбованість та підвищена чутливість до сигналів про небезпеку. Недовіра до дорослих. Амбівалентні почуття до батька, що чинить насильство (одночасна прив'язаність та сумнів).	Недостатня здатність сконцентруватися та пам'ять. Надокучливі думки та образи насильства. Фантазії з приводу звільнення жертви або сім'ї. Спроби зрозуміти насильство. Двоїсте ставлення до питання про розлучення.	Зниження шкільної успішності. Успадкована пасивна соціальна поведінка. Скарги психосоматичного характеру (болить голова, живіт, тощо). Агресивність та жорстокість до інших. Неслухняність та зухвала поведінка, нищення власності. Прокручування травматичної ситуації під час розмови та гри. Порушення стосунків з однолітками.
Юнацький вік Постійний прояв нетерпимості та насильства в сім'ї призводить до відчуження дітей юнацького віку від їхніх сімей та самоідентифікації. Як наслідок, підлітки можуть залишати сім'ю в ранньому віці та виявляти антисоціальну та саморуйнівну поведінку. Двоїстість ставлення до батьків може змінитися прихильністю до одного з них.	Самокартання, відчуття вини, сорому, ідеї про самогубство. Гнів, ярість, вибух емоцій. Відданість одному з батьків. Депресія та відчуття безнадійності Відсутність співчуття до інших Підозрілість та недовіра до дорослих.	Надокучливі думки та образи насильства. Недостатня здатність концентруватися та пам'ять. Змішання любові та насильства. Віра в те, що насильство – це нормально. Звинувачення інших у своїй поведінці.	Зниження шкільної успішності. Проголування занять. Втечі з дому. Підвищена сексуальна активність. Втягнення в наркоманію. Антисоціальна поведінка, правопорушення. Відмова співпрацювати з дорослими. Вибуховий та насильницький характер в міжособистісному спілкуванні. Насильство та образа улюблених людей.

Межі статті не дозволяють дати більш широкий аналіз проблеми насильства в сім'ї. Але безсумнівно одне – існує серйозний нестаток інформації і наукових досліджень з питань насильства в сім'ї на глобальному рівні та гостра потреба у зв'язку з цим обміну інформацією з метою визначення шляхів подолання цієї проблеми.

Слід зазначити, що серйозна увага проблемі насильства в сім'ї приділяється в матеріалах 8-го Конгресу ООН по попередженню злочинності та поведженню з правопорушниками, причому, саме у сфері міжнародного співробітництва. У своїй резолюції 8-й Конгрес ООН [6]:

1. Наполегливо закликає держав-членів розпочати або продовжити вивчення, розробку і здійснення багатодисциплінарної політики, заходів та стратегій, у рамках системи кримінального правосуддя та поза ним, стосовно насильства в сім'ї у всіх його аспектах: юридичних, правоохоронних, судових, соціальних, освітніх, психологічних, економічних, пов'язаних з охороною здоров'я та прийняття у зв'язку з цим, усіх можливих заходів, зокрема:

1.1. для попередження насильства в сім'ї;

1.2. забезпечення справедливого ставлення до жертв насильства в сім'ї та надання їм ефективної допомоги;

1.3. підвищення рівня інформованості і розуміння в тому, що стосується насильства в сім'ї, зокрема, шляхом активізації підготовки співробітників кримінальної юстиції та інших відповідних установ з цих питань;

1.4. забезпечення належного ставлення до правопорушників.

2. Рекомендує державам-членам забезпечити у рамках своїх систем кримінального правосуддя, компетентних органів по справах неповнолітніх та їх сімей вжиття ефективних та справедливих заходів для боротьби з насильством у сім'ї та належних заходів для досягнення цієї мети.

3. Наполегливо закликає держав-членів наладити обмін інформацією, досвідом і результатами досліджень між урядовими та неурядовими організаціями з питань насильства в сім'ї і рекомендує їм при цьому використовувати інформаційну систему Організації Об'єднаних Націй у галузі кримінального правосуддя та інші засоби для сприяння обміну інформацією про насильство в сім'ї та про засоби боротьби з ним.

При цьому слід мати на увазі, що проблема насильства в сім'ї в культурі кожної країни вирішується по-своєму, а це значить, що на міжнародному рівні її треба вирішувати з урахуванням національних, культурних, релігійних та інших особливостей, притаманних кожній з цих країн.

Література:

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 1998.
2. Громадська програма співробітництва по за запобігання насильства у сім'ї // Матеріали 1-го Міжнародного науково-практичного семінару, Одеса, 25 лютого - 6 березня 1999 р. Бібліотека журналу "Вісник Одеського інституту внутрішніх справ". – Одеса, 1999.
3. Робертсон Дж. Насильство в сім'ї і діти. // Матеріали 1-го Міжнародного науково-практичного семінару, Одеса, 25 лютого - 6 березня 1999 р. Бібліотека журналу "Вісник Одеського інституту внутрішніх справ". – Одеса, 1999. – С. 41.
4. Волен Дж. Правові засоби боротьби з домашнім насильством. Огляд. // Матеріали 1-го Міжнародного науково-практичного семінару, Одеса, 25 лютого - 6 березня 1999 р. – Одеса, 1999. – С. 48.
5. Скотт Х. Предотвращение домашнего насилия. – Бостон, 1998.
6. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. – Нью-Йорк: Департамент общественной информации ООН, 1998.

ЗЛОЧИН І ЗЛОЧИННІСТЬ (методологічні зауваження)

Соціологія і кримінологія в СРСР мали спільну долю: у двадцяті роки вони були заборонені на підставі їх "буржуазності" і разом почали відроджуватися за часів хрущовської відлиги. Але з теоретичної соціології, як відомо, табу тоді ще знято не було; отже, вона не могла стати методологічним фундаментом радянської кримінології. Кримінологія була зарахована до юридичних дисциплін, що, на наш погляд, є хибним рішенням: а ні предмет, а ні методи кримінології не виходять за межі соціології. До речі, в американських університетах кримінологія трактується і викладається як соціологія злочинності... В сучасній Україні кримінологічні дослідження перебувають в критичному стані. По-перше, провідні у колишньому Радянському Союзі кримінологічні установи залишилися за межами України – Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, Институт государства и права Российской Федерации, ВНИИ МВД Российской Федерации; відповідно у Росії залишилися й провідні спеціалісти. По-друге, не здійснюється фахова підготовка спеціалістів, що не випадково, бо в системі юридичної освіти кримінологія по суті є маргінальною дисципліною. По-третє, методологічна основа кримінологічних досліджень досить туманна і не визначена. На протязі трьох останніх десятиріч вона зводилася до марксистсько-доктринальних і політично-кон'юнктурних тез стосовно суті, генезису і майбутнього злочинності. Фактично соціологічна теорія у нас ще не застосовувалася для систематичного вивчення сфери злочинності. Ідеї класиків соціології або доходили до нас у спотвореному вигляді з "третіх рук", або відкидалися "з порогу" як щось класово-вороже. Навіть такий відомий дослідник з проблем соціальних відхилень як В.Н.Кудрявцев не цурався з легкістю і впевненістю "покласти на обидві лопатки" буржуазного соціолога Дюркгейма, маючи перед собою лише випадково перекладену на російську мову збірку з проблем соціології злочинності, до якої були включені фрагменти дюркгеймівської спадщини [1, с. 198-199]. Дійсно, трактування злочинності як "нормального соціального факту" є досить сміливим науковим висновком, але йому передувала ретельно розроблена соціологічна теорія, яку важко було збагнути без опанування першоджерела і детального знайомства з дюркгеймівським методом. Отже, тепер, коли відпали ідеологічні шори і є певний мінімум соціологічної літератури, можна зробити те, з чого і повинна починатися наука або ґрунтовне соціологічне дослідження – визначити методологічну базу, загальні підходи до вивчення проблеми злочинності.

Першорядним методологічним питанням, на наш погляд, є розуміння природи злочину і злочинності: визначення онтології чільних об'єктів, в свою чергу, зумовить адекватні методологічні й методичні засоби їх дослідження. Є вагомими підстави вважати, що злочин і злочинність – онтологічно різні об'єкти, вони мають відношення до різних рівнів соціальної дійсності. Якщо це дійсно так, в кримінологічній практиці варто застосовувати різноманітні соціологічні теорії і підходи, навіть, діаметрально протилежні. Наприклад, злочинність можна розглядати в руслі дюркгеймівського реалізму, а злочин – із застосуванням ідей веберівського номіналізму (і споріднених течій та напрямків теоретичної соціології).

Сучасна кримінологічна література, наукові праці, підручники обо-в'язково включають окремі розділи, присвячені визначенню понять "злочин", "злочинність" та співставленню сутності відповідних явищ. Автори намагаються використати різноманітні методологічні засоби для їх пояснення та поєднання. Наприклад, вони трактуються на базі діалектичної термінології. Типовою є така думка: "для кримінології злочин – індивідуалізований (конкрети-

зований) прояв злочинності, що підкоряється діалектиці одиничного – особового – загального. Злочин можна вважати формою виявлення злочинності...” [2, с. 25]. Це приклад радикального марксистського філософського реалізму – злочинність онтологізується, а конкретний злочин розглядається лише як вияв загального. З точки зору методології Вебера така думка є абсурдною, бо емпіричні факти – первинні, а загальне – лише наші поняття, в яких ми відображаємо дійсність. До речі, німецький соціолог відносив злочинність до різновиду соціологічної статистики. Він відокремлював статистику осмислених процесів (можна встановлювати суб'єктивний сенс дій, наприклад, статистика кримінальних злочинів, професій, цін, посівної площі), яку він і вважав статистикою соціологічного типу. Поряд з нею, на думку Вебера, існує й інша, де годі шукати суб'єктивні сенси – статистика смертності, опадів, машинної продуктивності тощо [3, с. 613]. Номіналістична традиція досить широко використовується в практиці європейської соціології. Наприклад, Г.Й.Шнайдер користується поняттям “індивідуального факту кримінальної поведінки” – сукупність цих фактів у певному географічному просторі та в певний час, – на думку німецького криминолога, – становить офіційну кримінальну статистику, тобто відповідає категорії “злочинність” [4, с. 102].

Є автори, які намагаються ґрунтувати свої погляди на поняттях реального й номінального, але не розрізняють філософське і соціологічне розуміння цих термінів. О.Г.Фролова у навчальному посібнику “Злочинність і система кримінальних покарань” (1997) висловлюється наступним чином: “У науці існує давня суперечка з приводу того, чи є термін “злочинність” абстракцією, чи відбиває певне явище у суспільному житті. У підвалинах цієї суперечки лежать філософські концепції номіналізму та реалізму... Автор цього посібника, як і всі реалісти, вважає, що за своєю природою, генезисом та суттю злочинність – це реальне явище, що існує на вісі історії і часу досить довго” [5, с. 15]. На наш погляд, криминологи-юристи не досить чітко уявляють сутність різних значень терміну “реалізм”: повсякденного (як ознаки здорового глузду) та значень суто специфічних (але зовсім не однакових) – “філософський” та “соціологічний” реалізм. Принагідно зазначимо, соціологи-номіналісти суто практичні люди, що тверезо сприймають дійсність і не піддають сумніву те, що реально існує злочинність. До речі, Вебер на відмінну від реаліста-соціолога Дюркгейма не страждав ніяким романтизмом, не захоплювався соціалістичними ідеями хоча б і у формі “органічної солідарності”. Вебер сприймав злочинність як емпіричну реальність, яка визначається соціологічною статистикою та узагальнюється дослідником в процесі конструювання спеціальних категорій. Різниця між номіналізмом і реалізмом – у науковому світогляді (визнання чи не визнання за певними об'єктами онтологічних властивостей), в неоднаковому сприйнятті предметної області соціології, і головне – в методології, різних принципах пізнання. Але ці розбіжності не треба драматизувати й абсолютизувати. Соціологи-практики часто-густо підходять до вибору методики дослідження з мультипарадигмальних позицій: специфіка об'єкта, а не ортодоксальні мотиви визначають стратегію наукового пошуку. Варто розглядати теоретичні арсенали не як святі писання ворогуючих релігійних конфесій, а як джерело нових ідей, засобів, підходів для практичної роботи.

У нас є певні сумніви щодо надання злочинності онтологічного статусу. Але кілька її рис дають підстави для такого припущення в суто практичних цілях. Це відчиння двері для застосування різноманітних методологічних засобів і методичних правил, розроблених в душі соціологічного реалізму, наприклад, в межах системного підходу, структурного функціоналізму, навіть, із застосуванням конфліктологічних доктрин. Такими рисами, на наш погляд, є, поперше, стабільність та прогнозованість соціологічної статистики, або так званий “рівень злочинності”. Загальний обсяг деліктів з року в рік повторюється, або коливається в обмеженому інтервалі, або послідовно змінюється. Вельми стабільними є показники статистики за кварталами або за місяцями одного року, якщо розглядати дані по великих містах, регіонах чи країнах в цілому. По-друге, стабільна структура злочинності. Поділ на види злочинних посягань з огляду на статистичні дані також має усталений характер. По-третє, закономірності динаміки і кореляція її напрямків та темпів з макросоціальними факторами, станом економіки і т.і. Каузальність злочинності не відповідає мотивації окремого

злочину. На макрорівні діють функціональні зв'язки, соціальна детермінація, емпірично простежується дія окремих факторів, що посилюють чи послаблюють рівні злочинності, змінюють її структуру. Наприклад, статистика певних видів злочину має чітко визначені сезонні коливання, а мотиви окремого злочину до таких факторів не зводяться.

В таблицях 1-3 наведені певні статистичні дані, що ілюструють згадані вище риси злочинності. Відрізок у п'ять років (з 91 по 96 рр.) вибраний не випадково: він позначений стрімким злетом рівня злочинності, що пов'язаний із економічною кризою та низкою макросоціальних чинників. Такі періоди не є чимось винятковим. Так, світова економічна криза наприкінці 20-х років, як ми це бачимо на прикладі Канади (див. Таблицю 3), спровокувала аналогічну динаміку злочинності. Порівнюючи ці дані з нашою статистикою цікаво відмітити, що кількість засуджених на 100 тисяч населення (в Канаді в ті часи мешкало трохи більше 10 мільйонів осіб) становила числа того ж порядку, як і в сучасній Україні. Співпадає і те, що стабілізація рівнів злочинності настає ще до завершення кризових явищ (в Україні вже в 1996 році було зафіксовано вперше за сім літ певне зниження показників злочинності порівняно з попереднім роком, а у Канаді аналогічними мабуть були 1931-1932 роки). Це можна пояснити хіба що з позицій теорії Парето: система вийшла з точки рівноваги, відбувся певний цикл, внутрішня переструктурація і суспільство досягло чергового рівня стабільності, хоча й на більш низькому соціально-економічному рівні.

Структура злочинності (див. Таблицю 2) є більш консервативним показником. Але і тут відбулися певні негативні зрушення, якщо розглядати не об'єкти злочинних посягань, а засоби їх здійснення. За останні роки випереджаючими темпами збільшувалася кількість тяжких злочинів (розбій, напади зі зброєю, навмисні вбивства), значно збільшилася питома вага окремих видів злочинів у сфері економіки, наприклад, розкрадань і незаконних валютних операцій. Структурні елементи злочинності можна вивчати як на базі поточної статистики (до речі, вона далеко не повна, залежить від суб'єктивних факторів, не фіксує латентну злочинність і суто психологічні моменти сприйняття населенням окремих видів злочинних посягань), так і за допомогою методу соціологічного опитування. Останній є вельми ефективним засобом саме в межах соціологічного реалізму, бо розкриває масовидні аспекти криміногенної ситуації. Наведемо приклад подібного дослідження з досвіду власної наукової роботи. В 1997 році кафедрою соціології УнВС здійснене загальноміське опитування харків'ян у віці понад чотирнадцять років, респонденти відбиралися за квотною вибіркою, що репрезентувала структуру населення міста за ознаками статі, віку та освіти; всього опитано 778 осіб. На початку була проведена структурна операціоналізація поняття "злочинність" і визначено 15 видів злочинних посягань, жертвами яких може стати пересічний громадянин (наша типізація дещо розходиться із юридичним тлумаченням видів злочинності). Ці позиції були об'єктами, по відношенню до яких формулювалися питання, а респонденти відносно них мали нагоду давати оцінки або інформувати про події і факти свого особистого життя. Поряд з іншим, респондентам було запропоновано висловити свою думку стосовно власної занепокоєності кожним видом злочинних посягань і дати оцінку їх поширення у місті. Перше і друге фіксувалося за однотипними симетричними семибальними порядковими шкалами, які мали числові доповнення +3, +2, +1, 0, -1, -2, -3 відповідно до зниження інтенсивності занепокоєності та поширеності тих чи інших видів злочинності. На основі шкал розраховувалися числові індекси занепокоєння (Із) та поширення (Іп). Їх числова сума нами була визначена як індекс загрози. Двомірний вимір дає більш точну інформацію про криміногенну ситуацію: наприклад, дрібне хуліганство харків'яни вважають досить поширеним явищем (3-є рангове місце), але за критерієм занепокоєння цей вид злочинних посягань посідає лише десяту позицію. Підсумкові дані наведені в Таблиці 4, види злочинних посягань в таблиці проранжовані на основі підсумкового індексу загрози (за цим індексом дрібне хуліганство зайняло сьоме місце, що є більш адекватною характеристикою цього виду).

З точки зору вказаних рис і у світлі наведених емпіричних і статистичних даних злочинність дійсно нагадує самостійний об'єкт, певну органічну цілісність, річ або соціальний факт у дюркгеймівському розумінні цих слів. Ми маємо підстави розглядати злочинність

в руслі реалістичної гіпотези і відповідно користатися усіма набутками макросоціології, тобто, така постановка питання є прийнятною.

Таблиця 1

**Основні показники злочинності в Україні
за 1991 – 1996 рр. (тис. одиниць)**

	1991 р.	1992 р.	1993 р.	1994 р.	1995 р.	1996 р.
Розглянуто заяв про злочини	552,3	943,5	1045,5	1144,4	1256,2	1251,1
Зареєстровано злочинів	405,5	480,5	539,3	571,9	641,9	617,2
Виявлено осіб, що вчинили злочини	187,5	207,3	242,4	269,1	340,4	339,5
Засуджено осіб	108,5	115,1	152,9	175,0	212,9	242,1
Загинуло людей в результаті злочинів	12,2	11,8	12,2	15,1	14,9	13,5

[Див.: 6, с. 10; 7, с. 17]

Таблиця 2

Структура злочинності

Види злочинів	1991 р.		1996 р.	
	кількість	%	кількість	%
Злочини проти приватної власності	188275	46,4	253518	41,1
Злочини проти державної власності	85517	21,1	137819	22,3
Злочини проти громадської безпеки	71489	17,6	113240	18,4
Злочини проти особи	29250	7,2	46708	7,6
Господарські злочини	17606	4,3	30968	5,0
Службові злочини	3259	0,8	8567	1,4
Інші злочини	10123	2,5	26442	4,3

[Див.: 6, с. 11; 7, с. 17]

Таблиця 3

**Динаміка злочинності в Канаді у роки економічної кризи
(за кількістю засуджених по роках)**

1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934
17219	17448	18836	21720	24097	28457	31542	31383	32942	31684

[Див.: 8, с. 132]

Методологія соціологічного реалізму має суттєву ваду: за Дюркгеймом індивідуальний факт не є об'єктом соціології, він розглядається як емпіричний матеріал для визначення *sui generis*, тобто надіндивідуальної реальності. Це простежується в полеміці французького соціолога з одним із засновників кримінології – італійським вченим, бароном Рафаелем Гарофало, який на думку Дюркгейма звужив поняття злочинності, бо не вивчив ретельно увесь спектр індивідуальних фактів злочину в різні історичні епохи і в різних культурних середовищах. Гарофало визначає злочинність за ознакою санкції, загрози покарання, що є суспільною відповіддю на зневажання пересічних та незмінних моральних почуттів. Дюркгейма не влаштовує, що італійський кримінолог не розглядає моральні почуття, які зникли

в процесі еволюції. На його думку, Гарофало приймає за родові поняття те, що насправді є видом, або простим різновидом [10, с. 62-64]. Ця заочна полеміка пояснює ставлення Дюркгейма до індивідуальних фактів. Останні його цікавлять як емпіричний матеріал, що треба спостерігати, узагальнювати для усвідомлення соціальних фактів, і не більше того.

Таблиця 4

Оцінки населенням різних видів злочинних посягань

R	Види злочинних посягань	Індекс	Індекс	Індекс
		загрози (Iз + Іп)	занепо- коєння (Iз)	поширення (Іп)
1	Обважування, обрахування у торгівлі	4,65	2,1	2,55
2	Хатня крадіжка	3,85	1,93	1,92
3	Продаж фальсифікованого товару	3,32	1,7	1,62
4	Розбійний напад	3,22	1,7	1,52
5	Побиття, тілесні ушкодження	3,12	1,57	1,55
6	Фінансові афери банків, трастів	3,06	1,17	1,89
7	Дрібне хуліганство	3,01	0,9	2,11
8	Кишенькова крадіжка	2,95	1,11	1,84
9	Крадіжка вирощеного врожаю	2,82	1,93	1,77
10	Вандалізм	2,66	1,28	1,38
11	Примус давати хабара чиновникам	2,64	0,83	1,81
12	Шахрайство	2,4	0,75	1,65
13	Крадіжка із дачного будинку	2,12	0,63	1,49
14	Рекет	2,02	0,67	1,35
15	Сексуальне насилля	1,72	0,75	0,97

[Див.: 9, с. 18-20]

Якщо сучасні соціологи будуть буквально керуватися "Правилами соціологічного методу" вони самі себе ошукають, бо з їх поля зору зникне цілий пласт проблем, що можна інтерпретувати як соціологічні. І тим більше, що юристи-практики в той чи інший спосіб розв'язують ці проблеми і часто-густо стикаються з соціологічними питаннями. Слідчі, судді, прокурори завжди емпірично слугувалися деякими принципами соціологічного номіналізму веберівського типу, бо предметом кримінального права був і залишиться одиничний злочин. Невід'ємним елементом складу злочину, за яким здійснюється процедура кваліфікації, є суб'єкт злочину й так звана суб'єктивна сторона, і той, хто розслідує злочин, обов'язково мусить зважити на мотиви, цілі обвинуваченого, тобто мовою Вебера – "розуміти" дії людини. При цьому враховуються зовнішні обставини, культурне середовище, традиції тощо, але звинувачується й засуджується не абстрактна злочинність, негативні тенденції, фактори, а конкретна людина, якщо доведена її правосуб'єктність.

Чи здатна соціологія взяти на себе методологічну функцію і по відношенню до суто прикладних аспектів кримінальної юстиції? Зважимо на те, що кожен делікт є по суті соціальною дією. По-перше, злочин – це певна фізична дія, вчинок, або їх відсутність (аналог веберівського "перетерплювання"), що суперечить нормі карного законодавства і робить суб'єкта винним. По-друге, злочин у переважній більшості випадків – свідомо дія, а суб'єкт – декларується як осудна особа, тобто людина, яка здатна усвідомлювати сенс своїх дій та їх наслідки. Злочин може бути оцінений по шкалі раціональності дій суб'єкта, хоча межі цієї шкали занадто широкі, наприклад, від ірраціонального за своєю суттю вбивстві на по-

бутовому ґрунті (та ще і у стані афекту) до ретельно підготовленого та обміркованого вбивства, що здійснює професійний кілер. По-третє, кримінальна дія завжди орієнтована (прямо чи опосередковано) на інших людей, дарма що об'єктом можуть бути речі, майно, гроші, або державні таємниці, але за ними завжди стоять певні особи, групи, соціальні інститути й інтереси громадян. Отже злочин – це типова соціальна дія (або сукупність таких дій), за Вебером він цілковито потрапляє до предметної області соціології, і ніщо не може завадити використовувати, наприклад, теорію соціальної дії як теоретичну базу відповідних досліджень і кримінальної юстиції в цілому.

Кожна злочинна дія з огляду на суб'єктність, простір і час та інші конкретні обставини є унікальним соціальним феноменом. Це одразу наштовхує на думку, що для узагальнення та визначення закономірностей є сенс використовувати монографічний, біографічний метод збирання емпіричних даних. Але унікальність не заперечує можливість класифікації, типізації структурних елементів за методологією конструювання "ідеальних типів". Перспективним, на наш погляд, є соціологічна інтерпретація синхронних та діахронних аспектів структури злочину. В кримінологічній літературі вже окреслені контури цього напрямку, наприклад, виділені наступні фази злочину: 1) формування мотивації, 2) прийняття рішення та планування, 3) виконання рішення, 4) посткримінальна поведінка [11, с. 60-68]. Вельми перспективним напрямком є дослідження механізму прийняття рішення стосовно делікту. Відомо, що теорія "свободної волі" в історії кримінології зазнавала рішучої критики саме з боку тих, хто свято вірував у соціальну детермінацію і мислив дюркгеймівськими категоріями. Але жоден зовнішній фактор не перетворюється автоматично на мотив прийняття рішення. Це завжди є індивідуальним психічним, інтелектуальним актом. Поділ на причини і умови злочину – умовний і відносний. Краще розглядати це як унікальний збіг або констеляцію (улюблений термін Вебера) низки "зовнішніх" і "внутрішніх" факторів, які статистично корегуються із фактами делікту. Але остаточно рішення завжди залишається за суб'єктом, він має певну життєву стратегію, реалізує життєвий шанс, дотримується власної філософії життя. На наш погляд, тут є поле для феноменологічної соціології, оскільки на перше місце висувається не об'єктивна причина, а суб'єктивна реальність, життєвий світ, яким його сприймає і вільно конструює людина. Ось лише один, але важливий "внутрішній" фактор прийняття рішення – ставлення суб'єкта до різних видів протиправної поведінки і взагалі рівень аномічності свідомості населення. В дослідженні, яке вже згадувалося, респонденти мусили відповісти на запитання: "В яких випадках людина має право порушувати закон?" Заперечили подібне "право" лише 25,7% опитаних, інші – зумовлюють принципову можливість протиправної поведінки різними обставинами і причинами. Таким чином, "зовнішня" причина (наприклад, відсутність роботи) стає вирішальним фактором на тлі певної аномії індивідуальної свідомості. Вона посилюється або гальмується з огляду на конкретний зміст кримінальної дії. Про це свідчать дані, що наведені в Таблиці 5. Індекс засудження розраховувався на базі стандартної п'ятибальної симетричної шкали з числовими доповненнями +1, +0,5; 0, -0,5; -1. Індекс може теоретично змінюватися від +1 до -1, де (+1) – повне засудження, а (-1) – відсутність будь-якого засудження. Види протиправної діяльності в таблиці наведені в порядку зростання інтенсивності їх засудження з боку респондентів. Ми бачимо досить широкий діапазон оцінок, навіть одна й та сама фізична дія – крадіжка вирощеного врожаю сприймається досить по-різному в залежності від того, хто потерпає від злочину. Крадіжка з приватних городів досить щиро засуджується, а теж саме, але скоєне на колгоспному полі, засуджується далеко не всіма і не з такою силою.

Злочин – це на загал утаємничене дійство. Те, що злодій не афішує свої дії є природним і зрозумілим, але цікавим феноменом залишаються факти, коли жертви злочинних посягань не розголошують факт делікту або не вимагають справедливості та розслідування того, що відбулося. Проблема латентності не є новою, новим є те, що вітчизняні соціологи можуть вільно займатися цією проблемою. Принагідно зазначимо, що у недалекому минулому не тільки конкретно-соціологічні дослідження у цій сфері були неможливі, але й щорічна кримінальна статистика не розголошувалася. Фактично в 1997 році Університетом внутрішніх

справ була здійснена перша в Україні спроба отримати інформацію на цю "делікатну" тему. Коефіцієнт латентності вираховувався як співвідношення частоти злочинних посягань, жертвами яких були респонденти, і частоти звернень до правоохоронних органів з цього приводу за рік (до уваги брався календарний 1996-й рік, а опитування здійснювалося у січні – лютому 1997 року). Дані, що ми отримали, кладуть край спекуляціям і гаданням з цього приводу такого змісту (мовою оригінала): "Осторожные эксперты полагают, что соотношение зарегистрированных и латентных преступлений составляет примерно 1:3 либо 1:5. Менее осторожные говорят о соотношении 1:10, а то и больше" [12, с. 58]. Тепер варто сперечатися про точність та техніку соціологічного виміру, тобто розв'язувати суто наукові проблеми, а не робити сумнівні припущення.

Таблиця 5

Ступень засудження різних видів протиправної поведінки

Р	Види протиправної поведінки	Із
1	Заняття комерцією без дозволу, патенту	-0,11
2	Несплата податків з комерційних прибутків	+0,02
3	Участь у несанкціонованих пікетах	+0,04
4	Самовільна забудова у місті	+0,10
5	Крадіжка овочів з колгоспного поля	+0,17
6	Крадіжки на підприємствах	+0,27
7	Бродяжництво, жебрування	+0,29
8	Проституція	+0,33
9	Контрабанда	+0,34
10	Корупція	+0,49
11	Рекет	+0,64
12	Крадіжки овочів з городів громадян	+0,82
13	Торгівля наркотиками	+0,83

Таблиця 6

Рівень латентності

Р	Види злочинних посягань	Кл
1	Обважування, обраховування у торгівлі	36,0
2	Продаж фальсифікованого товару	12,7
3	Крадіжка вирощеного врожаю	7,4
4	Дрібне хуліганство	6,3
5	Примус давання хабара посадовій особі	5,6
6	Крадіжка із дачного будинку	3,9
7	Кишенькова крадіжка	3,7
8,5	Вандалізм	3,0
8,5	Фінансові афери банків, трастів	3,0
10	Рекет	2,2
11,5	Шахрайство	1,6
11,5	Розбійний напад	1,6
13,5	Сексуальне насильство	1,5
13,5	Хатня крадіжка	1,5
15	Нанесення побойв, спричинення тілесних ушкоджень	1,4

Підсумуємо викладене. Соціологічна теорія і методи прикладної соціології повинні розглядатися як методологічна і методична база кримінологічних досліджень. Навіть побіжний огляд чільних соціологічних напрямків вказує на їх потужні евристичні можливості.

Соціолог може добирати методологічні принципи і методичні засоби відповідно до онтології об'єктів, гнучко використовуючи весь арсенал соціологічної теорії. Мультипарадигмальність є найбільш прийнятною філософією наукового пошуку, бо максимально наближує дослідника до практичних питань.

Література:

1. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – М., 1976.
2. Долгова А.И. и др. Понятия советской криминологии. – М., 1985.
3. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
4. Шнайдер Г.Й. Криминология. Пер. с нем. – М., 1994.
5. Фролова О.Г. Злочинність і система кримінальних покарань. – К., 1997.
6. Криминогенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. – К., МВС, 1996.
7. Криминогенна ситуація в Україні: оцінка, тенденції, проблеми. – К., МВС, 1997.
8. Ли Д.А. Преступность как социальное явление. – М., 1997.
9. Криминогенная ситуация и взаимосвязь милиции и населения в городе Харькове / Научный отчет. – Харьков: Архив кафедры социологии УнВС, 1997.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр. – М., 1995.
11. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общ. Ред. А.И.Долговой. – М., 1997.
12. Криминология: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева, проф. В.Е.Эминова. – М., 1995.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Прошедшие (1998 г.) выборы в Верховную Раду и предстоящие (1999 г.) выборы Президента Украины обусловили непосредственное внимание к общественному мнению (ОМ) не только ученых, но и всего общества. Политики же, как всегда, больше внимания обращают не на общественное мнение, а на поведение электората.

Много пишут об ошибках в прогнозах социологов и пишут в основном публицисты, вместе с тем, как показали последние выборы в России и Украине, если опрос населения проводится профессионалами и достаточно финансируется, ошибка в прогнозе редко бывает больше 3-4%.

Запорожский центр социологических исследований социологической ассоциации в исследовании 1998 года, февраль-март (по выборке, репрезентативной для округа по полу, возрасту, образованию; опрошен 861 респондент); с ошибкой в 1,5% набранных голосов, спрогнозировал победу в избирательной гонке по 75-му избирательному округу г.Запорожья А.В.Бабурина.

Не более 3% была ошибка и по партийным спискам. На 4,5% ошиблись в количестве лиц, которые примут участие в голосовании. Правильно предсказали победу А.С.Головка в выборах городского головы и В.Ф.Расторгуева в выборах в Запорожский городской совет.

Общественное мнение детерминирует и обуславливает социальную деятельность. Поэтому его оценки все в большей степени будут интересовать политиков, ученых и простых граждан. "Познание, – писал Гегель, – катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинается с простых определенностей и что последующие определенности становятся все богаче и конкретнее" [1, с. 315].

Данное высказывание классика можно соотнести с определением понятия общественное мнение, о категории которого не прекращаются дискуссии среди ученых и в настоящее время.

Так, например, в последнем издании социологического энциклопедического словаря под редакцией Г.В.Осипова, "мнение общественное" определяется как [3, с.185]:

Скрытое или явное, вербальное или не вербальное отношение населения, различных социальных групп, общностей и индивидов к событиям и фактам действительности в конкретной социальной или социально-психологической ситуации. Мнение значительной части населения о какой-либо общественной проблеме.

Более приемлемым в социологическом смысле является определение общественного мнения харьковского социолога Е.А.Якубы. По ее мнению, общественное мнение это: "особое состояние реального сознания масс, выражающее доминирующее отношение, позицию по актуально значительным социальным вопросам" [5, с.178].

Далее профессор Е.А.Якуба пишет о возникающем общественном мнении как оценочном суждении, функционирующем общественном мнении как регуляторе поведения и практическом отношении.

По нашему мнению, уровни общественного мнения выражаются в более разнообразных формах:

Возникающее общественное мнение может выражаться в оценочном суждении, настроении.

Формирующееся общественное мнение – в позиции, отношении.

Функционирующее общественное мнение – в практическом отношении, социальный аттитюд, установке на социальное действие.

Регулирующее общественное мнение – в целееосознанной социальной деятельности, или целерациональной деятельности.

Таким образом, можно соотнести понятия социального действия, разработанные Т. Парсоном и М. Вебером, с социальной деятельностью, обусловленной ОМ.

Общественное мнение детерминировано потребностями, интересами и ценностями как личности, так и общества, социума.

Связь между общественным мнением и потребностями, интересами, ценностями личности, общества и социума сложна и многократно опосредована. Одна из причин такого положения заключается в том, что всякий результат социальной деятельности и работы человеческого духа многослоен, многогранен, способен содержать в себе не одно, а несколько значений, раскрывающихся по-разному в ходе истории духовной и социальной жизни общества и личности, в зависимости от конкретной ситуации.

Заметим, что социологические категории – социум, общество, страты (классы, группы) и личность – мы понимаем, соответственно, как философские определения всеобщего (социум), общего (общество), особенного (страты, классы, группы) и частного (личности).

Поэтому для достоверной оценки общественного мнения важно соотнести его уровни функционирования с уровнем развития социальной деятельности.

Современные наиболее распространенные теории личности Э. Фрейда с концепциями: Сверх-Я, Я, и Оно; Э. Фромма с гуманистическим психоанализом структуры личности и логотерапией; В. А. Ядова с диспозиционной структурой личности; П. В. Симонова с эмоционально-потребно-информационной оценкой сфер деятельности личности, Э. Берна с его структурой: Родителя; Взрослого; Ребенка. Аналитический психоанализ и микропсихоанализ развивают и расширяют понимание социальных действий личности, в зависимости от основной мотивирующей сферы, установки и аттитюда или модуса направленности личности, ее энергетических характеристик.

Вместе с тем в вышеперечисленных теориях мало внимания уделяется оценке деятельности личности в зависимости от общественного мнения.

Как общественное мнение воздействует на социальную деятельность, исходя из вышеприведенной его структуризации и модуса направленности личности?

Наши панельные исследования, проведенные в 1984-1998 годах, показывают, что личности, по отношению к социальной деятельности в соответствии с модусом направленности можно подразделить на следующие типы:

1. Личности, деятельность которых в квалифицированном большинстве случаев направлена на удовлетворение, в первую очередь, личностных потребностей, таких в обществе 22+-5%.

2. Личности, деятельность которых направлена в квалифицированном большинстве случаев на удовлетворение, в первую очередь, потребностей семьи, детей, родственников, таких в обществе 43+-5%.

1 и 2 тип в сумме составляют большую половину “золотой пропорции”.

3. Личности, деятельность которых в квалифицированном большинстве случаев направлена на удовлетворение потребностей общества – социума, таких 5+-3%.

4. Личности, которые действуют в зависимости от ситуации, таких 30+-5%.

Лица третьего типа в большинстве случаев более образованны и культурны, как правило, их жизненные цели находятся за пределами собственной жизни, их-то и надо избирать в руководящие социумом и обществом органы. Но, к сожалению, в своем большинстве данная категория лиц хладнокровно относится к власти, инстинктом борьбы за власть не обладает и редко попадает в вожди и руководители общества.

Именно данная категория личностей является демиургами общественного мнения и, в свою очередь, поступает в соответствии с ним, даже когда оно латентно и не выражено.

Личности 3-го типа, люди более чувствительные к боли и переживаниям других, ответственные за социальную деятельность, умеющие ставить интересы социума выше интересов общества (страны), страт (классов, групп), организаций (коллективов) и своей личности. Они больше, чем остальные респонденты испытывают в настоящее время чувства тревоги и беспокойства. Данные по всей выборке исследования 1998 года следующие:

- 25% опрошенных ощущает безвыходность своего социального и материального положения;
- 40% респондентов испытывают чувство тревоги;
- 16% ответивших неуверенны в себе и испытывают чувство беспокойства и только 15% уверены в себе.

На вопрос: "Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние 12 месяцев?" жители г.Запорожья отвечают следующим образом:

1. Значительно улучшилось - 1,5%
2. Несколько улучшилось - 12%
3. Не изменилось - 29%
4. Несколько ухудшилось - 25%
5. Значительно ухудшилось - 30%

Заметим, что Запорожье является относительно благополучным регионом в масштабах Украины.

Таким образом, за последний год у более, чем половины населения (55%) материальное положение ухудшилось. Такое же положение было и год, и два назад.

На каком же фоне происходило ухудшение жизни людей? Еще в 1996 году наши исследования показывали, что примерно у 30% не хватает денег даже на еду, а у 48% - хватает денег на нормальное питание, но любые покупки вызывают большие затруднения.

Пессимистически настроено население и по поводу ближайшего будущего: так, 33% опрошенных считают, что в ближайшие 12 месяцев произойдет дальнейшее ухудшение их материального положения.

Иерархия социальных проблем, которые беспокоят людей в начале 1998 года, выглядит следующим образом:

1. Отсутствие уверенности в завтрашнем дне - 0,5 индекс значимости.
2. Здоровье, отсутствие средств на лечение - 0,4 индекс значимости.
- 3-4. Безработица - 0,33.
- 3-4. Отсутствие материальных средств - 0,33.
5. Преступность - 0,28.
6. Экологическое состояние района - 0,25.
7. Жилищная проблема - 0,24.

Вместе с тем, 6-8 лет назад иерархия проблем была другой. Тогда 1-2 места уверенно занимали экологическое состояние региона и жилищная проблема, а на 3-4 - были здоровье и рост цен.

Настораживающим является тот фактор, что в настоящее время уже около 13% респондентов готовы принять участие в вооруженных акциях протеста и применить силовые методы для защиты своих прав. Еще год назад такого мнения придерживались около 9%, а 3-4 года назад - 4-5%. Это свидетельствует о том, что общество находится на грани социальных потрясений.

Литература:

1. Гегель. Соч., т. VI.39. - С. 315.
2. Последнее слово в психологии личности // Вопросы психологии. - 1990. - №5. - С. 24.
3. Социологический энциклопедический словарь под редакцией Г.В.Осикова. - М.: Инфра, 1998. - С. 185.
4. Тощенко Ж.Т. Социальные настроения - феномен современной социологической теории. // Социс. - 1998. - № 2. - С. 22.
5. Якуба Е.А. Социология. - Харьков: Константа, 1996. - С. 178.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ: ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ

Появление новых способов производства энергии или переход на использование новых энергетических источников обычно сопровождается или стимулирует все основные этапы и революционные перевороты в развитии человечества. Еще в начале века академик В.И.Вернадский, осмысливая открытия явления радиоактивности и других новых физических явлений, предрекал наступление новой – атомной, эры в жизни общества, полной надежд и тревог: “Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не могут сравниться все ранее им пережитые. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетия. Но ясно, что это должно быть. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?” [1, с. 11].

В сегодняшних долгосрочных прогнозных оценках специалистов ядерная энергетика рассматривается как ведущий способ производства энергии, обеспечивающий очередной этап развития мировой цивилизации, как новая, исторически обусловленная форма энергетического обеспечения человеческой деятельности. Заметим попутно, что использование ядерной энергии в современном обществе не ограничивается его энергетическими потребностями, она широко используется в медицине, в различного рода производствах, применяется в военных и научных и технических целях.

В широкое социальное использование ядерной энергии в настоящее время включено много людей и организаций и оно, становясь частью общественной жизни, прямо или опосредовано влияет на социальный процесс. В связи с социальной значимостью использования обществом ядерной энергии, представляется важным социологический анализ ее как возможного социального института для определения границ применения к ней теоретико-социологических методов и управленческих подходов, применяемых во взаимодействии с социальными институтами, и вероятность социальных прогнозов в этой сфере.

В связи с существованием различных подходов к социальному институту, акцентирующих те или иные его стороны, рассмотрим ряд существующих дефиниций. Так по мнению В.М.Быченкова, термин “социальный институт” по своему содержанию и смыслу наиболее пригоден для обозначения именно сверхколлективных социальных образований, которые выполняют в обществе интегрирующую роль, объединяя и сплачивая людей в разного рода социальные целостности [2, с. 39]. Позиция Т.Парсонса в отношении социальных институтов состоит в том, что он концептуализирует их в качестве социальных установлений или моделей социального поведения (синонимизируя устойчивое поведение как институализированное), которые, регулируя определенную сферу человеческих отношений, позволяют привести к единому знаменателю взаимодействия “актеров” с их разноплановыми жизненными ориентирами и целями; но не использует этот термин для обозначения социальных образований, которые Парсонс предпочитает называть коллективами [3]. Вебер же рассматривает институт как социальное образование, учреждение, сообщество индивидов, причем это сообщество он понимает как комплекс определенных действий индивидов [4]. По мнению Дж.Хоманса институты создаются для удовлетворения некоторых первичных потребностей людей: “Институты, организации, общества, изучаемые социологами, также без остатка могут быть сведены к поведению отдельных людей. Они

должны, следовательно, объясняться с помощью положений относительно поведения индивидов" [5]. К.Поппер подчеркивает, что лишь немногие социальные институты были спроектированы сознательно: в своем большинстве институты просто "выросли", будучи непреднамеренными результатами человеческих действий [6]. П.Блау рассматривает институты в качестве социальных установлений, носящих ценностно-нормативный характер, но не как социальные образования [7]. Весьма примечательно, что в этом разнообразии подходов такое качество социального института как устойчивое (повторяемое и нормированное) поведение людей и организаций в определенной сфере человеческой деятельности отмечается большинством теоретиков. В этой связи нам наиболее близка точка зрения, согласно которой под социальным институтом полагается форма закрепления и способ осуществления специализированной деятельности, обеспечивающей стабильное функционирование общественных отношений [8].

Рассматривая основные признаки институционализации, П.Бергман и Т.Лукман отмечали, что институционализации любой деятельности сопутствует процесс ее хабиитуализации – опривычивания. "Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и ipso facto осознано как образец его исполнителем. Кроме того, хабиитуализация означает, что рассматриваемое действие может быть снова совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием". По их мнению, институционализация имеет место везде, где имеет место типизация опривыченных действий – институт типизирует как индивидуальных деятелей так и индивидуальные действия [9, с. 89-92]. Однако, что существенно, институты не могут возникать моментально, они постепенно создаются в ходе своей истории, продуктом которой и являются. В этом создании – постепенном вызревании института – историзация представляется необходимым (но еще не достаточным) этапом развития, в ходе которой определенная деятельность становится привычным субъектом социального процесса.

Процесс историзации использования ядерной энергии был начат еще в начале века с возникновением идеи практического использования ядерной энергии. Но началом социального внедрения ядерных технологий явились 40-е годы, когда ядерно-технологическая деятельность, бывшая ранее занятием небольших групп исследователей в десятке лабораторий мира, приобрела глобальный характер, в нее были втянуты в разных странах сотни тысяч людей. Работа их в то время была направлена на решение исключительно военных задач.

Так еще на фазе создания ядерной взрывчатки и отработки конструкции атомной бомбы в США в годы Второй Мировой войны были построены несколько спецгородов в которых разместили более 200 тысяч ученых, инженеров и членов их семей: Ок-Ридж, Хэнфорд, Лос-Аламос и др. В результате "боевого" испытания бомбы, проведенного США в 1945 г. в Японии, в Хиросиме погибли 240 тысяч жителей, пострадали еще 163 тысячи. В Нагасаки атомная бомба унесла сразу 73 тысячи жизней, еще 35 тыс. человек погибли после долгих мучений. В 1951-1956 гг. на полигонах в США и в районе Тихого океана примерно 400 тысяч военнослужащих и работников ядерной отрасли, принимавших участие в испытаниях атомной бомбы и в войсковых учениях с реальным ее применением, а также неопределенное число гражданских лиц, находившихся неподалеку, подверглись облучению. Примечательно, что еще в 1913 г. Г.Уэллс в фантастическом романе "Освобожденный мир" (время действия – середина 50-х годов) описал мировую войну, в которой используется необычайно эффективное средство уничтожения под названием "атомная бомба".

В СССР непосредственные работы над атомной бомбой начались в 1945 г., после бомбардировок американцами Хиросимы и Нагасаки. В нелегкие послевоенные годы страна преодолевая трудности восстановительного периода, отдавала атомной программе все необходимое. Для нее – в ущерб населению – перебрасывался цемент и лес из Украины металл – с Урала, отключалась электроэнергия в городах Подмосковья и т.д. Для реали-

ции различных направлений атомной программы было создано практически автономно существующее государство в государстве – атомное ведомство, создавшее сеть из нескольких сотен закрытых городов и поселков в разных частях Советского Союза (с общей численностью жителей 3-5 млн.), в некоторые из которых лишь в последнее время был разрешен свободный доступ. На строительстве атомных научных и промышленных объектов и на добыче урановой руды были заняты миллионы заключенных. Для этого в ГУЛАГе была создана система ЛОН – сверхсекретных “лагерей особого назначения”, находившихся в непосредственном подчинении Л.Берии. Заметим попутно, что создание таких крупных социальнопромышленных конгломератов, как закрытые города и города-спутники ядерно-технических объектов, коренным образом изменяло социальную структуру в регионе в их расположения. Так, например, при строительстве Курской АЭС и ее города-спутника Курчатова было разрушено не менее десяти памятников археологии, уничтожены семь сельских населенных пунктов. Резко изменилось соотношение сельского и городского населения в регионе, усилились маятниковые миграции населения и т.п. [10].

Но и после первых испытаний в СССР атомной и более совершенной водородной бомб атомная военная программа продолжала расширяться. Громадные усилия многих людей были направлены на совершенствование как самого оружия, так и методов его использования. В 1954 г. ТАСС сообщило, что “в соответствии с планом научно-исследовательских и экспериментальных работ” было проведено общевойсковое учение в Оренбургской области на Тоцком полигоне. В учении, в ходе которого была взорвана атомная бомба вдвое мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму, принимало участие около 45 тыс. военнослужащих. Местные жители фактически тоже участвовали в эксперименте – временному отселению подлежали лишь те, кто жил ближе 8 км. от эпицентра взрыва [11]. Изучение медицинских последствий облучения участников многочисленных “экспериментальных работ” в армии и на флотах не проводилось, но есть данные, что при многократных наземных испытаниях ядерных зарядов лишь на Семипалатинском полигоне пострадало около 10 тыс. человек. Эти испытания формировали радиационную обстановку и в Алтайском крае, где в ряде районов, расположенных в непосредственной близости от полигона, резко возросло число онкологических заболеваний и смертность населения стала опережать рождаемость.

Испытания ядерного оружия, а также ядерные взрывы “в мирных целях”, проводившиеся ведущими державами мира, не прошли бесследно для здоровья населения планеты. Стратосферные выпадения продуктов ядерных взрывов стали серьезным фактором облучения людей. Всего в период с 1945 по 1992 г.г. в разных странах было произведено в общей сложности 2072 испытательных ядерных взрыва во всех средах. Сюда, не включены так называемые подземные ядерные взрывы в мирных целях – в СССР их было проведено более 120, причем на территории Украины они проводились по меньшей мере дважды – в Харьковской и Донецкой областях.

Необходимо упомянуть и о локальных радиоактивных загрязнениях, связанных с проведением ядерно-технических работ. В СССР эти работы производились сотнями тысяч людей в сотнях мест – рудниках, обогатительных и перерабатывающих фабриках, заводах, научных учреждениях, полигонах – и в преобладающем большинстве случаев радиационной безопасности не уделялось должного внимания. Так только на одном таком объекте – Плутониевом комбинате, созданном на Урале в 1949 г. (сейчас известен как ПО “Маяк”), по опубликованным данным у 17245 человек был в 5-10 раз превышен допустимый ныне уровень облучения. Радиоактивные отходы (РАО) комбината уже с 1949 г. сбрасывались в соседнюю р.Теча и оз.Карачай. Из-за загрязнения реки и прибрежной территории радиационному воздействию подверглись 124 тыс. жителей, особо значительные дозы облучения получили 28 тыс.чел. В 1957 г. на комбинате случилась одна из крупнейших в мире радиационных аварий – паровой взрыв емкости хранилища, что привело к значительному выбросу РАО в атмосферу. Радионуклиды рассеялись по ряду областей, площадь небезопасного проживания составила порядка 1 тыс. кв.км. Облучились свыше допустимых уровней примерно 260 тыс. чел., еще около 30 тысяч ликвидаторов

аварии получили значительные дозы облучения. В целом, в результате различных экстремальных ситуаций, связанных с деятельностью ПО "Маяк", подверглись повышенному облучению около 500 тыс.чел., из них лишь 18 тысяч были переселены на новые места жительства [12, с.235].

Заметим, что проблема уничтожения РАО является одной из важнейших социальных проблем. Она имеет глобальное значение для будущего человечества, так как объемы РАО, активность которых составляет сотни лет, постоянно растут, и сейчас, до решения проблемы их уничтожения, РАО временно захораниваются в подземных полостях на ближайшие 100-150 лет. Отметим, что недавнего времени значительная часть РАО такими странами как Бельгия, Великобритания, Германия, Корея, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия, Франция, Швейцария, Швеция, США, Япония, Советский Союз сбрасывалась в воды Мирового океана, и в преобладающем ряде случаев без специальной упаковки.

Одновременно с военным использованием велись разработки применения ядерных технологий в науке и технике, медицине, энергетике. В 1954 г. в СССР в г.Обнинске вступила в строй первая в мире атомная энергетическая станция (АЭС). Через два года начала действовать первая очередь английской АЭС в Колдер-Холле, а в 1957 г. — АЭС в Шиппингпорте в США. На Украине первой атомной станцией стала Чернобыльская АЭС, пущенная в эксплуатацию в 1980 г.

Однако в 1979 г. произошла крупная авария на американской АЭС "Три-Майл-Айленд". Затем — крупнейшая в мире экологическая катастрофа в Чернобыле, которая тоже имеет ядерно-техническую природу. Ее социальные последствия носят глобальный характер. Лишь в Украине радиоактивно загрязнена территория более 40 тыс. кв.км., на которой расположены 2100 населенных пунктов, где проживают 2,5 млн. человек, в том числе 541 тыс. детей. Более 3 млн. человек имеют статус потерпевших вследствие аварии, среди них 356 тыс. ликвидаторов и 870 тыс. детей [13].

В последние десятилетия XX века ядерная энергетика, ставшая ведущей отраслью по использованию ядерной энергии, заняла прочное место в социально-экономической жизни общества, обеспечивая потребление более дешевого чем уголь и нефть источника энергии. В настоящее время в 30 странах мира производят электроэнергию более чем 430 энергоблоков на ядерном топливе. Доля мировой ядерной энергетики в производстве электроэнергии весьма значительна: так во Франции она составляет 76%, в Украине — 36,7%, Германии — 34%, в Японии — 33%, в Великобритании — 25% и т.д. [14].

Таким образом в странах мира, развивающих ядерные технологии, деятельность по использованию ядерной энергии давно уже стала частью жизни общества. Во всех этих странах деятельность организаций, использующих ядерные технологии, вовлечено значительное количество людей — заметная часть населения. Они работают в горнодобывающей и обогащательной промышленности, в ядерном машиностроении, в науке, медицине, заняты непосредственно на ядерно-энергетических объектах, преподают и обучаются на специализированных факультетах вузов и в средних специальных заведениях. Использование ядерной энергии внесло радикальные изменения в жизнедеятельность общества: открыло как новые перспективы энергетического и экономического роста, новые методы лечения болезней и промышленные технологии, так и новые угрозы здоровью людей и экологическому состоянию мест проживания, создало новые рабочие места и радикально изменило характер расселения, социальных и производственных отношений.

К настоящему времени ядерно-энергетические технологии, потеснив военные, стали ведущими в сфере использования ядерной энергии. В истории общественного восприятия перспектив производства бытовой электроэнергии ядерными установками, вначале, после пуска первых АЭС в 50-е годы, был заметен большой оптимизм общественности, сформированный и поддерживаемый политическими, научными, деловыми кругами. И в последующие десятилетия, когда ядерная энергетика стала реальностью и прочно вошла в жизнь общества, мало кто из людей ощущал необходимость в дебатах о реакторных материалах и о других технических проблемах безопасности атомных станций.

Однако, в период холодной войны и ядерного противостояния основными источниками сведений об ядерной энергии для широких масс были средства массовой информации, с присущей им склонностью к сенсационности и преувеличениям, и пропагандистские средства системы гражданской обороны. Воздействие антивоенной, в частности, антиядерной пропаганды, длившееся многие годы, привело к формированию в сознании по меньшей мере двух поколений людей ядерных страхов, питательной почвы общественного неприятия ядерной энергии. И сейчас, после крупных аварий на АЭС "Три-Майл-Айленд" и в Чернобыле — спустя десятилетия после начала широкого развития ядерной энергетики, когда в ряде стран атомными электростанциями производится более половины электроэнергии, ее сторонники столкнулись с тем, что основной угрозой развитию ядерной энергетики является отсутствие ее поддержки общественностью. Стало очевидным, что человечество не сможет приспособиться к ядерно-энергетическим технологиям, если их социальное внедрение не будет интернализировано людьми — внутренне принято и одобрено ими.

Следовательно, старинный девиз Чикагской Всемирной выставки 1933 г.: "Наука изобретает — техника применяет — человек приспосабливается", в современных условиях не может быть применим к использованию ядерной энергии, так как действительность показала возможность глобальных последствий ошибок в этой сфере. И такие сопутствующие социальному внедрению ядерно-энергетических технологий экстремальные события как аварии на "Три-Майл-Айленд", в Чернобыле и т.п. неизбежно выводили процесс хабиитуализации из некоего квазиустойчивого состояния.

Но указанное вовсе не означает, что после каждого экстремального явления в использовании ядерной энергии его институционализация как бы начинается заново. Изменяющиеся условия социального приложения самой деятельности, расширяющиеся знания и представления о ней и ее типизациях ведут к формированию новых хабиитуализаций. И все эти выходящие за рамки привычных типизаций явления — факты истории деятельности, а их фиксация — запоминание в ходе историзации, способствуют, по меньшей мере, приданию этой деятельности характера объективности, что является необходимой чертой как социального института, так и самого процесса институционализации. "Институты, — указывают Бергман и Лукман, — в качестве исторических и объективных фактичностей предстают перед индивидуумом как неоспоримые факты. В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность". Авторы отмечают, что стремление непрерывно экстернализовать себя в деятельности коренится в биологическом аппарате человека как присущая ему антропологическая необходимость. При этом экстернализация и связанная с ней объективация представляет собой два момента непрерывного диалектического процесса, ведущего к институционализации деятельности. Третьим моментом этого процесса является интернализация, посредством которой объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации [9, с. 102].

Для обеспечения интернализации — принятию, одобрению людьми нового институционального порядка, в определенный момент истории институционализации внутри конструируемого социального института начинают формироваться различного рода сложные легитимации — способы его объяснения и оправдания. На основании социально доступного запаса знаний о институционалируемой деятельности ей приписывается легитимациями определенная внутренняя "логика". Завеса легитимаций, обеспечивающая когнитивную и нормативную интерпретации институционального порядка, практически представляет собой систему мифов, различающихся по глубине проработки и ориентированных на различные социальные слои населения, причастные действующему или конструируемому институту. Бесспорно, что социальный миф является полноправным атрибутом современной жизни и его задача состоит в создании логической модели упрощенного (хотя и не всегда верного) толкования природных или общественных явлений для преодоления противоречий в их понимании и оправдания. Это объясняется тем, что в обыденной жизни уровень восприятия индивидом новой информации о сложных природных объектах, социальных и социотехнических системах обычно ограничен и на определенном этапе рационально-критичес-

кое познание обычно подменяется доверой определенным источникам информации и верой в достоверность сведений, получаемых от них.

В последние два-три десятилетия людьми и организациями в различных странах, заинтересованными в развитии ядерной энергетики, были сформированы и внедряются с помощью различных социальных технологий мифы, объясняющие и оправдывающие необходимость ядерно-энергетических технологий, делающих их привычными и понятными для людей. Основные мифологемы могут быть представлены следующих образом:

- ядерная энергетика безопасна,
- ядерная энергетика прогрессивна,
- ядерная энергетика экономически выгодна,
- ядерная энергетика – самая экологически чистая энергетика,
- ядерной энергетике нет альтернативы.

Обычно, сформированные в ходе институционализации легитимации в дальнейшем не верифицируются, а уже заучиваются новым поколением, что и обеспечивает ее устойчивую хабиитуализацию – “так было всегда и не нам менять этот порядок”. Продолжительность поколенческого периода зачастую отражает качественную сторону институционализируемой деятельности. Иногда он составляет несколько лет – так, например, первокурсники довольно быстро привыкают к установленному в школе порядку, солдаты-первогодки, обычно воспринимают как необходимые все компоненты армейской службы, включая и дедовщину, и, в дальнейшем, способствуют поддержанию этого порядка. Порою, как, например, при смене политических режимов, продолжительность поколенческого периода может длиться несколько десятилетий.

В связи с историзацией и объективацией социальных институтов также становится необходимой еще в процессе институционализации разработка и специальных механизмов социального контроля. Под ними полагаются не только нормы, устанавливаемые институтом для поведения людей, включенных в деятельность института (подобных тем, которые действуют, например, в армии или школе), но и нормативы, фиксирующие институционализированные типизации, а также порядок функционирования самого института в социальной среде.

Впервые вопрос о необходимости международного контроля в сфере использования ядерной энергии возник после боевого применения США ядерного оружия. В январе 1946 г. первая сессия Генеральной Ассамблеи ООН единогласно высказалась за исключение атомного оружия из национальных вооружений и в структуре ООН была создана Комиссия по контролю над атомной энергией. Спустя десять лет в системе ООН было сформировано Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Ядерная безопасность и радиационная защита в процессе мирного использования атомной энергии были отнесены к числу имманентных уставных целей этой организации. Согласно Уставу, МАГАТЭ осуществляет деятельность по обеспечению правового механизма безопасного использования атомной энергии. Вслед за МАГАТЭ рядом развитых государств Европы было создано Европейское Сообщество по атомной энергии (Евратом). Это был еще один шаг на пути институционализации использования ядерной энергии, так как Евратом фактически явился атомным европейским пулом, причем функции МАГАТЭ и Евратома в части контроля использования ядерной энергии и соблюдения норм безопасности во многом совпадают [15, с. 123-124].

Вместе с этим в странах, использующих ядерную энергию, создана и соответствующая внутригосударственная нормативная база этой деятельности. Так законы об использовании атомной энергии впервые были приняты в США в 1946 г., в ФРГ и Японии в период 1955-1957 г.г., Италии – в 1957 г. и т.д. В СССР практически не было ни одного закона, устанавливающего права и ответственность органов управления, ведомств, организаций и отдельных граждан при использовании атомной энергии, создании и использовании атомных объектов. В Украине начало атомному праву было положено в 1991 г.

Законом "О статусе и социальной защите граждан, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы". В 1995 г. был принят Закон Украины "О использовании ядерной энергии и радиационной безопасности", в 1998 г. – Закон "О защите человека от влияния ионизирующих излучений".

Социологический анализ использования ядерной энергии как рода человеческой деятельности показывает, что она обладает многими чертами, присущими социальному институту. Так в ходе длительной историзации использование ядерной энергии преодолело этап объективации – оно стало социальной реальностью, той "объективной фактичностью", с которой нельзя не считаться. В настоящее время общеизвестны различные социально полезные приложения этой деятельности – в энергетике, медицине, военной, производственной и научно-технической сферах. С большой уверенностью можно говорить о закрепленных нормативах в этих ядерно-технологических областях типизациях деятельности как о механизмах воспроизводства стереотипного поведения в рамках социальных образований, учреждений, сообществ индивидов, обеспечивающих деятельность по использованию ядерной энергии, так и о специальных механизмах социального контроля над ней. Наличие нормативной базы, поддерживающей функционирование социального порядка, является одним из существенных качеств, присущих институцируемой деятельности.

Однако, при всем этом деятельность по использованию ядерной энергии все еще в заметной мере остается внешней по отношению к человеку или, прибегая к терминологии Бергера и Лукмана, не "интернализированной" деятельностью. Хотя, как было показано, для ее интернализации была сформирована, поддерживается и соответствующим образом обновляется система необходимых легитимаций – способов объяснения и оправдания деятельности. Отсутствие интернализации, понимаемое нами как отсутствие необходимого общественного доверия, социального приятия деятельности, указывает на то, что процесс институциализации использования ядерной энергии как рода деятельности еще далек от завершения и находится в стадии активного развития. Нам представляется, что в данном случае наиболее существенным для институциализации деятельности является ее хабиитуализация – опривычивание людьми. Причем, в ходе историзации не произошло полной хабиитуализации общественностью как ядерной энергетике, так, впрочем, и многих других ядерных технологий. По-видимому, для данного рода деятельности продолжительность историзации в несколько десятилетий еще не является достаточной. Существенным для затягивания процесса хабиитуализации явилось и то, что динамика изменений как самих ядерных технологий, так и объема их социального внедрения была необычайно значительной. Мы полагаем, что хабиитуализация, а вслед за ней и институциализация использования ядерной энергии возможны в условиях достаточно продолжительного времени (порядка поколения человеческой жизни) при довольно "мягком" – без экстремальных событий – внедрением ядерных технологий в социальную среду. При этом важным является и отсутствие жесткой общественной оппозиции этой деятельности.

Литература:

1. Вернадский В.И. Очерки и речи. – Петроград: Научное химико-технологическое изд-во, 1922. – 159 с.
2. Бычков В.М. Институты: сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М.: Российская Академия социальных наук, 1996. – 976 с.
3. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1990.
4. Вебер М. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1990.
5. Homans G. Elementary and Individual Behavior // Wallace Ruth A., Wolf Alison. Contemporary Sociological Theory. – New York: Prentice Hall, 1995. – P. 289-305.
6. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М.: Феникс, Международный фонд "Культурная инициатива", 1992. – Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
7. Blau P. Exchange and Social Ingration // Wallace Ruth A., Wolf Alison. Contemporary Sociological Theory. – New York: Prentice Hall, 1995. – P. 318-323, 330-335.

8. Волович В.И. Институт социальный // Социологический справочник. – К.: Изд-во политической литературы Украины, 1990. – С. 23-24.
9. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 230 с.
10. Чубур А.А., Чубур С.С. Изменение природной, социальной и культурно-исторической среды районе строительства и действия Курской АЭС // На путях к духовно-экологической цивилиции. – Казань: Карпол. – 1996. – С. 104-106.
11. Тощое общевойсковое учение с применением атомного оружия // Бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии. – 1993. – №9. – С. 60-72.
12. Радиационно-экологическая обстановка на Южном Урале: Заключение комиссии Минатомэнегопрома СССР // Информационный бюллетень Центра общественной информации по атомной энергии: сводный выпуск за 1991 г. – М.: ЦНИИАтоминформ, 1992. – С. 229-240.
13. Невиліковні рани Чорнобиля // Вісник Чорнобиля. – 1996. – №35.
14. World nuclear status report 1996 // Nuclear Europe Worldcan. – 1997. – № 7-8. – Р. 49-75.
15. Афанасьева Л.А., Иойрыш А.И., Кучиков В.П. и др. Евратом: правовые проблемы. – М.: "Наука" 1992. – 240 с.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕСТОВЫХ МЕТОДИК В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Как известно, метод тестов возник первоначально в качестве основного инструментария исследований в области дифференциальной психологии, которая была призвана изучать индивидуальные различия между людьми или группами людей, объединенными по какому-либо признаку или совокупности признаков. Огромный вклад в развитие этой психологической дисциплины и ее методического аппарата внесли в свое время такие известные ученые, как Э.Крепелинг, Ф.Гальтон, Дж.Кеттел. Несколько позднее усилиями А.Бине, Р.Симона, Р.Мюнстенберга тесты приобрели функцию психодиагностического средства.

В 90-х годах прошлого столетия психологические и антропометрические тесты начинают широко культивироваться в США, а в начале XX века они становятся в этой стране главным каналом получения научной информации о детской психике и средством профотбора.

Но уже в 20-е годы XX в. вопрос о сущности и значении метода тестов приобрел печальную репутацию едва ли не самой запутанной проблемы психологии. Как отмечал в то время один из основателей дифференциальной психологии В.Штерн, по отношению к тестам "в преувеличенных надеждах и преждевременных требованиях нет недостатка, также как и в бессмысленных нападках и бесплодной критике" [3, с. 31].

Во второе столетие своего существования психодиагностика вошла с еще большим числом методологических и методических проблем. Это и отсутствие удовлетворительного определения метода тестов и отдельных тестовых методик, и несовершенство предлагаемых на сегодняшний день различными авторами систем классификации тестов, и не снижающаяся острота вопроса о валидности тестов и ее разновидностях (конструктивной, содержательной и категориальной), и низкие показатели некоторых, даже уже ставших классическими, методик по другим критериям диагностической способности тестов (стандартизованность, надежность) и т. п.

Тем не менее метод тестов остается одним из основных методов психологии, активно используемых для решения как диагностико-прогностических, так и научно-исследовательских задач. А с конца 50-х годов XX в. к тестовым методикам стали проявлять интерес и социологи. Так, известны работы американских социологов с использованием игровых методик, теста неоконченных предложений, апперцепционного теста и некоторых других [5; 6]. Безусловно, далеко не все известные психодиагностические методики могут быть применены в социологических исследованиях. Здесь речь может идти в первую очередь о проективных тестах, а именно: методике ТАТ и ее различных вариантах, тесте неоконченных предложений и историй, игровых методиках (особенно, если речь идет о тех исследованиях, в которых респондентами являются дети и подростки), методиках, построенных по типу теста Розенцвейга и некоторых других.

Используя традиционные способы получения социологической информации, например, анкетный опрос или интервью, социологи исходят из того, что все респонденты заведомо ориентированы на сотрудничество с ними и настроены давать искренние ответы абсолютно на все задаваемые исследователем вопросы. Однако у опрашиваемых может быть много причин для того, чтобы фальсифицировать информацию, сообщаемую в ответах или дать большое количество неопределенных ответов типа "затрудняюсь ответить", "трудно сказать определенно" и т. п. Различного рода опасения, непонимание, желание представить

себя в наилучшем свете, социальные запреты, в конце концов даже неприязненное отношение к исследователю могут стать причиной искажения ответов или привести к полному отказу респондента от участия в исследовании. Для устранения указанных факторов, приводящих к снижению качества социологической информации, а также в исследованиях, ставящих своей целью глубокое изучение, например, системы мотивации поведения, механизмов возникновения стереотипов и самооценок, многие западные специалисты по методике и технике рекомендуют дополнять традиционные приемы сбора социологической информации разнообразными проективными методиками.

Еще один из первых систематизаторов проективных методик Л. Франк описал их как такие приемы исследования личности, в которых человека помещают в ситуацию, реакция на которую носит индивидуальный характер и зависит от значения ситуации для него, от его мыслей, чувств и т. п. При этом стимульный материал, составляющий основу методики, является многозначным, из чего следуют также такие особенности проективной методики, как отсутствие ограничений при выборе ответа и оценок ответа как "верные" и неверные" [2, с. 12].

На чем основан механизм действия проективных методик? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к современному пониманию термина "проекция", давшему название данной группе методов. Специалисты выделяют по крайней мере четыре вида проекции, механизмы которых сводятся к следующему.

"Классическая проекция" как одна из форм психологической защиты, описана еще З. Фрейдом. Ее сущность заключается в бессознательном приписывании собственных социально неприемлемых импульсов и чувств, установок и мотивов какому-либо внешнему объекту (например, другому человеку). При этом "отторгнутое" входит в наше сознание как измененное восприятие внешнего мира. Исследования последних лет расширили фрейдовское понимание проекции. Оказывается, что при обследовании проективными методами могут проявляться не только подавленные, социально неодобряемые потребности, но и вполне принимаемые обществом, удовлетворить которые человек не в состоянии [2, с. 8]. Став элементом подсознания, вытесненные элементы психики формируют определенную готовность к действиям, переживаниям и восприятию определенного типа т. е. установку.

В основе **"атрибутивной проекции"** лежит приписывание собственных мотивов, черт, чувств другим людям. В этом случае проекция определяется значительно более широко и не связывается со сферой бессознательного, а имеет отношение к одной из закономерностей, характеризующих процесс образования впечатления о другом человеке. Близким к этому явлению можно считать феномен "каузальной атрибуции", описанный известными американскими учеными Дж. Келли, Э. Джонсом, А. Эбби. Т. е. в проективных методах мы имеем дело не только с установками, сформированными в результате вытеснения социально неприемлемых импульсов и неудовлетворенных желаний, но и с установками, являющимися результатом структурирования прошлого опыта, которая и создает избирательную готовность к предстоящим восприятиям, действиям, оценкам и т. д.

Следующие два вида проекции являются частным случаем атрибутивной. Так, **"аутистическая проекция"** основывается на модификации воспринимаемых человеком явлений согласно собственным, особенно неудовлетворенным потребностям. **"Рационализирующая проекция"**, будучи близкой к классической по степени неосознанности, отражает поведение личности, которая дает себе отчет о своем поведении, причем, часто находит оправдание своему поведению по принципу "все так делают" [2, с. 11].

Что же может дать социологу использование этих проективных методов? В первую очередь их применение позволяет преодолеть ряд так называемых "барьеров", возникающих в условиях опроса, существование которых фиксируется многими социальными психологами.

"Барьер неосознанности". Люди часто не осознают собственные мотивы и установки и даже при всем желании сотрудничать с интервьюером не могут дать исчерпыва-

ющие ответы на ряд вопросов, касающихся мотивов собственного поведения. Так, отмечает известный британский социолог Э.Оппенгейм, некоторые очень неуверенные в себе люди могут держать собак, чтобы реализовать свое желание доминировать и управлять; в то же время одинокие люди могут приютить кошку, которая заменит им детей [4, с. 211]. Но такие респонденты часто не осознают подобные потребности и мотивы своего поведения.

"Барьер иррациональности". Современное общество поощряет рациональное и логичное поведение. Может быть поэтому люди пытаются что-то рационализировать, объяснить логически, в том числе и мотивы собственного поведения, хотя они могут быть далеки от истинных. Например, если автомобилистов просят проранжировать по степени значимости характеристики, по которым они будут выбирать новый автомобиль, то чаще всего на первое место респонденты в этом случае ставят такие показатели, как "надежность", "безопасность", в то время как "стиль", "внешний вид" будут помещены в конец списка. Однако, если этот вопрос будет поставлен в отношении друзей и соседей, то "стиль", например, передвигается на второе место [4, с. 211], поскольку практически любой потенциальный водитель не в состоянии осознать, насколько в действительности на него влияет внешний вид автомобиля. Он склонен думать, что его выбор определяется такими рациональными характеристиками, как "безопасность", "надежность", "экономичность" и др. Существование барьера иррациональности подтверждает еще один эксперимент, проведенный на выставке видеоаппаратуры. Посетителей просили выбрать из двух видеокамер ту, которая, с их точки зрения, является более качественной. Подавляющее большинство выбрало одну из двух предложенных, хотя в действительности оба аппарата были идентичны, но при этом в предпочитаемую камеру предварительно вмонтировали небольшой груз. При ощущении этого дополнительного груза у людей создавалось впечатление об этой камере как об "основательно сделанной вещи", "из лучших материалов" и т. д. Если их спрашивали о причинах выбора, то участники эксперимента непременно указывали на скорость срабатывания затвора, качество линзы и другие технические характеристики. Любые попытки исследователей предположить, что на решение определенное влияние оказал вес, отвергались посетителями выставки как абсурдные.

"Барьер неприемлемости". Его существование связано с тем, что общество устанавливает множество норм и требований, которые далеко не всем и не всегда удается принять. Поэтому наше поведение не всегда соответствует этим стандартам (платить за проезд, не сорить в общественных местах, участвовать в выборах и т.д.) Нарушая те или иные социальные нормы, многие люди тем не менее не склонны откровенно рассказывать исследователю о своих проступках.

"Барьер самообвинения". Его механизм во многом схож с предыдущим и касается тех аспектов поведения, чувств, которые снижают самооценку респондента. Люди могут опасаться выглядеть слабыми, глупыми, консервативными, необразованными и т.п. Так, медицинские психологи утверждают, что многие пациенты боятся операций и анестезий лишь потому, что опасаются под наркозом наговорить "лишнего". И в этом случае только с помощью проективной методики можно установить истинное положение вещей.

"Барьер вежливости" возникает потому, что люди часто предпочитают не высказывать отрицательные, неприятные или критические замечания, пока у них не появляются особые причины сделать это. Пришедшего в дом социолога часть респондентов может просто воспринимать как гостя, что также будет удерживать их от резких замечаний, высказывания негативных оценок.

Поэтому в тех случаях, когда исследователь может предположить, что описанные барьеры с неизбежностью будут возникать в процессе его работы, необходимо, как считают специалисты, включать элементы проективных методик, например, в традиционный опрос, либо даже частично заменять его.

Как выглядит общая схема использования проективных методик в социологическом исследовании? Во-первых, можно обращаться к респонденту с просьбой сказать первое

слово (фразу), которое всплывает в памяти в ответ на произнесенное исследователем (интервьюером). В данном случае мы будем иметь дело с так называемым ответом по ассоциации.

Во-вторых, респондента можно поставить в ситуацию, когда от него потребуется включить воображение (хотя, безусловно, не только его) и завершить предложенную фразу, историю или описать рисунок (фотографию): ситуацию в целом, чувства героев и т.д.

В-третьих, как еще один вариант, представляется возможной интерпретация ответов на вопросы о причинах того или иного поведения людей, не предполагающие однозначных ответов. При этом, как известно, считается, что респонденты, рассказывая о мотивах поведения других людей будут описывать свои собственные, индивидуально структурируя и интерпретируя многозначные формулировки таких вопросов.

В-четвертых, информация об attitudes респондентов может быть получена и в результате применения следующей процедуры, иногда именуемой "концептуализацией". Исследователь обращается к опрашиваемым с просьбой описать какие-либо понятия (явления), упорядочить или сгруппировать их. После выполнения задания респондент должен объяснить, почему он выполнил его именно так, а не иначе, чем при этом руководствовался.

Все возможные процедуры объединяет, таким образом, возможная многозначность интерпретаций, зависящая от индивидуальных установок респондентов, "завуалированность" целей, что не позволяет участникам опроса давать те ответы, которые, по их мнению, ожидает услышать исследователь. Ряд авторитетных специалистов по методике и технике считает также, что эффективность использования проективных методик в социологических исследованиях значительно повышается, если интервьюер, как и респонденты, не осведомлен об истинном предназначении отдельных вопросов инструментария или методики в целом [4, с. 213].

Нельзя, конечно, оставить без внимания и ряд проблем, возникающих при использовании проективных методов. Это и недостаточно разработанная система кодирования ответов и их подсчета, нечеткость критериев классификации результатов тестирования. Решение ряда этих проблем – дело времени. Иначе выглядит ситуация, связанная с интерпретацией результатов. Преодоление субъективности и возможной предвзятости исследователя на этом этапе уже несколько десятков лет тормозится как отсутствием достаточного теоретического обоснования использования проективных методов, проблематичной валидностью и надежностью многих тестов этого типа, так и установками самих исследователей, их прошлым научным и жизненным опытом. Однако в сочетании с другими, более формализованными и директивными методами, проективные тесты могут дать ценную и исчерпывающую информацию не только в психологическом, но и в социологическом исследовании.

Литература:

1. Бурлачук Л.Ф. Введение в прикладную психологию. – К., 1998.
2. Бурлачук Л.Ф. Исследование личности в клинической психологии. – К.: Выща школа, 1979.
3. Гильбух Ю.З. Метод психологических тестов: сущность и значение // Вопросы психологии. – 1986. – № 2. – С. 30-42.
4. Oppenheim A.N. Questionnary Design, Interviewing and Attitude Measurement. – London and New York, 1992.
5. Bene E. and Anthony E. J. The Family Relations Test, N. Y., 1959 и др.
6. Hoeflin R. and Kell L. The Kell-Hoeflin Incomplete Sentences Blank: Youth-parents relations, Monograph of Society for Research in Child Development, XXIV No. 72, 1959.

РЕЛИГИОЗНЫЙ МАРГИНАЛИЗМ КАК ОДИН ИЗ УРОВНЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Всё что связано сегодня с проблемой религии, её проявлением в обществе является актуальным, важным и востребованным членами социума. Это находит своё выражение, например, в Украине не только в том, что в ней насчитывается более 20 тыс. религиозных организаций, в том числе 19,8 тыс. общин 72 конфессий, течений, направлений, а и в том, что по сравнению с 1991 г. количество религиозных организаций увеличилось на 7,2 тыс., или на 54,5%. Но изменения в религиозной сети затронули не только её количественный показатель. Церковь перешла на качественно новый уровень функционирования. Об этом свидетельствует активный процесс формирования её управленческих структур: в Украине действуют 192 духовных центров и управления. Подготовка кадров священнослужителей совершается в 86 высших и средних духовных учебных заведениях (за 6 лет их число увеличилось в 5 раз). Действуют 198 монастырей, количество которых против 1991 г. выросло более чем в три раза. На поприще милосердия работают 123 миссии, а это в 6 раз больше, чем в 1991 г. Одновременно динамика становления религиозной среды угасает: темпы прироста религиозных общин в 1991 г. составили 22,2%, а в 1997 г. – лишь 7%. Однако в абсолюте этот показатель весьма высок: в 1997 г. религиозная сеть выросла на 1298 единиц [1, с. 15].

Такой "взрыв религиозности" не мог не привнести в социум проблемы, которые связаны не столько со светским аспектом его существования, сколько с сакральным. И одной из таких проблем есть религиозный маргинализм. Может на первый взгляд эта проблема является несущественной, однако она уже заявила о себе в специальной литературе, хотя робко и фрагментарно [2, с. 86].

Прежде всего необходимо отметить, что маргинальную личность породила маргинальная ситуация, которая сложилась в обществе накануне XXI века, когда происходит смена не только базисных отношений, но и культурных эпох, когда происходит слом одной парадигмы культуры и формирования новой. Маргинальная ситуация (от лат. *marginalis* – находящийся на краю) – это система внешних и (или) внутренних условий, при которой личность находится на границе между двумя и более социальными общностями и не чувствует себя полноправным членом ни одной из них [3, с. 675]. Такое самочувствие личности описал американский учёный Р.Э.Парк. Чуть позже, с появлением теорий референтных групп американского психолога Г.Хаймена и ролевых теории Т.Парсонса, Дж.Мида, Р.Минтона, Р.Мертонса, проблема маргинальной ситуации изучалась в связи с психологической раздвоенностью личности между группой членства и референтной группой, между выполняемыми ролями. В связи с этим Р.Парк, О.Браун, Е.Рейтер, изучая процесс выживания маргинальной личности, определили её характерные черты, с одной стороны, мнительность, беспокойство, агрессивность, а с другой, радиально противоположные – творчество, новаторство.

Так как маргинальная ситуация погранична, то она сопровождается конфликтами, фрустрацией, невротизмами, стрессами. Личность, находящаяся в такой ситуации, чувствует себя дискомфортно и сталкивается с массой проблем, такими, как моральная дилемма, когнитивный диссонанс. Однако она также может включить свои защитные механизмы для выхода из маргинальной ситуации: механизмы рационализации, вытеснения, идентификации, реактивного образования, компенсации, гиперкомпенсации, замещения, проекции, символизации, фиксации, регрессии, диссоциации, сопротивления, отрицания, сублимации, конвенции, фантазирования.

По способу проявления маргинализм проявляется на нескольких уровнях. Это физический и сущностный маргинализм, что связано с движением, перемещением индивидов и групп, где за точку отсчёта берутся либо географические координаты, либо система координат, при которой индивиды или группы не обязательно перемещаются физически. А также творческий и религиозный маргинализм, что скорее носит личностный характер [2, с. 84]. О каждом уровне маргинализма следует говорить особо. Нас в данном случае интересует последний.

Религиозный маргинализм как отход от сакральной сферы личности, как ослабление конфессиональной связи, как модель эклектичного мировоззрения, которое находится на грани между сакральным и светским, сегодня наблюдается у многих. Это хорошо прослеживается в преобладании среди населения позиции нерелигиозности. По расчётам итальянского социолога Р.Чиприано 1 млрд. населения планеты можно отнести к разряду "нерелигиозных" людей.

Нерелигиозность не означает исключительно атеизм. Она может проявляться в различных *прорелигиозных настроениях*, т.е. отношении к религии как к моде, исторической, нравственной, культурной ценности, но не как к "божественному откровению" и пути, ведущему к достижению "спасения" в потустороннем мире. Прорелигиозность также выражается в обращённости к религии различных политических сил, стремящихся использовать религиозные лозунги в интересах политической и идеологической борьбы.

Это особенно хорошо прослеживается в украинском социальном пространстве, где политические группировки, отдельные политики, консолидируясь с некоторыми конфессиями, стремятся расширить круг своих приверженцев за счёт верующих. Если учитывать, что в Украине более 50 политических партий и более 70 религиозных течений, то налицо переплетение поликонфессиональности с многопартийностью. Партии и блоки, политические лидеры, отдельные кандидаты в депутаты для увеличения своего электората всемерно стремятся получить поддержку рядовых верующих, духовенства и религиозных организаций. С этой целью они используют разные приёмы: входят в контакт с руководителями тех или иных религиозных организаций и общин, присутствуют на богослужениях, декларируют или имитируют личную религиозность, вносят в свои предвыборные программы вопросы, которые касаются разрешения религиозно-церковных проблем, дают обещания защищать интересы верующих в представительских органах власти, стремятся вовлечь их в ряды членов своих партий, включают служителей культа в избирательные списки партий и блоков, дают финансовую поддержку строительству культовых сооружений, делают пожертвования религиозным организациям, популяризируют свои идеи в религиозных общинах и т.д. Как видим, прорелигиозность – это обращённость к религии, не мотивированная внутренней религиозной убеждённостью.

Религиозный маргинализм хорошо прослеживается и в таком явлении как *приватизация религии*. Приватизация религии означает возрастание удельного веса личной религиозности, которая сопровождается значительным ослаблением воздействия общепринятых конфессиональных вероисповеданий на многих верующих людей. Социологические исследования состояния религиозности, например, в США, свидетельствуют, что 94% американцев верят в Бога и 71% – в жизнь после смерти, причем церкви и синагоги регулярно посещают только 40% из них. Разрыв между личностными религиозными убеждениями и формальным соблюдением религиозных обрядов объясняется тем, что большинство опрошенных верующих (81%) выразило единое мнение, согласно которому индивид должен выработать свои собственные религиозные убеждения независимо от влияния любых церквей [4]. Ослабление контроля религиозных убеждений со стороны церквей и приватизация религии рассматриваются в качестве двух взаимосвязанных тенденций: а) *религиозного эклектизма* и б) *внеконфессиональной религиозности* индивидов.

Религиозный эклектизм в области религиозной ориентации особенно свойственен современной молодёжи и интеллигенции. Эти люди сочетают формальную принад-

лежность к какой-либо конфессии с увлечениями другими конфессиональными учениями, такими как буддизм, кришнаизм и др. Проведенные в начале 90-х гг. социологические исследования в бывшем Советском Союзе выявили немало людей, идентифицирующих себя с христианством или православием, одновременно обладая повышенным интересом к восточной философии, спиритизму, парапсихологии. Так, например, многие учёные проявляют интерес к философии и системе йогов. У них большое значение уделяется янтрам. Янтры – это мистические геометрические фигуры, которые используются для медитации. Взяв янтру с изображением одного треугольника в центре, йог концентрирует своё внимание, но при этом мысленно прочерчивает линии этого треугольника. Такое "затреуголивание мысли" постепенно ускоряется и наконец достигает той степени, когда внутри треугольника ему открывается "окно" в так называемый тонкий мир мыслей. Следует отметить, что шестиконечная звезда (два взаимно перевёрнутых треугольника, наложенных друг на друга) считается янтрой для входа в пространство Того Света. При этом речь идёт не о загробном мире, как принято в христианстве, но особом пространстве, насыщенном информацией, откуда избранные получают духовную силу и знания. "Шестиугольное мышление" иногда присутствует и в нашей жизни. Прежде всего это интуиция учёного, которую на Востоке считают "подсказкой Того Света" [5].

Вторым каналом проявления приватизации религии является внеконфессиональная религиозность. *Внеконфессиональная религиозность* – это такая разновидность религиозности индивидов, когда последние формально не принадлежат ни к одной конфессии и официальной религиозной организации. Так, например, наблюдается категория верующих так называемых "христиан вообще", т.е. не относящих себя ни к одной из христианских конфессий (православию, католицизму, протестантизму). Исследования начала 90-х гг. в Советском Союзе показали, что среди опрошенных более 10% отнесли себя к "христианам вообще". Что касается Украины, то исследования 1995 г. в Одессе указали на 19% таких религиозных маргиналов [6, с. 276]. А вообще это исследование показало, что на уровне повседневной практики, в своей обрядовой ипостаси религия заняла по настоящему существенное место в жизни только 11% жителей города. У остальных религиозность существует как бы на периферии, на втором плане сознания и поведения, что характерно и для стран с давними и не прерывавшимися традициями [6, с. 277].

Религиозный маргинализм прослеживается и в *плюрализации религии*. Религиозный плюрализм – это распад последней на множество конфессий. В США, например, сегодня действует более 200 конфессий, на Украине более 70. За последние десятилетия бурными темпами распространились так называемые "нетрадиционные" религии: "Церковь объединения" Муна, "Миссия божественного света", "Общество трансцендентальной медитации", "Сайентологическая церковь" и др. Бурный рост "нетрадиционных" религий за последнее время во многом обусловлен протестом против бюрократической сущности церквей и деноминаций, их поддержки государственной политикой, неудовлетворённостью действующей в современных религиозных организациях идеологии и практики, выраженной чрезмерной ритуализацией, политизацией, смещением акцентов с внутреннего мира личности на внешнюю институциональную деятельность.

Религиозные общины нетрадиционных культов, которые действуют в Украине, влияют на общественную жизнь. Нововведения, привносимые деятельностью неорелигий в украинскую ментальность, вызывают в обществе неоднозначную реакцию: от полного запрещения до поддержки нетрадиционных способов мышления. Особо обращает на себя внимание то, что религиозная практика ряда нетрадиционных культов нарушает гарантированные Конституцией Украины права человека, хотя их члены добровольно выполняют наставления лидеров этих формирований. Следует заметить, что климат для распространения неорелигий в стране чрезвычайно благодатный. Это объясняется нынешней общественно-психологической и социокультурной атмосферой; отчуждённость адептов новых религий от традиций, что находится в основе ортодоксальных церквей; исключительной активностью иностранных миссий и их финансовыми возможностями, которые существен-

но превышают те, какими оперируют традиционные церкви. В более широком контексте причина бурной активизации неорелигий – общий ориентационный кризис евроцентристских цивилизаций, что обуславливается попыткой синтеза западной и восточной религиозной традиции и интенсифицирует религиозные эксперименты вообще; отсепарированность огромной массы населения постсоветского общества от автохтонной духовной традиции; общий духовный кризис, отсутствие стержневых идей и общезначимых ценностей; разрыв в социальном опыте и ценностных ориентирах между поколениями; ослабленность исторических церквей и неразвитость их миссионерской структуры.

Новые религиозные культы по мнению многих специалистов представляют собой "сугубо антропологический протест против меняющейся действительности". Однако своей всеохватывающей дисциплиной и контролем над поведением своих членов они являются своеобразным "магнитом" для тоталитаризма, также эти новые религии часто предлагают больше, чем действующие социальные институты, и показывают личности отдельные методы самопознания и самореализации. Можно констатировать тот факт, что новые нетрадиционные религии являются достаточно стабильным катализатором религиозного маргинализма.

Религиозный маргинализм имеет своё проявление и в *религиозном модернизме*. Религиозный модернизм – это процесс приспособления религии к современным условиям. В процессе модернизма обновляются различные элементы религиозного комплекса: вероучение, культ, религиозные структуры. Особенно интенсивно модернизм осуществляется в области богословских учений (теологический модернизм). Модернистски настроенные религиозные круги считают, что традиционная вера уже себя изжила. Сложившиеся представления о Боге как о чудотворце и избавителе уже не удовлетворяют современное сознание, которое ориентируется на науку и гуманизм. Из названного обстоятельства вытекает стремление сориентировать религию и теологию на актуальные вопросы современности, использовать науку и общегуманистические ценности в интересах теологии и вывести последнюю на новые рубежи. Странники модернизма выступают за активный диалог и сотрудничество религии и науки, религии со светской культурой, религиозными организациями с нерелигиозными в области решения глобальных проблем цивилизации. Не так давно известный католический теолог П.Тейяр де Шарден высказал мысль о необходимости "перевода на язык нашего времени" традиционного христианства как "христианства Крещения, Креста и Евхаристии" [7]. Выдвигаемая им программа создания нового богословия основывалась на синтезе основополагающих христианских идей с идеями гуманизма и эволюционизма. Активное стремление к обновлению религиозных принципов с опорой на науку и современный гуманизм прослеживается в среде богословов различных конфессий – христианских, мусульманских и др.

Между тем модернизм, направленный на обновление религиозных структур и либерализацию характера отношения религии к обществу, влечёт за собой не только укрепление общественной роли религии, но и способствует её дискредитации в массовом сознании. Это отлично понимает большинство сторонников модернизма. Поэтому в современной практике религиозных организаций доминирует тенденция умеренного модернизма, стремящегося выдержать баланс между обновлением религиозных структур и сохранением их традиционной основы. А это всегда будет источником для воспроизводства религиозного маргинала.

Как видим, в современном обществе происходят процессы, способствующие дальнейшему воспроизводству религии, возрастанию её роли и степени воздействия на индивидуума и различные сферы жизни социума. К примеру, в странах Западной Европы за последнее время произошёл сильный упадок христианства. Это вовсе не означает мировоззренческую переориентацию людей от религии к неверию. Упадок христианства в странах Запада образовал "религиозный вакуум", который стали заполнять нетрадиционные религии и мистические культы. Наблюдается возрастающий интерес к астрологии, спиритизму, парапсихологии, магическим ритуалам. В мистике привлекает представление о непосред-

ственным единении с Абсолютом, мечтание проникнуть в тайны бытия и Разума, стремление к всестороннему раскрытию и реализации внутренних "потенциальных возможностей" человека. Особенно популярна среди различных слоёв населения идея обретения душевного и физического здоровья, подорванного издержками цивилизации. В этой связи широко используются нетрадиционные методы оздоровления – йога, медитация. Современный мистицизм (неомистицизм) стремится активно использовать науку в традиционной мистике и опереться на эзотерические знания и практику Востока. Для традиционных религий более серьёзную конкуренцию составляет внеконфессиональная мистика. Всё это позволяет заключить, что индифферентное или негативное отношение к традиционным религиям отдельных социальных слоёв населения, их отторжение от официальных религиозных организаций зачастую сопровождается обращенностью не к религиозному неверию, а к мистическим культам, находящимся за пределами официальных конфессий и воспроизводящих религиозный маргинализм.

Литература:

1. Релігія і суспільство в Україні: фактори змін // Матеріали міжнародної конференції 15-16 травня 1998 р. – К., 1998. – 158 с.
2. Горбач А.Н. К вопросу о некоторых методологических аспектах исследования маргинализма // Харьковские социологические чтения – 97. – Харьков: Основа, 1997. – С. 84-88.
3. Энциклопедический социологический словарь. – М., 1995. – 939 с.
4. Социологический мониторинг: декабрь 1997.
5. Аргументы и факты. Украина. – 1999. – №7.
6. Кунявский М.Б. Религиозная ситуация в Одессе // Харьковские социологические чтения – 97. – Харьков: Основа, 1997. – С. 275-280.
7. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М., 1965.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное украинское общество в настоящее время переживает период существенных трансформаций социальной структуры. Эта трансформация носит тотальный, всеохватывающий характер и отражается на всех элементах социальной структуры общества, которая представляет собой единство социальных групп и социальных институтов.

Это подтверждается различными социологическими исследованиями, в частности, исследованием, проведенным в 1994-1996 гг. кафедрой социологии ХГУ на примере социального пространства г. Харькова (в июле 1996 года в Харькове было опрошено 978 человек, применена районированная трехступенчатая выборка с учетом распределения населения по полу, возрасту, образованию, роду занятий) [1].

Это исследование показало, что в обществе происходит процесс становления новых социальных групп (например, таких, как предприниматели). Все существующие на настоящий момент социальные группы, как недавно появившиеся, так и ранее существовавшие, являются маргинальными и отличаются размытостью границ. Также отмечено происшедшее в обществе разрушение среднего класса и последовавшая за этим поляризация общества. Многие группы, ранее формировавшие средний класс, оказались на данный момент отброшены в низший, некоторые – на самое дно.

В результате этого, вероятно, нет ни одного члена общества, вступившего в сознательный возраст, и при этом не изменившего образ себя, мира, общества под давлением этих общественных перемен. Более того, большинство не просто изменило свои представления о себе и мире, а растерялось под мощным напором происходящих вокруг изменений. Личность при этом переживает дезориентацию в социуме, что влечет за собой то, что в своей статье "Идентификация и инсценировка" [2] Л.Г.Ионин называет утратой биографии. Он расшифровывает это понятие, описывая его как утрату человеком целостности своей жизни, утрату целостности собственной биографии. Личность перестает ощущать связь между своим прошлым, настоящим и будущим: между ними вырастает стена. Э.Эриксон, работая в центре восстановления трудоспособности инвалидов войны в Сан-Франциско, впервые описал подобное состояние и ввел для него термин "утрата чувства идентичности" [3; 4].

Впоследствии понятие идентичности получило активную разработку. В силу высокой интегративности понятия идентичности появились уточняющие понятия "личностная идентичность", "социальная идентичность", "этническая идентичность" и пр. Понятие социальной идентичности разрабатывалось И.С.Коном, И.Гофманом и другими исследователями. Также было введено понятие "идентитет" – более мелкий результат процесса идентификации. В своей работе "Этническая самоидентификация личности" [5] Н.А.Шульц показывает, что личность может трактоваться как совокупность идентитетов. Возможно, правомерно говорить о том, что различные идентитеты, преломляясь в сознании личности, объединяются, образуя соответствующие идентичности – личностную, социальную, профессиональную и т.д. И далее, говоря о благополучном развитии, моратории или кризисе соответствующей идентичности, будь то социальной, профессиональной или этнической, можно делать вывод о том, переживает ли личность в целом кризис идентичности, и если да, то какая именно сфера ее жизни является тому причиной.

Л.Г.Ионин отмечает, что утрата идентификаций может быть обусловлена двумя возможными причинами: кардинальные изменения, происшедшие в психике личности, и существенные изменения в окружающей социальной среде, совершающиеся в краткие сроки

ки. Мы можем с уверенностью сказать, что в нашем обществе действует вторая причина, так как за истекшее время в нем изменилось все: от политического строя до условий жизни каждого из нас. Большинство социальных групп, как уже было сказано ранее, потеряли прежний социально-экономический статус. Большинство респондентов отмечают, что за последний год им стало жить значительно хуже (27,7%), тогда как значительные улучшения фиксируют всего 2,2% опрошенных. Некоторое ухудшение в своей жизни отмечают 17,8% респондентов, а 14,3% считают, что ничего по сравнению с прошлым годом не изменилось [1].

Исследование, проведенное коллективом кафедры социологии, показало, что происходящие глубокие трансформации общества, социальная поляризация и отбрасывание многих групп в низший класс тяжело влияют на психическое состояние людей, обуславливают пессимистическое настроение и неверие в будущее. 35% всех опрошенных (и 80% респондентов из низших слоев) чувствуют неуверенность в завтрашнем дне. 44% респондентов считают, что в обозримом будущем ничего не изменится [1]. Среди населения отмечено чувство невостребованности, ненужности обществу и государству. Особенно это касается квалифицированных рабочих и специалистов с высшим образованием. Среди рабочих преобладают настроения тревоги (29,6%) [1]. Мы уже приводили данные о том, как, по мнению респондентов, изменились условия их жизни за прошедший год. Сравним эти результаты, полученные из всего массива опрошенных, с данными для квалифицированных рабочих и разнорабочих. Среди квалифицированных рабочих значительное ухудшение условий отмечают 50,4% опрошенных, среди разнорабочих – 39,4%, некоторое ухудшение – 25,6% и 21,2% соответственно. Ситуация не изменилась по мнению 15,2% квалифицированных рабочих и 21,2% разнорабочих [1].

Мы видим, что условия благоприятствуют потере способности к идентификации себя и других: резко ухудшившиеся условия жизни повергают людей в состояние шока, пагубно влияющее на чувство идентичности. Вероятно, социальная идентичность должна страдать от этого особенно сильно.

И действительно, результаты исследования показали, что представители самых разных социальных групп идентифицируют себя со своей семьей, родственниками и с друзьями, приятелями (67,8% и 63% соответственно) вдвое чаще, чем с людьми одинакового с собой положения [1]. Это говорит о том, что члены формирующихся в настоящее время страт еще не чувствуют общности друг с другом, не осознают общих целей и не вырабатывают общих методов самозащиты, т.е. не являются социально зрелыми.

Н.А.Шульга отмечает: "В индустриальном обществе типичной является приоритетная идентификация личности со своей служебной ролью. Иначе говоря, в иерархии общностей, в которые входит личность, производственная, профессиональная стоит на первом месте. Такая ситуация является наиболее типичной для периодов спокойного, устойчивого развития общества. В периоды социальных потрясений на первое место выходят классовые, сословные, политические, религиозные или, как в наше время, этнические интересы. В центр общественной жизни и, естественно, общественного сознания перемещается соответствующая общественная группа" [5, с. 103].

Мы видим, что со второй частью приведенного высказывания можно согласиться лишь с поправкой на то, что либо социальная ситуация помимо "социальных потрясений" должна характеризоваться зрелостью соответствующих групп, либо идентификация с этими группами будет осуществляться по типу инсценировки [2] – внешнего усвоения атрибутики, стереотипов поведения групп. Подлинное усвоение ее ценностей и идеалов происходит лишь впоследствии. Настоящее время вполне может быть отнесено к периоду социальных потрясений, но в силу того, что старая стратификация общества быстро разрушилась, а новая стратификация еще не сложилась до конца, идентификация внутри социальных страт слабо выражена.

Первая часть этого тезиса, касающаяся возможного ослабления идентификации со своей профессиональной группой в периоды чувствительных социальных трансформаций,

подтверждается некоторыми данными, полученными российскими исследователями. С.Г.Климова, сравнивая исследования, проведенные в 1980-1983 гг. и 1992-1993 годах, делает вывод о том, что значимость работы понизилась, а также повысилась значимость семьи [6].

Снижение идентификации с профессиональной группой также отмечают О.Н.Дудченко и А.В.Мытиль [7], объясняя это реакцией на насаждаемое в течение многих лет представление о человеке в первую очередь как о работнике, игнорирование его собственно личностных качеств.

Однако исследование, проведенное коллективом кафедры социологии, призванное выявить социально-ценностные идентификации, присущие харьковчанам (было опрошено 1170 человек по общегородской выборке, репрезентирующей население по признакам пола, возраста, образования, рода деятельности и уровня дохода; ошибка выборки 5%), показало, что из десяти выявленных систем групповых ценностей система ценностей профессионализма заняла второе место. Следует отметить, что в этой системе ценностей профессионализма представлены ценности индивидуализма. Это может говорить о том, что значимость ценностей профессионализма у респондентов высока не только в силу высокой групповой солидарности с людьми той же профессии, но и в силу стремления владеть профессиональными навыками. Однако возможно и другое объяснение: происходит становление новой профессиональной идентичности на основе ценностных идентификаций. Неизвестно только, завершится ли ее формирование нормальным образом в сложившейся для наиболее квалифицированных представителей производственных и интеллектуальных профессий тяжелой жизненной ситуации.

В свете всех полученных данных представляется несомненным, что происходящие в современном украинском обществе перемены не могут не отразиться на формировании идентичности членов общества. Более того, с большой вероятностью можно ожидать наличие кризиса идентичности, в особенности, кризиса социальной идентичности. Это закономерное явление, которое должно быть пройдено и преодолено. При этом возможны как оптимистические, так и пессимистические результаты. Среди последних можно назвать минимую идентичность, не основанную на действительном приобщении к группе. Разумеется, эти предложения требуют отдельного специального исследования для своей иллюстрации и доказательства.

В заключение можно сказать, что путь к преодолению размытости социальной идентичности членов нашего общества – институализация групп, которая, повысив их социальную зрелость, благотворно повлияет на становление социальной идентичности их членов после неизбежного моратория – состояния кризисного формирования новой идентичности, сродни подростковому кризису.

Литература:

1. Якуба Е.А., Куценко О.Д., Хижняк Л.М., Безносков М.А., Евдокимова И.А. Изменение социальной классовой структуры общества в условиях его трансформации. – Харьков: Основа, 1997. – 230 с.
2. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. – 1995. – №4. – С. 3-14.
3. Эрикссон Э.Г. Детство и общество: Пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд "Университетская книга", 1996. – 592 с.
4. Эрикссон Э.Г. Идентификация: юность и кризис: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.
5. Шульга Н.А. Этническая самоидентификация личности. – К.: Институт социологии НАН Украины, 1996. – 200 с.
6. Климова С.Г. Изменения ценностных оснований идентификации (80-90-е годы) // Социологические исследования. – 1995. – №1. – С. 59-72.
7. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Семейная самоидентификация в кризисном обществе (Опыт использования техники семантического дифференциала) // Социальная идентификация личности – М.: ИС РАН, 1993. – С. 84-106.

бежн
пробл
лась
сущес
рые и
мана,
го по
преде
диции
потер
полов
разде
вероя
фичес
этап с
цепци
жет б
му на
истор
стиче
терь,
тради
ничес
Реали
ние н
конце
в 60-7
риска
нолог
рое до
рассм
ятнос
тов по

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РИСКУ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: К РАЗРАБОТКЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РИСКА

В последние годы понятие "риск" все чаще употребляется в отечественной и зарубежной науке.

Как отмечает Н.Луман [1], человечество по своей природе всегда было озабочено проблемой неопределенности будущего. Однако в древнем мире данная проблема решалась на основе веры в предсказания пророков. Вероятно, поэтому в древнем мире не существовало понятия "риск". Этимология слова "риск" до сих пор неизвестна. Некоторые исследователи считают, что слово имеет арабское происхождение. По мнению Н.Лумана, сегодня очень трудно установить причины возникновения и распространения данного понятия в связи с редким употреблением слова и в разных контекстах, в том числе за пределами контекста его возникновения. В целом же благодаря рационалистической традиции, связанной с именами Бэкона и Локка, риск принято отождествлять с возможными потерями, которые следует избежать.

Развитие собственно научных представлений о риске на Западе относится ко второй половине XIX – началу XX века. Можно выделить три основных этапа:

1) этап, связанный с изучением риска небольшой группой частных наук (некоторые разделы математики, статистики, рядом правовых и экономических дисциплин);

2) этап, связанный с исследованием риска значительным числом наук (теории игр, вероятностей, психологией, социальной психологией, военными, экономическими, демографическими, медицинскими, биологическими и другими дисциплинами);

3) этап, связанный с возникновением междисциплинарных исследований риска.

С моей точки зрения научные представления о риске вступили сегодня в четвертый этап своего развития, который связан с критикой объективистских (модернистских) концепций риска и возникновением нового направления в исследовании риска, которое может быть обозначено как релятивистское или постмодернистское.

Объективистский (модернистский) подход к риску. Подход, согласно которому научное знание о риске рассматривается как объективное, имеет продолжительную историю и, как правило, оценка риска в рамках данного подхода сводится к расчету статистической вероятности реализации нежелательных последствий, размера возможных потерь, комбинации вероятности и размера потерь. Данный подход к риску представлен в традиционных технических и социальных концепциях технологического риска.

Технические концепции риска технологий. Стимулом для возникновения технических концепций риска стали особенности развития НТП во второй половине XX века. Реализация некоторых достижений НТП в производстве повлекла за собой возникновение негативных последствий. В такой ситуации одинаково непригодными оказались как концепции технократизма, так и технофобские концепции. На этой противоречивой основе в 60-70-х годах XX в. сформировалось междисциплинарное направление исследований риска технологий. В рамках традиционного технического подхода к изучению риска технологий впервые было сформулировано определение риска как вероятности ущерба, которое до сих пор доминирует в литературе по анализу риска.

В целом, основные особенности технических концепций риска оказались связаны с рассмотрением результатов научного анализа риска как отражающих объективную вероятность наступления неблагоприятного события; с рассмотрением деятельности экспертов по оценке технологического риска как ценностно-нейтральной. Изучение проблем

общественного отношения к риску технологий в рамках технических концепций риска оказалось связано с использованием упрощенного подхода к объяснению общественного восприятия, предложенного в рамках "инженерного подхода" [2]. Согласно данному подходу, общество рассматривается как совокупность изолированных индивидов, каждый из которых хочет знать факты, которые убедят его в безопасности технологий. Соответственно правильно организованный процесс передачи информации об объективном риске технологий может изменить общественное отношение к нему. Логически такие теоретические основания привели к следующим принципам в управлении:

- принятие решения по поводу использования технологии считается обоснованным, если рассчитанный экспертами технологический риск не превышает уровня допустимого риска;

- решение проблем, связанных с общественным неприятием технологий осуществляется методом информирования населения о результатах научной экспертизы их риска

- роль социальных наук сводится к организации процесса передачи информации населению об объективном риске технологий.

Данное направление рассмотрения риска было подвергнуто значительной критике в связи с тем, что оно не смогло объяснить причины общественного неприятия технологий с низкой степенью риска и в условиях значительной информированности населения об экспертных оценках.

Социальные концепции риска технологий. Возникшие в 70-е годы XX в. исследования в области психологии риска послужили основой для формирования нового направления, основные особенности которого связаны с признанием многомерности социального восприятия риска, которое не исчерпывается исключительно ожиданием определенного вреда, крайне субъективно и, с точки зрения экспертов, субъектов управления, во многом иррационально.

В "социальном" направлении, занявшемся в основном изучением психологических особенностей восприятия риска технологий, сформировалось несколько основных групп исследований, которые условно можно различить по приверженности атрибутивной концепции, концепции ценностных синдромов, психометрической концепции, концепции стресса. Типичными направлениями исследований для психологов стали: конструирование механизмов и выделение основных факторов формирования восприятия риска [3].

В целом проведенные исследования дали ценный фактический и теоретический материал, позволили объяснить, почему экспертные и общественные оценки риска расходятся, а также обнаружили многомерный и значительно более сложный характер понятия "риск", чем это было сделано в рамках традиционных технических концепций риска. В то же время социальные концепции риска технологий не смогли создать целостной концепции. Кроме того, несмотря на некоторые различия в направлениях исследования, в "социальном" подходе к анализу риска технологий можно обнаружить общие с традиционным техническим подходом философские основания. Исследуя восприятие и отношение населения к технологиям, авторы социальных концепций риска исходят из существования объективного знания о риске технологий, определяемого собственно экспертами по технологическому риску, на фоне которого индивидуальные и социальные оценки рассматриваются как более или менее точные. Таким образом, основные принципы оценки риска и принятия решений в ситуациях, связанных с риском, не были подвернуты изменениям.

Релятивистский (постмодернистский) подход к риску. Альтернативный подход к риску основывается на признании социальной обусловленности и ценностной природы любого знания о риске. Из данного теоретического основания логически следует утверждение о неправомерности разделения "объективного риска" (или экспертного знания о риске) и "воспринимаемого риска" (или непрофессионального знания о риске), а также использование иных методов оценки риска и управления в ситуациях, связанных с риском. В связи с утверждением существования только "воспринимаемого" риска происходит изменение фокуса исследований: с определения вероятности материальных ущербов

– на субъекта восприятия риска (эксперта, непрофессионала и т.п.) и на социальные институты, социокультурный контекст в целом, в котором риск идентифицируется, оценивается и регулируется.

При рассмотрении проблем оценки и управления риском технологий с позиций данного подхода важность экспертного (объективного) анализа не отрицается, однако в целом объективистская парадигма представляется ограниченной. Признается, что решения по поводу использования технологии, принятые исключительно на основе экспертных оценок риска, не могут автоматически рассматриваться в качестве общественно приемлемых. Задача субъекта управления заключается в том, чтобы не только осознать субъективные основания собственных и экспертных взглядов на риск, но и инициировать создание институциональных средств для определения и согласования знаний о риске, имеющихся у других субъектов [4]. Роль социальных наук оказывается значительно шире выполнения функций, связанных с организацией одностороннего процесса коммуникации.

В советской науке понятие "риск" долгое время отсутствовало в связи с тем, что риск рассматривался в качестве атрибута предпринимательской деятельности в капиталистическом обществе. Кроме того, постулат жесткой детерминированности общественных процессов в советском обществе неизбежно исключал из них элементы неопределенности и риска. Возрождение интереса к проблеме риска в советской науке произошло в 50-60-е годы. В 70-е годы в Советском Союзе стали разрабатываться вопросы оценки технологического риска. Развитие представлений о риске в советской науке происходило на основе объективистского подхода.

Современная ситуация связана, на мой взгляд, с актуализацией интереса социальных наук к изучению общественного восприятия технологического риска в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. Кроме того, актуализация интереса к данной теме проявляется также в использовании некоторыми авторами эвристического потенциала понятия "риск" для оценки социальных последствий трансформационного процесса (А.П.Альгин [5], Ю.М.Плотинский [6], Ю.Привалов, А.Рогожин, Ю.Саенко [7] и др.). Следует также отметить появление работ Н.Лумана, У.Бека, А.Гидденса, в которых развиваются представления о риске как фундаментальной характеристике общества поздней современности и разрабатывается общая социологическая теория риска. Данные работы сыграли роль стимула в возникновении интереса к риску в социальной науке в постсоветском пространстве.

В целом, появление первых обобщающих отечественных и зарубежных публикаций, свидетельствует о росте интереса социальных ученых к теме риска как на Западе, так и в постсоветском пространстве. В то же время все эти пока еще разрозненные публикации нуждаются в координации и развитии. До сих пор отсутствует единство в определении понятия "риск". В качестве общепринятых положений выступает признание возможности и необходимости осуществления социального прогнозирования и оценки социального риска, что позволит "колонизировать будущее, ограничивая риск" [8].

На мой взгляд, принятие исключительно модернистского (объективистского) подхода в качестве философской основы для разработки социологической концепции риска в социологии в условиях трансформирующегося общества является не только эпистемологически неубедительным, но и политически опасным, т.к. позволяет исключить "непрофессионалов" из процесса социального управления и стимулирует процесс монополизации символической и политической власти. Следует признать преимущества релятивистского подхода в качестве философского основания для разработки социологической концепции риска, который не только утверждает социокультурную обусловленность знания о риске, необходимость участия "непрофессионалов" в оценке риска объекта и в управлении риском, но и не отрицает возможности участия в этих процессах обладателей "объективного" знания. Задача социологической концепции риска может заключаться в том, чтобы утвердить данный подход к риску в обществе и предложить соответствующие способы его оценки и управления.

Литература:

1. Luhman N. Risk: a sociological theory. – New York: Aldine de Gruyter, 1993. – 236 p.
2. Douglas M. Risk acceptability. According to the social science (Social research perspectives: occasional reports on current topics). – New York: Russell Sage Foundation, 1985. – 115 p.
3. См.: Никитин С.М., Феофанов К.Л. Социологическая теория риска в поисках предмета // Социологический прогноз. – 1992. – №10. – С. 120-127; Бабосов Е.М. Катастрофы. Социологический прогноз. – Минск: Наука и техника, 1995. – 427 с.; Мечитов А.И., Ребрик С.Б. Восприятие риска // Психологический журнал. – 1990. – Т.11, №3. – С. 87-95.
4. Bradbury J. The Policy implications of differing concepts of risk // Science, technology and human values. – Cambridge (mass), 1989. – Vol.14, N4. – P. 380-399.
5. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 1989. – 188 с.
6. Плотинский Ю.М. Риск в социальных реформах // Вестник Московского государственного университета. Серия 18. Социология и политология. – 1996. – №2. – С. 24-33.
7. Привалов Ю., Рогожин О., Саенко Ю. Соціальна експертиза: підходи й методи // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – №1-2. – С. 69-80.
8. Гидденс А. Судьбы, риск и безопасность // Теория и история экономических и социальных институтов и систем: THESIS. – М.: Начала-пресс, 1994. – Вып. 5. – С. 109.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИОННОГО КОНФЛИКТА

В последнее время вопросы, связанные с понятием конфликта обсуждаются довольно часто. С одной стороны, подобные обсуждения являются продолжением научных дискуссий о природе, характере, закономерностях конфликта, начатых еще Аристотелем, впервые связавшем понятие конфликта с представлениями о государстве и признавшим конфликт явлением естественным и неизбежным. С другой стороны, повышенное внимание к теме конфликта обусловлено теми трансформациями во всех сферах общественной жизни, которые происходят в настоящее время в нашей стране и сопровождаются целым рядом конфликтных явлений. Стремление разрешить актуализировавшиеся, а по возможности и предотвратить назревающие конфликты, ведет к преимущественному развитию различных методов и методик прогнозирования, анализа и разрешения конфликтов. Кроме того, среди современных тенденций развития конфликтологии надо отметить особое внимание к конфликтам в конкретных сферах общественной жизни, что ведет к детальному изучению таких понятий как экономические конфликты, политические конфликты, национальные конфликты и т.д.

В данной статье хотелось бы привлечь внимание еще к одной сфере развития социальных конфликтов – коммуникации и описать тот круг явлений, которые характеризует понятие коммуникационного конфликта. Обращение к данному вопросу является важным, поскольку коммуникация представляет собой такой социальный процесс, который выполняет связующую функцию в общественной структуре. Так как любое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых или косвенных отношений с другими людьми, то можно сказать, что коммуникация пронизывает все сферы социальной деятельности и выступает ее смысловым аспектом. Именно это и определяет важность знания законов эффективной коммуникации, внимание к ее характеру, проблемам конструирования, поддержания. Сложность и многогранность процесса коммуникации определяет внимание к ней со стороны множества наук (и научных направлений), среди которых науковедение, философия экзистенциализма и персонализма, социология, психология и социальная психология, публик рилейшнз, менеджмент и маркетинг. Как правило, каждая из них концентрируется на конкретном аспекте коммуникации. С одной стороны, это является несомненным преимуществом, поскольку предоставляет огромный массив информации об определенных сторонах процесса, его функциях, участниках и т.д. Однако, все более повышающееся значение коммуникации в настоящее время требует, во-первых, синтезирующего подхода к ее изучению, который позволит классифицировать группы факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс коммуникации, а во-вторых, внимания к данному процессу со стороны конфликтологии, которая может стать базой такого подхода.

Практически каждая из наук, так или иначе изучающих коммуникацию, огромное внимание уделяет проблемам, препятствиям в осуществлении успешной коммуникации. Но, пока ни одна из них не говорила о тех противоречиях в процессе, которые могут привести к конфликтам. Собственно не применялось и само понятие, хотя на наш взгляд, оно имеет право на существование, хотя бы потому, что коммуникация, являясь одним из видов социальной деятельности представляет собой такой же источник конфликтов как и любой другой. Определение данного понятия даст возможность не только прогнозировать коммуникационные конфликты, но и разрабатывать методы их разрешения. Кроме того, знание видов коммуникационных конфликтов существенно облегчит разрешение конфликтов в других сферах, поскольку коммуникационный конфликт, являясь самостоя-

тельным видом, может сопутствовать любому другому виду (экономическому, политическому, национальному, межличностному и т.д.), выступая его составляющей, непосредственным началом, либо своеобразным "осложнением".

Каковы же те группы факторов, которые можно охарактеризовать понятием коммуникационного конфликта. Для ответа на этот вопрос думаю, первоначально необходимо описать группы важнейших факторов, оказывающих влияние на процесс коммуникации, затем выделить группы проблем коммуникации, проистекающих из этих факторов и, на последнем этапе, выделить основные типы коммуникационных конфликтов путем своеобразной "фильтрации" выделенных проблем через три важнейших класса конфликтов в сложных системах.

Итак, вернемся к понятию коммуникации. Здесь будет использоваться понятие коммуникации, получившее распространение в публичных речевых, менеджменте и маркетинге. Коммуникация понимается как двусторонний процесс обмена сообщениями, который основывается на общеразделяемых понятиях. Этот процесс, как свидетельствуют исследователи проблемы, прежде всего определяется содержанием отношений коммуникаторов и их социальным окружением. То есть схема коммуникации предстает как система из следующих элементов: отправителя сообщения, получателя, канала передачи (наличие обратной связи здесь обязательно, что предполагает и наличие канала ее осуществления) и внешней социальной среды. Данный подход восходит к американскому теоретику коммуникации У.Шрамму, писавшему: "Коммуникация – это то, что осуществляется людьми. Сама по себе без людей она не существует... Чтобы понять процесс человеческой коммуникации, необходимо познать, как люди общаются между собой" [3]. В дальнейшем развитии теории коммуникации такой подход обусловил преимущественное внимание к социальным характеристикам участников коммуникации. Среди них, как правило, выделяют такие: личностные (пол, возраст), статусные, культурные, образовательные, семейные, религиозные, социально-классовые и национальные. Также немало внимания уделяется социально-психологическим характеристикам участников коммуникации, причем основное внимание уделяют вопросам восприятия как получаемой информации, так и информирующего. Представляется, что изучение и учет этих групп факторов традиционен, тогда как значительно меньше внимания уделяется исследователями информационным факторам. На мой взгляд, именно они являются тем "углом зрения", под которым необходимо рассматривать другие две группы, потому как коммуникация по своей сути это взаимобмен информацией определяющими в этом процессе являются вопросы по организации этой информации: поискам каналов передачи, проблемы кодирования и декодирования и т.д.

Информационные факторы процесса коммуникации можно подразделить на характеристики передаваемой информации, характеристики участников коммуникации, характеристики каналов передачи, характеристики посредников и характеристики внешней информационной среды. При этом ранее приводимую схему коммуникации можно несколько расширить, дополнив ее понятием посредников в коммуникации и понятием внешней информационной среды. Под информационными характеристиками участников коммуникации предлагается понимать принадлежность их к определенным информационным средам, которая определяет количество и качество той информации, которой располагают участники. Именно эта принадлежность является своеобразной призмой, через которую рассматривается вновь поступающая информация. Она оказывает значительное влияние на готовность воспринимать новую информацию и нацеленность на определенные каналы информации. При этом, информационные характеристики, на мой взгляд, не совпадают с социальными характеристиками участников коммуникации и не определяются ими полностью. Они являются довольно гибкими и подвижными. Например, люди независимо от своего социального статуса, а иногда и желания, могут быть в достаточной мере подвержены действию рекламы, которая благодаря современным технологиям способна воздействовать и на уровень подсознания. Кроме того, разностороннее общение, в том числе и представителями иных культур, социальных групп накладывает свой отпечаток, поскольку

"поставляя" человеку определенную информацию, делает его частью своей информационной среды, которая в дальнейшем может оказывать влияние на его образ мыслей.

Под внешней информационной средой предлагается понимать разнообразные потоки информации, не структурированные и не имеющие непосредственного отношения к предмету осуществляемой коммуникации. Однако учет факторов внешней среды является необходимым, поскольку в ряде случаев она может выступать как шум, затрудняя процесс, а в ряде случаев (например, в случае информационного вакуума в системе) может являться сферой поиска необходимой информации, причем в этом случае последствия могут быть самыми разными — от действительного удовлетворения информационных запросов до порождения слухов и мифов.

В качестве посредников предлагается рассматривать СМИ и референтные группы, "лидеров мнений" (в случае массовой коммуникации). СМИ необходимо рассматривать как посредников потому, что им принадлежит огромная роль в трансформации исходной передаваемой информации, когда ее создатель не принадлежит СМИ. В любом случае, исходная информация, проходя через СМИ, зачастую претерпевает изменения всех своих характеристик, например, объема, содержания, формы подачи, так что СМИ становятся полноправными участниками осуществляющейся коммуникации. Референтные группы, "лидеры мнений" также способны трансформировать информацию значительным образом, существенно влияя на восприятие информации и ее источников, поэтому учет их участия в коммуникации также необходим.

Поскольку одной из основных задач построения эффективной коммуникации является получение обратной связи, что предполагает не только привлечение внимания реципиентов информации, но и стимулирование интереса, а также побуждение к определенным действиям, то естественно, что все построение коммуникации должно быть подчинено решению этой задачи. Прежде всего, это касается характеристик передаваемой информации. В данной связи предлагается использовать к передаваемой информации психолингвистический подход и понимать ее как текст, то есть не потоки информации вообще, а текстуально организованную смысловую информацию, структурированную с учетом мотивов и целей коммуникации [2]. Это, во-первых, позволит выделить и отличить информацию, передаваемую в процессе коммуникации от информации, циркулирующей во внешней информационной среде, во-вторых, даст возможность изучать передаваемую информацию с точки зрения программы по ее созданию, а значит, и осмыслению, выясняя, прежде всего, мотивы и цель сообщения, а затем рассматривая сам материал, в котором они реализуются. Главной характеристикой текста, подлежащей изучению, здесь становится информативность, являющаяся не отрывочным, несистемным знанием предметно-ситуативного и теоретического свойства, а целостной системой представлений о той или иной сфере, позволяющей выносить обоснованные суждения. При таком подходе на первое место выходит проблема адекватной интерпретации, которая по своей сути не равна общему пониманию содержания, и представляет собой интерпретацию получателем информации замысла, цели, основной идеи сообщения, т.е. коммуникативного намерения автора. Данная проблема очень сложна, поскольку при отсутствии адекватной интерпретации, нарушается и основной принцип коммуникации — общепонятность. Это нарушение имеет место при пропуске содержания смысловой информации через индивидуальное вербальное сознание, когда изменяется исходное содержание информации. Такая постановка проблемы требует учета еще одной (помимо комплекса социальных и психологических) характеристики участников коммуникации — уровня семиотической подготовленности, который определяется как знание общих социо-культурных значений, простых средств и инструментов коммуникативной деятельности и способность и подготовленность к адекватной интерпретации текстов. Выделение новой характеристики предполагает и выделение среди получателей информации семиотических групп, различающихся по уровню семиотических умений и навыков. Основная сложность здесь заключается в том, что семиотические характеристики носят ситуационный характер и определяются по отношению к каждому конкретному случаю

(тексту). Все три группы указанных характеристик имеют огромное значения для процесса декодирования сообщений, а значит и для всего процесса коммуникации.

Кроме ранее приведенных характеристик передаваемой информации не менее важными являются характеристики, связанные с объемом, своевременностью сообщений, мерой адекватности отображения событий, актуальностью.

Такая многогранность процесса коммуникации, наличие в ней множества участников, обусловленность целым рядом факторов, дает возможность предположить, что участники могут иметь различные, а иногда и противоположные цели, влияние различных факторов может также быть довольно противоречивым, что, в конечном итоге, способно привести к конфликтам. Несмотря на кажущуюся простоту и естественность данного понятия, в науке не существует единого определения конфликта. Так, например, Боулдинг определяет его как состязание, в котором стороны стремятся достичь несовместимых положений. В теории игр конфликт изучается как поиск пути оптимальных решений [1]. А чешские ученые Ф.Харват и Я. Кучера разрабатывают концепцию конфликта как действия против "зависимости" – противоречия между возможностью и необходимостью реализации некой деятельности социального объекта [5]. Я же, для определения круга явлений, характеризующихся как коммуникационные конфликты, воспользуюсь определением трех основных групп причин конфликтов в сложных системах, предложенным А.А.Стогним и А.И.Кондратьевым в их работе "Теоретико-игровое информационное моделирование в системах принятия решений". Здесь выделяются конфликты, связанные с ограничением ресурсов в системе, различными целями подсистем, различными целями внешней среды и самой системы.

Теперь попытаемся соотнести различные проблемы коммуникации с данными группами причин конфликтов. К первой группе прежде всего относятся все варианты проблем связанные с объемом передаваемой информации. Во-первых, когда изначально объем передаваемой меньше, чем необходимо получателю. Крайним случаем проблемы является информационный вакуум в системе. Следствием такой ситуации является обращение к внешней информационной среде, обращение к посредникам, домысливание, слухи, а иногда и постепенное угасание интереса к подобной информации. Во-вторых, когда изначально объем передаваемой информации больше необходимой. Как правило, следствием этого является рассеивание информации, не исключено, что во внешнюю среду при этом уходит и наиболее ценная информация, которая как таковая просто не воспринимается. В-третьих, это увеличение или уменьшение объема информации при ее передаче, при этом подобные эффекты могут быть как преднамеренными (например, удерживание наиболее интересной информации в СМИ до определенного момента, с целью сделать ее еще более ценной, либо удерживание информации референтными группами в своих целях), так и не преднамеренными, когда увеличение объема происходит вследствие многократного ретранслирования информации.

К данной группе относятся и проблемы со своевременностью передачи информации. Запаздывание информации чаще всего приводит к постепенной потере ее актуальности, а то время как опережение ведет к невостребованности или к созданию искусственного интереса вокруг проблемы.

Проблема ограниченности ресурсов связана и с наличием надлежащих средств кодирования информации, обеспечивающих сохранение ее исходного смысла. Эта проблема прогрессирует при наличие посредников, что делает процесс кодирования многократным.

Немаловажной является и несовместимость языковых "ресурсов" участников коммуникации. Здесь речь идет и о различии языков, которыми владеют коммуникатор и реципиент, так и об уровне семиотической подготовленности реципиентов, которые обуславливают возможности декодирования информации. В любом случае, такая несовместимость может быть использована посредниками, как в сторону повышения доступности, при сохранении исходного смысла, так и в сторону значительных искажений. Главное, что при этом нарушается основной принцип коммуникации – ее общепонятность.

Ко второй группе причин коммуникационных конфликтов можно отнести проблемы, связанные с привлечением внимания реципиентов информации. Эта проблема актуальна как для непосредственных источников сообщений, так и для посредников в лице СМИ, для которых эта проблема усложняется характером предпочтений их аудиторий. Различные цели участников коммуникации могут породить и такие явления, как дезинформирование, слухи, источниками которых могут являться как непосредственные участники коммуникации, так и посредники.

Третья группа причин связана, главным образом, с препятствиями, которые создает внешняя среда, выступая как источник шума.

Подобное определение круга явлений, характеризующих коммуникационный конфликт может в дальнейшем стать основой для построения его классификации и методик прогнозирования и разрешения конкретных видов коммуникационных конфликтов.

В качестве резюме хотелось бы отметить, что сложность и многогранность процесса коммуникации требует его дальнейшего изучения. Одной из сфер, требующих особого внимания, по мнению автора, является сфера коммуникационных конфликтов. На данном этапе основной задачей представляется четкое определение понятия коммуникационного конфликта. Ведущую роль при формировании данного понятия, помимо традиционных социальных и психологических характеристик, будут играть информационные характеристики процесса коммуникации.

Литература:

1. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта - М.: Радио и связь, 1989.
2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М.: Высшая школа, 1980.
3. Королько В.Г. Основи публік релійшнз: Посібник. - Київ: Інститут соціології НАН України, 1997.
4. Стогний А.А., Кондратьев А. И. Теоретико-игровое информационное моделирование в системах принятия решений. - Киев: Наукова думка, 1986.
5. Найденова Л.И. Социологические теории конфликтов и их разрешения // Социально-политический журнал. - 1994. - № 1-2.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КОНЦЕПЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Исследование постиндустриального общества активно осуществляется на протяжении вот уже несколько десятилетий во многих отраслях знания. Это прежде всего связано с тем, что проблемы, возникающие в жизни человечества, стали следствием многочисленных перемен в политике, экономике, культуре и обусловили изменение положения и роли человека в мире, а также специфику его взаимоотношений с природой и техникой. Обращение к данной проблематике способствовало появлению многочисленных и разнообразных теорий, среди которых широко известны учения Д.Белла, Дж.Рифкина, Дж.Лихтхайма, Д.Рисмана, Э.Бжезинского, А.Тоффлера и других. Исходя из социально-экономических особенностей постиндустриального общества, постараемся очертить некоторые рационально-иррациональные аспекты функционирования такой системы социального порядка и места в ней человека.

В постиндустриальном обществе первостепенную роль играет информация в сравнении с веществом и энергией, которые в обществе индустриальном определяли темпы развития мировой цивилизации. Появление теории информации, а затем кибернетики и социальной науки об управлении дало мощный импульс для развития новых технологий, что принципиально изменило организацию производства. Один из теоретиков постиндустриального общества Д.Белл считает, что "основным методологическим достижением второй половины XX века является управление организованными множествами – теориями множеств с большим числом переменных и комплексными организациями и системами, требующими координации деятельности сотен тысяч и даже миллионов людей" [1, с. 331]. Такой механизм представляет собой инструментальный способ рационального действия и в современной научной литературе получил название "интеллектуальной технологии", так как дает возможность перейти на место интуитивных суждений алгоритмы, т.е. четкие правила принятия решений. В такой ситуации актуализируется одна из ключевых проблем постиндустриального общества – проблема взаимодействия человека и производства, подчеркиваю, именно взаимодействия, ибо сверхрациональная его организация поглощает и растворяет личность. Поэтому важным представляется создание таких условий, при которых индивидуальность становится важным элементом организованного множества, и, как следствие, появляется надежда на то, что отношения подчинения хотя бы отчасти утратят свой прежний тотальный общественный характер. Это становится возможным только при условии, если предпосылкой социального прогресса будет индивидуализированное создание информации и знаний, а не массовое материальное производство. Нарастание рациональности – это ничто иное как увеличение степени отчуждения человека, а с этим связаны болезненные, хотя и не всегда осознаваемые, процессы потери человеком индивидуальности и, как следствие, его обезличивания. С одной стороны, бурный рост "индустрии знаний", необходимость постоянного совершенствования, полное поглощение человека технологическими процессами, всесторонняя унификация жизни, а, с другой стороны, стремление к всеобщему благополучию способствует тому, что чем больше человек имеет, тем большую зависимость от созданных им же вещей он попадает, становясь одномерным безликим. "Характерной чертой развитого современного общества является то, что оно остается действующими и те потребности, которые требуют освобождения – освобождения от того, что терпимо, выгодно и удобно: в тоже время оно "щедро" поддерживает и оправдывает разрушительную силу и функцию подавления общества. При этом социальный контроль"

Кононов Олексій Олександрович – кандидат філософських наук, старший викладач кафедри філософії і політології Харківського державного економічного університету (м.: 40-10-92)

навязывает господствующую потребность в производстве и потреблении ненужных вещей; потребность в отупляющей работе, где она в действительности больше не нужна, потребность в разнообразных видах разрядки; которые смягчают и продлевают это отупление..." [2, с. 131]. Как становится очевидным, тотальная рационализация не только растворяет личность в технологических процессах, но и ограничивает, если совсем не исключает, возможности регулирования собственных действий. Многообразные процессы, связанные с такой деформацией личности, способствуют идентификации индивида с обществом как целым организмом. Один из представителей франкфуртской школы Г. Маркузе полагает, что огромная сила существующего социального порядка "делает индивида неспособным осознать то, что не существует фактов, которые не выражали бы репрессивные власти целого. Когда индивиды обретают себя в вещах, их окружающих, то не индивиды приписывают законы вещам, они сами начинают подчиняться законам, диктуемым этими вещами, законам не физическим, а социальным" [2, с. 134]. Таким образом, господствующая рационализация в экономической системе, трансформирующаяся на все сферы общественной жизни постиндустриального общества, становится отличительной особенностью существующего социального порядка наиболее развитых государств планеты. Ни с этим ли связывал О. Шпенглер приход цивилизации, в которой сложнейшие технологии и информация господствуют над человеком и его чувственностью?

Знания и информация, будучи ключевыми социальными ресурсами в такой системе, оказывают огромное влияние на человека и его положение в обществе. Производственные процессы все больше связаны с потреблением информации и знаний, доступ к которым и есть условие свободы. Следствием этого является возникновение проблем законодательного порядка, ибо информация — это власть, и, как следствие информационное неравенство ведет к неравенству социальному. Общественные изменения, особенно когда они осуществляются посредством специфических технологий, с неизбежностью ставят перед обществом сложные политические проблемы, и, прежде всего, они связаны с формированием новой инфраструктуры общества. Так сможет ли человек, помещенный в среду господства инструментального знания и технократического мышления принимать адекватные решения или же вообще их принимать, поскольку господствующий рационализм может эту прерогативу полностью передать компьютеру.

Вырисовывавшаяся картина положения человека в постиндустриальном обществе отнюдь не оптимистична. Каков же выход из создавшейся ситуации? Представители франкфуртской школы — одни из первых обратились к решению поставленной проблемы, утверждая, что необходима тотальная критика существующей организации социального порядка. Необходимо стать в оппозицию к современному обществу. Один из представителей школы Т. Адорно говорит о потребности в новом типе мышления, мышлении революционном, которое не должно превращаться в систему, поэтому главной задачей такого мышления он объявляет разрушение всех систем, где имеет место рациональность. В человеческом сознании есть нечто такое, что не систематизировано, поэтому этот "пласт" сознания необходимо вывести на "авансцену" и тогда человек "проснется" и начнет мыслить вне системы. Истинным диалектическим мышлением Адорно объявляет не то, которое основывается на логике, а то, чье основание базируется на эстетике. К такой позиции присоединяется и Г. Маркузе, заявляя, что чем больше человек занят в производстве материальных благ, тем более он угнетает свою сущность, свою чувственность в силу высокого уровня организации производства и его унификации. По сути дела, развитие цивилизации влечет за собой снижение чувственности. Поэтому, с точки зрения Маркузе, необходима революция во всем, и прежде всего в мышлении. Акцент необходимо делать на воображение, в силу того, что оно обладает творческим потенциалом. Пока труд будет носить репрессивный характер, никаких положительных улучшений человеку ждать не придется. Труд необходимо отождествлять с игрой и может быть даже наиболее эффективный способ, по мнению представителей франкфуртской школы, это возврат человека к тому периоду, когда он только начинал покорять природу, что больше выглядит иллюзией и надеждой нежели руководством к действию.

Можно, конечно, возразить, что подобные идеи представителей франкфуртской школы были описаны более тридцати лет назад. Но вряд ли можно считать, что современные тенден-

ции развития постиндустриального общества существенно отличны от тех, с которых говорили Ю.Хабермас, Г.Маркузе, Т.Адорно. Рационализм по-прежнему порабощает человека, остается отличительной особенностью его мышления и характеристикой действий. Массовая культура становится еще более массовой, массовый человек так и остается в обществе отчужденного труда, активное покорение природы и наращивание технической мощи имеет все более устойчивую тенденцию к усилению.

Призывы к разрушению тотальной рациональности, господствующей в постиндустриальном обществе, с помощью переструктурирования системности мышления, стереотипов, шаблонов в идеях и действиях – это, по сути дела, обращение к иррациональному и, возможно, хотя бы частично может решить поставленную проблему. В такой ситуации мы сталкиваемся со стремлением реализовать креативные проявления иррационального как феномена сознания. Такие конструктивные функции, связанные с воображением и творчеством, способны вернуть человеку его чувственность, индивидуальность, помочь ему полноценно познать все богатство и разнообразие духовной и материальной действительности. Однако, обращаясь за "помощью" к иррациональному, не следует забывать о его негативных, разрушительных проявлениях. Одной из особенностей постиндустриального общества является стремление к постоянному совершенствованию существующего рационального порядка в рамках действующих социальных институтов, не допуская никаких альтернатив. Общество, подчиняя себе науку и технику, перестраивается для более действенного господства над человеком и природой, для становящегося все более эффективным использования своих ресурсов. Следствием этого может быть и процесс тотальной иррационализации: переход в сознании человека смысловой структуры социального действия в пространство традиционных, харизматических ориентиров, разрушение критического умястроения. "На фоне фантастических и безрассудных аспектов его [постиндустриального общества – прим. авт.] рациональности сфера иррационального становится на место действительно рационального – идей, которые могли бы "возвысить жизнь до искусства" [2, с. 139]. При таком положении вещей общественная ситуация, которая складывается и утверждается в виде описанной экономической, политической, духовной обстановки, последовательно в определенной форме начинает отражаться в сознании человека, а затем все полнее и глубже осознаваться как единственно возможная реальность. В ситуации, когда общественные проблемы так многочисленны, а возможности для обстоятельной дискуссии так ограничены активизируются и начинают широко применяться различные формы манипулирования общественным мнением, что еще более негативно сказывается на положении человека в обществе.

Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, всесторонний технический прогресс способствовал рационализации всех сфер общественной жизни и, главным образом, самой сущности человека, что ставит его на путь деиндивидуализации и отчуждения (и здесь необходимо всякое разрушение рациональности иррациональными способами: творчеством, воображением и т.д., в чем выражается позитивное проявление иррационального), с другой стороны, управление обществом, государством, основанное на принуждении к конкретным действиям, как правило, осуществляется иррациональными методами: абсолютизация идей, спонтанное принятие решений в зависимости от складывающихся обстоятельств и т.д., в этом выражается его негативизм. Поэтому для реализации одной из популярных идей теоретиков посттеорий относительно того, что "люди окажутся занятыми только там, где необходимы человеческие оценки, суждения и творчество" необходим поиск "разумного компромисса" во взаимодействии и формах взаимодополнения рационального и иррационального, что представляется вполне реальным, в особенности если учесть уже успешный опыт этого в науке: рациональный характер иррационального признан в математике, естествознании, психоанализе.

Литература:

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986.
2. Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1990.